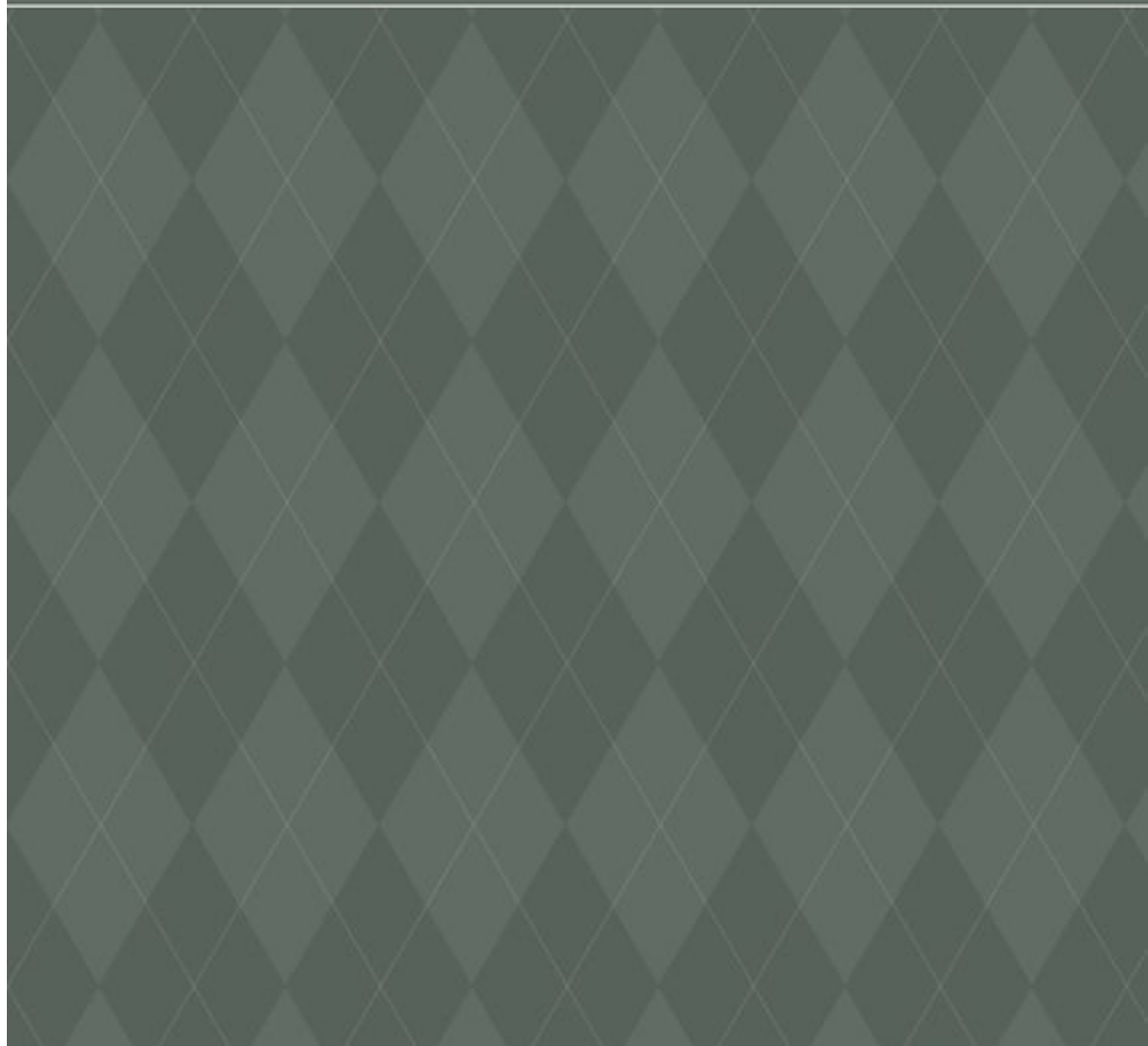

Владимир Лиховид

Пластун

Владимир Лиховид

Пластун

«Издательские решения»

Лиховид В.

Пластун / В. Лиховид — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742674-3

В историческом романе красочно описывается эпоха запорожского низового качества. Эта захватывающая история начинается с того, что главный герой попадает в плен к жестоким захватчикам татарам. Его родные убиты, впереди ждет рабство, но Иван не тот человек, чтобы покориться такой незавидной судьбе...

ISBN 978-5-44-742674-3

© Лиховид В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	52
Глава 15	54
Глава 16	57
Глава 17	60
Глава 18	63
Глава 19	66
Глава 20	70
Глава 21	74
Глава 22	79
Часть вторая	81
Глава 23	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Пластун

Владимир Лиховид

© Владимир Лиховид, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Запорожцы! Низовые или сечевики, как их называли на Украине.

Своеобразное мужское сообщество, братство, возникшее к концу XV века близ устья Днепра на ничейных тогда «диких» землях. Братство отчаянных храбрецов, лихих голов, порвавших со своим кругом, ценящим превыше всего личную свободу и честь!

Не признавая над собой никакой власти, кроме принятых большинством голосов казаков, законов Коша, запорожцы твёрдо отстаивали православную веру на украинских землях и защищали южные границы Речи Посполитой от татарских и турецких нашествий.

Но отношение к запорожцам на Украине было противоречиво. Украинское дворянство-шляхта, их недолюбливала за дерзкий нрав и независимость. Но часто использовала казаков в своих постоянных сварках за власть. Правившие страной польские магнаты сечевиков вообще терпеть не могли за непокорность и защиту православия. Но нуждались в их силе и воинском искусстве, в борьбе против постоянно грозивших Польше мощнейшей Османской империи и Крымского ханства. Простой народ, из недр которого казаки в большинстве своём и происходили, любил их за храбрость, защиту веры и презрение к «панам». Но побаивался крутого нрава сечевиков...

Считая себя «лыцарями», людьми чести и воли, запорожцы презирали «чёрный» крестьянский труд и свысока относились к «холопам». В мирные времена – обычно весенне-зимний период, когда основная масса сечевиков расходилась по домам, соседство с ними было сущим наказанием для жителей сёл и местечек на Украине. С утра до вечера, просиживая в шинках, казаки поглощали огромное количество спиртного и гуляли вовсю!

Обычным явлением были погромы и дебоши, устраиваемые запорожцами. Задеть на улице богато разодетого пана, двинуть по физиономии из-за пустяка своего соседа-мужика или затащить при случае девку на сеновал – всё это для сечевиков считалось банальным времяпровождением.

Поэтому мещанское население и польские власти облегчённо вздыхали, когда к концу весны низовые вдруг дружно прекращали гулять. Смирно шли казаки в церковь, где искренне каялись во всех своих больших и маленьких грехах. И, получив благословение от священника, уходили на юг, за пороги на Сечь!

Значит, вновь будет дерзкий набег на татар или турок. Значит, вновь где-то далеко будут сверкать сабли, и литься ручьём молодецкая кровь...

Такими и остались в памяти народа запорожские казаки: и немного пираты и разбойники, и рыболовы, и охотники, и храбрейшие в мире воины, отстаивавшие родную землю от разного рода врагов!

Вот им, моим славным предкам казакам Славного Войска Запорожского Свирепого и посвящаю эту книгу.

Владимир Лиховид

Часть первая

Глава 1

Что-то свистнуло и дед Микола, захрипев, плавно опустился на колени. Ярко-жёлтый соломенный брыль свалился с головы старика, обнажив длинный седой оселедец. Стрела, ещё дрожа жёстким чёрным оперением, торчала из его горла. Окаменев, Иван смотрел на тоненькую алую струю, быстро заливающую рубаху-вышиванку своего деда.

– Диду, диду... – хлопец, отбросив вожжи, кинулся к нему и обхватил ещё тёплое тело обеими руками.

– Визг и дробный стук копыт резко ударили в уши. Смуглые всадники, в остроконечных лисьих малахиях и овчинных чекменях дико вопя, крушили всё вокруг себя кривыми саблями:

– Татары! Татары! Рятуйся кто може! – люди в панике заметались по улицам и дворам, жалобный вой и крики ужаса поднялись над селом. Женщины хватали детей и пытались укрыться в погребках и овины. Мужики – кто бросился прятать своё добро, кто просто топтался на месте, не зная, что делать. Некоторые взяли за топоры и вилы, но было поздно. Низкорослые лохматые татарские кони, казалось, возникали из ниоткуда, вмиг заполонив улицы. Схваченные арканами падали на землю люди, плавали в лужах крови тела тех, кто пытался сопротивляться...

Оставив убитого деда, Иван метнулся под воз и замер за колесом. Сжавшись в комочек, пытаясь стать как можно меньше, незаметнее, он побелевшими губами шептал слова молитвы.

Простоволосая, прижимая к себе младенца, выскочила из горящей хаты соседка, тётка Мария. Держась за подол её платья и вопя во всё горло, бежали во след за матерью двойняшки – Андрейка и Миколка, пяти лет отроду. Взрыли землю широкие копыта татарской лошади. Смуглый воин в овчинной безрукавке оскалась, схватил женщину за волосы. Охнув, Мария упала на колени, крепко притиснув к груди куль с ребёнком. Ухмыляясь, крымчак ловко накрутил её длинные волосы на руку и рывком поднял на ноги. Вздывая тучи серой пыли, появились на улице ещё несколько всадников. Сдерживая коней, они окружили татарина в безрукавке, тыкая в женщину и детей пальцами. Их визгливые гортанные голоса далеко разносились по воздуху.

По-прежнему крепко удерживая Марию за волосы, крымчак что-то весело воскликнул и вырвав ребёнка из рук матери, подбросил его вверх. Дикий крик женщины слился с визгом татар – один из всадников быстро поднял копьё, и падающий белый кулёк насел на острое стальное жало. Мария, качнувшись, повалилась на землю; жалобно хныкали двойняшки...

Страшный рёв перекрыл на мгновение плач детей и смех татар. Здоровенный мужик с окровавленным лицом, в разорванной в клочья рубахе вдруг появился на улице. Это был кузнец Хома, муж Марии. Уставя в татар обезумевшие глаза, разинув в нечеловеческом крике рот, он занёс оглоблю – чудовищный удар сбил на землю нукера, поднявшего на копьё ребёнка. Второй раз нанести удар кузнец не успел – стрела пронзила ему грудь. Пошатнувшись, харкая кровью, Хома рухнул на землю.

Ругаясь, один из татар опустил лук. Воин, державший Марию, посерев от страха, глядел некоторое время на превращённого в кровавое месиво соплеменника. Потом, схватив двойняшек за шиворот, сунул их в кожаные сумки, притороченные к подпруге лошади. Потерявшую сознание женщину он ловко перебросил через седло и, гикнув, погнал коня по улице. Остальные крымчаки, спешившись мигом, ободрали убитого товарища, сняв с него оружие, а с его лошади – тюки с награбленным добром. Понукая коней, татары поскакали во след за воином, увозившим Марию.

Иван глядел на обезображенный труп крымчака, на дядьку Хому, уставившего открытые мёртвые глаза в небо, на маленький, раздавленный копытами, кровавый кулёк на дороге... Мелкая дрожь вдруг охватила хлопца с ног до головы, тошнота подкатила к горлу. До крови закусив онемевшие губы, смотрел он на страшное зрелище...

Снова ржанье лошадей, гортанные голоса и чьи-то грубые руки выволокли юношу из-под воза. Морщинистый, с дублённо – коричневого цвета лицом, татарин быстро ошупал Ивана и накинул на его шею петлю. Связанный попарно с другими пленниками, Иван, спотыкаясь и задыхаясь, побежал следом за татарской лошадей.

Село горело. Чёрные столбы дыма поднимались со всех его концов, затмевая свет солнца. Соломенные крыши хат вспыхивали как порох. Искры яркими звёздами сыпались по сторонам, поджигая траву и изгороди. Жалобно мычали оставшиеся в хлевах коровы, отчаянно визжали свиньи, горланили свою последнюю песню петухи в горящих птичниках... Обезумевшие, металась по улицам кошки и сорвавшиеся с цепей собаки. Татары, смеясь, пытались поддеть их остриями копей и саблями. Те, кому это удавалось, заслуживали восторженные возгласы и одобрительный цокот языком своих товарищей.

Иван, с трудом повернув голову, пытался разглядеть в этом апокалипсисе родную хату, но не мог – морщинистый татарин погнал лошадь скорее, заставив бежать за собой что есть сил свою *добычу*.

Крымчаков насчитывалось около трёх сотен всадников. Много таких мелких отрядов крымских людоловов терзали земли Украины своими молниеносными и страшными набегами. Ежегодно татары угоняли в рабство тысячи людей, сжигая и грабя всё на своём пути.

Обширное, вобравшее в себя к концу XVI века западнорусские и литовские земли, польское королевство оказалось не способно защищать своих подданных от татарских набегов небольшие и разрозненные войска польских магнатов ещё могли как-то удерживать города и замки, но большая часть народа – селяне, оставалась фактически беззащитной. А Крымское ханство без «ясыря» – воинской добычи, живого товара, обойтись не могло. Не производя само по себе ничего, это государство, основанное на крымском полуострове одним из осколков Золотой Орды, неминуемо должно было существовать за счёт соседних народов. И существовало...

В небольшой балке за селом татары произвели своеобразный смотр добычи. Мурза – командир отряда, коренастый пожилой татарин в нарядной кольчуге, медленным шагом объехал воинов. Узкие раскосые глаза его пристально разглядывали захваченных людей. Несколько женщин связанных вместе, прижимали к себе грудных детей. Рядом с ними молодой крымчак держал на аркане двоих стариков. Обоих Иван знал – священник отец Николай, настоятель церкви и мельник Торба, сосед и приятель его деда.

Мурза остановил лошадь. Его взгляд задержался на женщинах с младенцами и стариках. Скрипучим голосом, почти не двигая узкими губами, он издал какое-то приказание. Молодой воин сделал, было протестующий жест, но мурза нетерпеливо поднял плетё. Два здоровенных нукера, сопровождавшие своего начальника, рванулись вперёд и мгновенно вырвали детей из рук матерей. Быстрым движением, переломив им спины о луку седла, они отбросили под ноги коней безжизненные тельца. Вопли и стенания женщин сейчас же оборвались под свистом плетей, обрушившихся на их плечи. Мурза указал на стариков. Молодой воин помрачнев, выдернул из ножен саблю. Мельник с побледневшим лицом опустил на колени, шепча молитву. Отец Николай поднял худую высохшую руку и трясущимися пальцами перекрестил окружающих людей:

– Славься имя Господне! Да сгинут в гиене огненной клятые басурмане...

Блеснула сабля и оба старика мёртвыми повалились на стоптанную траву. Воин – хозяин Ивана, ещё более сморщась, что-то весело проговорил соседнему нукеру. Тот, глядя, как

с недовольной миной молодой татарин снимает путы с убитых, ухмыльнулся. Иван, уже потерявший возможность страдать и рыдать, закрыл глаза и опустил голову.

Жаркие лучи солнца быстро осушили слёзы на щеках женщин и детей. Где-то в ближайшей роще безмятежно щебетали птицы...

Удовлетворённо кивнув, мурза проехал дальше и остановился возле группы девушек. Среди них находилась первая красавица села – Кристина. В неё были влюблены все парни в округе, включая и самого Ивана. Но синеглазая темноволосая дочь богатого чумака Кудрини на кого не глядела, в тайне влюблённая в молодого шляхтича, что гостил полгода назад у них дома.

Сейчас она в разорванном платье, простоволосая, стояла, понутив красивую головку среди остальных девушек. Мурза, мигом выделив её из полонянок, окинул цепким взглядом стройную фигуру девушки, чёрную волну волос, спадающих ниже пояса... По знаку его плети нукеры вывели Кристину из толпы и один из воинов осторожно посадил девушку в седло своей заводной лошади.

Мурза, ещё раз осмотрев воинов и добычу, тронул поводья и ткнул плетью в сторону юга. Татары с гиканьем ударили пятками в бока коней и, отягощённый ясырем отряд людоловов двинулся прочь от горящего села. Пленные люди, связанные друг с другом волосяными арканами, бежали, глотая пыль, за своими восседающими на конях хозяевами. Только дети до десяти лет находились в специальных мешках-сумках. И несколько самых красивых молоденьких девушек, представлявших особенно ценный и дорогой «товар», ехали на лошадях. Остальной «ясырь» должен был бежать за крымчаками до самого Перекопа.

Татары спешили. Кто знает – из Полтавы, завидя дым на востоке, могли прискакать польские жолнеры и реестровые казаки. Потому и уничтожены были сразу младенцы и старики. Они долгого пути в Крым всё одно не вынесли бы...

Глава 2

Весь день татары безжалостно гнали людей по избитой копытами и изрытой колёсами телег дорогами. Серая пыль тучей стояла над отрядом, забиваясь в лёгкие, залепляя глаза измученных пленников.

Кашляя, отхаркивая грязную слизь, Иван бежал вместе со всеми за лошадь морщинистого нукера. Он постоянно оглядывался назад, сторону родного села. Может быть, придёт спасение, придёт помощь... Жесткая верёвка аркана больно врезалась в тело, раздирая кожу. Острые комья сухой земли ранили ноги, столбы пыли вокруг не давали дышать, затмевая свет. Связанные люди спотыкались и постоянно падали. Татары зло, визжа, хлестали их по спинам плетью.

Дородный мужик, бежавший в паре с Иваном, стал здавать. Полное лицо его посинело, широко разинутым ртом он усиленно хватал пыльный, горячий воздух. Мужик уже несколько раз падал на землю, увлекая за собой Ивана и других пленников. Морщинистый татарин, придерживая лошадь, свирепо щерил зубы, ругался и хлестал всех подряд нагайкой. Солнце, наливаясь алым светом, уже склонялось к горизонту, когда мужик, споткнувшись об очередную колдобину рухнул на дорогу. Иван растянулся рядом, разбив нос о камень. Сейчас же вскочив, вытирая рукавом кровь, он стал тормошить соседа:

Вставайте дядько, вставайте скорите!

– Не могу, хлопче... все одно пропадать в полоне поганском, хай ему... – мужик, захрипев, стал кашлять.

Иван схватил его за руку и потянул изо всех сил, напрасно пытаясь оторвать тяжёлое тело от земли. Тень упала на обоих, жаркое дыхание коня опалило щеку парня. Морщинистый хозяин, придерживая поводья, невозмутимо наблюдал за его тщетными усилиями. Большие серые глаза юноши встретились с чёрными глазами татарина, прятавшихся в узких щелочках век.

– Кысмет! – бросил нукер непонятное слово и неуловимым движением выхватил саблю. Кривой клинок, прорезав воздух, рассёк пути, связывающие Ивана с упавшим напарником. Ещё взмах – и мужик, выгнувшись дугой, схватился ладонями за разрубленное горло. Вложив саблю в ножны, татарин сделал знак двигаться дальше. Снова люди гурьбой потащились за татарской лошадь, стараюсь не наступать на мёртвое тело...

Иван, почувствовав свободу, мигом забыл об убитом напарнике. Сейчас одно нужно было – выжить. Выжить, во что бы то ни стало! А может и сбежать... но бежать было невозможно. Опытные людолы – крымчаки знали своё дело. По обеим сторонам отряда скакали молодые нукеры. Держа наготове луки и копья, они зорко наблюдали как за появлением возможных врагов, так и за сохранностью «живого товара». Иван быстро понял это и бежал рядом с остальными пленниками, поддерживая уставших и радуясь своей относительной свободе.

Когда стемнело, мурза распорядился устроить привал на берегу маленькой речки. Люди получили вдоволь воды, по краюхе чёрствых лепёшек и несколько часов отдыха. Ещё только начало сереть, как отряд двинулся дальше. И ещё два таких страшных перехода под палящим солнцем, скудной пищей и чуть отдыха на сырой земле... Десятка три зарубленных трупов не вынесших изнуряющей гонки людей остались на дороге. Крымчаки, скрепя сердцем, убивали ослабевших, но не желали из—за них приостанавливать движение отряда.

И только достигнув «дикого поля» – причерноморской степи, татары умили скорость передвижения. Их небольшие косматые кони неспешно шли теперь по обочинам Чёрного шляха, иногда останавливаясь и, пощипывая, свежую травку. Нукеры весело пересвистывались и переговаривались друг с другом низкими гортанными голосами. Пленники, понурились, устало брели по пыльной дороге.

Вечером, у подножья древнего кургана татары устроили большой привал. Яркий свет костров озарил степь. Воины, напившись *арака*, что-то шумно долдонили и распевали протяжные татарские песни. Полонённые люди снопами повалились на землю и отдыхали, с тоской глядя в бездонное чёрное небо.

Блаженно растянувшись на траве, положив ладони под голову, Иван смотрел на бриллиантовую россыпь звёзд и думал о Кристине. Он только мельком пару раз видел девушку за всё время этой смертельной гонки. Сейчас она, как и остальные женщины, находилась в центре лагеря у большого костра, где ужинали. На этот раз татары расщедрились и выделили каждому пленнику по куску вяленой конины и по три лепёшки.

Женский вопль пронёсся над степью. Поперхнувшись недожёванным куском, Иван вскочил. Молодой нукер, схватив тётку Марию за волосы, тянул её в сторону от костра. Отчаянно крича, она пыталась сопротивляться, но татарин оскалившись, швырнул её на землю. Поставив Марию на колени, он ловко задрал платье и жёлтые блики костра заиграли на крупных женских ягодицах... остальные воины, дружно заготовав, тоже кинулись к толпе несчастных пленниц. Дикая вой, и визг разогнали ночную тишину. Татары валили женщин на землю, срывали с них платья и насиловали со звериной страстью и ненасытностью.

Мужики, опустив низко головы, тяжело глядели себе под ноги. Те, у кого там были жёны и сёстры, рыдали беззвучным горьким плачем. Иван смотрел некоторое время на развернувшуюся вокруг вакханалию со страхом и отвращением. Затем вдруг вспомнил о Кристине. Мурза, слегка ковыляя на коротких кривых ногах, подошёл к небольшой группе девушек. Их зорко стерегли двое его бугаёв-нукеров. Юные пленницы с ужасом поглядывали на то, что делали татары с их матерями и старшими сёстрами. Кристина выделялась из девушек ростом и красотой. Она стояла неподвижно, склонив голову.

Мурза остановился перед ней и вперил в девушку пристальный взгляд:

– Ты есть девка, а?

Кристина не отвечая, ещё ниже опустила голову. Иван, забыв обо всём на свете, с ужасом уставился на старого татарина и девушку.

– Ты совсем дурной?! Зачем молчишь? Ты девка? – мурза сердито топнул и дёрнул девушку за косу.

Кристина кивнула, подняв на мгновение на крымчака свои огромные синие очи. Мурза недоверчиво пожевал губами и, рванув ворот платья, запустил пальцы на грудь девушки. Кристина ойкнула и хотела, было отстраниться, но подскочившие нукеры схватили её. Ещё несколько татар, ждавших своей очереди на женщин, столпились вокруг, глядя жадно на девушек.

Мурза некоторое время сосредоточенно шупал груди Кристины. Она стояла перед ним как статуя, побледнев и закусив до крови губу. Наконец, прекратив мять юную девичью плоть, татарин одобрительно кивнул и отошёл к следующей пленнице. Там всё повторилось точно так – же – сначала мурза спрашивал девушку девственница ли она, а затем своими скрюченными грязными пальцами проверял правдивость ответа. Ещё три девушки, пройдя отбор, подбежали к Кристине, придерживая разодранный воротник платий. Они сидели на лошадиной попоне, прижавшись, друг к другу, рыдая от стыда и унижения.

Четвёртая девушка – Настя, тоже заявила, что девственна. Настя была соседкой Ивана, то же, как и он – сирота. Воспитывалась с малых лет своей старой тёткой Марфой. По селу ходили тёмные слухи, что стал навещать к ним по ночам какой-то знатный пан из Полтавы. Иван сам видел несколько раз незнакомого всадника на красивом коне, под покровом темноты пробиравшегося во двор тётки Марфы. Но помалкивал, так – как дружил с Настей с детства.

Мурза, смерив пленницу с ног до головы быстрым взглядом, пощупал её крупную грудь и шире разорвал платье. Две пышные белые прелести с торчащими тёмными сосками вызвались наружу.

Окружающие татары издали дружный вопль и зацокали языками от восхищения. Мурза провел пальцами по груди, изучая и вертя соски. Потом, тяжело дыша, слегка откинул назад голову:

– Так девка, говоришь? Зачем врешь? – тёмные глаза татарина превратившись в узкие щелочки. – Ты не девка, а? – мурза грозно насупился и отступив на шаг, схватился за саблю.

Да-да-а... ни-и, панове... пощади, не убивай... еле слышно прошептала Настя. Крупные слёзы покатались по её смуглым щекам.

Мурза довольно ухмыльнулся. Татары тоже заржали, весело перемигиваясь. Командир отряда медленно снял с себя пояс с саблей. Нукер помог ему стянуть тяжёлую кольчугу и пропотевший кожаный чекмень. Старый татарин спустил штаны и, кряхтя, уселся на седло. Указав себе в пах, поманил пальцем Настю.

Заметив, Иван глядел на голого татарина и девушку. Сердце тяжело бухало в груди хлопца, в ногах возникла противная дрожь...

Настя, подойдя к мурзе, застыла перед ним, прижав ладони к груди. Тот приподнявшись, схватил её руку и ткнул себе в низ живота. Хныкая, Настя стала гладить его старое сморщенное мужское достоинство. Татары, сбившись в кружок, наблюдали за происходящим с оживлением и завистью. Мурза, покачиваясь голым задом в седле, слегка мурлыкал от удовольствия, задрав голову и прикрыв глаза. Под нежными девичьими пальцами «достоинство» пробудилось и встало колом. Настя ни на кого, не глядя, подняла платье, села на татарина и стала мерно подниматься на месте...

Как завороченный смотрел Иван на них, затаив дыхание. Он забыл на мгновение обо всём – об убитом деде, о том, что он в рабстве у жестоких кочевников. Он видел перед собой только мужчину и женщину, слившихся в единое целое, творивших великое таинство жизни...

Густые волосы Насти тёмными струями спадали плеч, пухлые губы приоткрывшись, обнажили белый ряд зубов... Мурза вдруг хрюкнул и вцепился заскорюзлыми лапищами в бёдра девушки. Через мгновение татарин, сладострастно застонав, расслабленно откинулся на седле. Потом сделал ленивый знак рукой. Настя соскочила с него и бросилась к подругам, смотревшим на её сношение с мужчиной со страхом и каким-то затаённым интересом.

Татары загалдели. Несколько нукеров кинулись, было к Насте, но мурза что-то зло рявкнул. Охранники, шагнув вперёд, положили руки на рукояти сабель. Воины, отпустив девушку, стали нехотя расходиться.

Иван, придя в себя, вдруг почувствовал, что между ног у него всё мокро. Стыдясь этого, украдкой оглядевшись, он неловко сел на своё место.

Жизнь в лагере потихоньку замирала. Уставшие от гулянки и любовных утех, татары улеглись возле костров и мгновенно позасыпали. Несчастные опозоренные женщины рыдая, тоже норовились к месту ночлега. Двое подруг, тихонько плача, отвели и положили на попону полубесчувственную тётю Марию...

Наступила полночь, в степи стало холоднее. Костры затухли, и только пышущий жар углей едва разгонял окружающую темень. Тихо позванивали уздечками лошади, громко храпели спящие татары, всхлипывали женщины. Иван, покусывая губы, смотрел, не мигая на огромную дугу Млечного пути, раскинувшуюся от края до края неба. Звёзды, мерцая, равнодушно глядели на грешную землю и не было им никакого дела до всех горестей и печалей рода людского.

Глава 3

Море чернобородых голов в бараньих шапках, тюрбанах и малахаях плескалось вокруг. Тысячеголосый говор как шум прибоя раскатывался над площадью. Слепящее южное солнце стояло в зените, обрушивая свои безжалостные лучи.

Иван, смахивая поминутно пот со лба, поглядывал исподлобья на ненавистные смуглые рожи, мельтешащие перед ним. Уже шестой день продолжалась торговля «живым товаром», являющаяся для пленников настоящей пыткой. Только наступал рассвет, как стражники пинками будили людей, спавших вповалку в сарае. После скудного завтрака их как стадо гнали на центральную площадь Кафы. Здесь находился самый главный невольничий рынок Крыма. Весь день, под палящим солнцем, на невысоком деревянном помосте, стояли несчастные люди перед покупателями-мусульманами.

Новый хозяин рабов, татарский купец Мансур, был жаден. Купив, у мурзы ясырь оптом, по дешёвке, он теперь торговался за каждого раба. Покупатели тоже не спешили расставаться с кровными динарами. Торговля, как принято на востоке, велась с криком, руганью и маханием руками. Гвалт и вопли целый день стояли над помостом.

Особо доставалось Кристине. Даже на богатых красавицах русских землях такая добыча не часто попадалась в лапы людоловам. Мансур отвалил мурзе за девушку добрых три сотни золотых динаров и теперь желал продать её с барышем. Слухи о новой красавице с севера уже широко разошлись по городу и окрестностям. Татарские и турецкие богатеи вереницей выстраивались перед помостом, желая лицезреть и прицениться к «синеглазой гурии». Держали Кристину отдельно, хорошо кормили и тщательно стерегли. Одета в новое красивое платье восточного покроя, с лёгкой накидкой на голове, она сидела на мягких подушках под балдахин. Расшитая затейливыми узорами шёлковая занавесь отделяла её от остальных рабов и базарных ротозеев.

Поскольку от желающих купить девушку отбоя не было, то довольный Мансур цену за неё взвинтил безбожно, вызывая зависть собратьев по торгашовскому ремеслу. Других невольников он продал довольно быстро. Первой – Настю. Её, не особо торгуясь, купил богатый толстый турок за сто динаров. Уводимая слугами с рынка, девушка оглянулась и кивнула на прощание землякам. У Ивана перед глазами долго стояло её заплаканное смуглое личико... так же раскупили и других, в числе тётю Марию. Её близнят и ещё с десяток рабов купил арабский купец. Стражники гурьбой погнали их в порт, на корабль. Остался самый молодой и сильный «товар». Вот за него Мансур и бился как лев, выторговывая каждую копейку.

Кристина, в селе не замечавшая Ивана, здесь всё чаще останавливала на нём свои колдовские очи и иногда робко улыбалась. И таившаяся под спудом юношеская влюблённость вспыхнула ярким пламенем. Иван мучился, не сводил с девушки взгляд и безмерно был рад, когда мог украдкой коснуться её. И обмирал всякий раз, когда очередной басурман в чалме направлялся к любимой...

Переминаясь с ноги на ногу на горячих досках, Иван угрюмо наблюдал за следующим покупателем. Пыхтя и отдуваясь, на помост взобрался высокий дородный бородач в бухарском халате. Мансур изогнулся в поклоне и подобострастно поддержал его под локоть.

– Салам аллеюкум, уважаемый Курбан-баши. Давно не видел тебя в наших краях, как поживаешь, дорогой?

– Милостью Аллаха всё хорошо у меня, уважаемый – Бородач, утирая платком потное лицо, бросил пытливый взгляд в сторону нарядного балдахина. – Дошли до меня вести, что имеется у тебя истинная жемчужина, уважаемый Мансур-ака! Вот и примчался к тебе из самого *Гезлова*... Не продал ещё?

– Нет достойных покупателей... – худое лицо татарина сморщилось в улыбке. – Аллах для тебя хранил это сокровище. Гляди!

Мансур отодвинул занавеску и знаком велел девушке встать. Уже привыкшая к таким смотринам, она встала и, выпрямившись, откинула чадру и опустила глаза. Покупатель буравил её некоторое время тёмными поросычьими глазками. Затем осторожно обошёл кругом.

Иван, затаив дыхание, с ненавистью наблюдал за ним. Сердце молотом билось в груди, дышать вдруг стало тяжело... Сейчас Иван даже расцеловать готов был татарина за то, ломил бешеную цену за Кристину. Сама мысль, что толстые волосатые пальцы этого поганого будут касаться тела любимой, была гибельной для парня.

– Хороша, очень хороша... и сколько хочешь?

– Тысяча золотых будет немного за такую пари...

Маленькие глазки покупателя едва не выскочили из орбит:

– Клянусь бородой пророка, ты обезумел, Мансур! Столько и арабский скакун на котором сам падишах ездит, не стоит! Даже если она и девственница, то...

– Девственна, девственна, дорогой Курбан-баши! – раскосые глаза татарина хитро сощурились. – Сам Ходжа аль Рашид, табиб самого Алли-паши, смотрел её. И глаза... таких глаз нет и у жён султана, гляди! – Мансур снова сделал знак рукой.

Кристина подняла на бородача свои синие глазищи. Как два бриллианта самой чистой воды сверкнули очи девушки, озарив всё вокруг. Дружный вопль восхищения вырвался у окружающей помост толпы.

Курбан-баши оцепенел. Толстые мясистые губы его приоткрылись и лихо закрученные чёрные усы казалось, враз опустились вниз. Сцепив унизанные золотыми кольцами пальцы на внушительном животе, он очумело таращился на девушку. Мансур качнул пальцем, и Кристина опустила взгляд. Бородач, тяжело дыша, вновь вытер мокрое лицо.

– Хочу оглядеть её, Мансур... – тихо просипел он, не сводя с девушки глаз.

Татарин понимающе ухмыльнулся и задвинул за собой и покупателем занавеску.

Сердце Ивана ухнув, остро кольнуло, и он чуть было не упал на помост. Спасибо – сосед поддержал – крепкий молодой мужик из соседнего села, промышлявший чумацким извозом.

– Держись хлопец, будь козаком! Неча по девке сохнуть, о себе помысли...

Иван, пересилив себя, отодвинулся, враждебно на него покосившись. И, с болью посмотрел на занавес.

Мансур до половины расстегнул платье девушки и вертел её как куклу в разные стороны перед покупателем. Ещё более вспотев, бородач буквально пожирал Кристину глазами. Нависнув над девушкой всей своей тушей, он хотел, было пощупать её грудь, но купец не позволил дотронуться до «товара».

– Заплати сначала, уважаемый, тогда и делай что хочешь! – Мансур извиняюще развёл руки в стороны.

Иван, хоть и не понимал ни слова, что торговец и покупатель говорили, знал прекрасно его суть и оттого страдал безумно. Масла в огонь подливал и сосед-чумац, много раз бывший в Крыму, знавший язык и обычаи татар. Иван, не в силах больше смотреть на тени за занавеской, отвернулся. С тоской глянул он на синеющие вдали горы, на острые шпили минаретов, высящиеся над мечетями, на серые глинобитные здания караван – сараев, окружающих площадь... и заметил вдруг всадников, стоявших перед ним.

Затянутые в кольчуги татарские воины в железных шлемах, с саблями по бокам и с копьями в руках, тройным кольцом окружили помост. Длинные копья их, увенчанные бунчуками, тыкались остриями в небо. Оттеснённая ими базарная толпа примолкла и обычный людской рокот над рынком утих. Впереди, на великолепном белом аргамаче важно восседал пышно одетый пожилой татарин. Огромная чалма с золотым полумесяцем, казалось, вот-вот должна была раздавить его маленькую голову. Дорогой бархатный халат, перетянутый атлас-

ным кушаком, свободно свисал с тщедушного тела важного всадника. Жуя серебряные удила, аргамак слегка пофыркивал и бил копытом по пыльной земле. Крепко сжимая шёлковые поводья, старик в чалме пристально наблюдал за торговцем и покупателем. Воины вокруг хранили полное молчание.

Иван настороженно поглядел на важного татарина и нукеров. Затем перевёл взгляд на балдахин.

– Уговорил, Мансур! Беру эту газель синеокою, чего там! – Курбан-баши обречённо махнул рукой и выудил из-за пазухи увесистый кошель.

Прекрати торг, Мансур! – негромкий скрипучий голос старика в чалме пронёсся над помостом.

Купец и покупатель мигом обернулись. Мансур побледнев, быстро приложил правую ладонь к сердцу и изогнулся в низком поклоне. Бородач отдуваясь, тоже склонил бычью шею.

– Нарушаешь наши законы, уважаемый Мансур! – старик обнажил в усмешке редкие жёлтые зубы. – Такой ясырь ты был обязан сначала предложить самому Абдуле Дсуфу, главному евнуху. Этой пери место не в твоём грязном сарае, а в гареме нашего солнцеликого хана, да хранит его Аллах...

– Дд-да так я... это... – начал было мямлить купец непослушными губами, но старик на аргамаке жестом оборвал его. Подскочившие слуги помогли ему сойти с лошади и подняться на помост. Положив ладонь на золотую рукоять кинжала, торчащего из кушака, важный старик, шаркая, направился к балдахину. Мансур опрометью, не отнимая ладони от груди, бросился вперёд и мгновенно откинул занавес.

Кристина встретила нового покупателя прямым убийственным взглядом своих прекрасных глаз. Если важный татарин и был поражён красотой девушки, то вида не подал. Проковылял вокруг неё, он остановился напротив. Старик был тщедушным и маленьким – золотой полумесяц у его чалмы едва достигал подбородка невольницы. Но незримое излучение силы и власти, исходившее от него, делало его выше и, соответственно, ниже людей, его окружающих. Несостоявшийся покупатель, здоровяк Курбан-баши, казалось, сразу усох и сморщился. Он неловко топтался в сторонке, явно пытаясь казаться незаметнее, и всё ещё судорожно сжимая кошель с деньгами.

– Якши эйи! – пробормотал старик. Подойдя вплотную, жестом приказал девушке открыть рот. Кристина нерешительно разомкнула алые губки – покупатели до этого в её рот не заглядывали, обращая всё внимание на другие участки тела. Беспочтительно засунув униженные перстнями с бриллиантами пальцы в рот девушке, старик проверил в надлежащем ли состоянии её зубы.

Мансур кинулся, было расстёгивать платье, но важный татарин остановил его:

– Аллах милостив к тебе, Мансур... не позволив продать её ранее! И я не зря проделал долгий путь из Бахчисарая. Так говоришь, она девственница?

– О да, да, уважаемый! Сам Ходжа иль... – заторопился торговец, быстро кивая бритой головой.

– Я уже слышал это, Мансур! – старик поднял указательный палец вверх. – Ходжа знатный лекарь, это истинно. Но и великий любитель золота, что так же истинно... – неуловимая змеиная усмешка промелькнула на его тонких губах. – Ты знаешь, что Великому хану нельзя подсовывать порченный товар! – выцветшие глаза старика пронзили купца насквозь.

Даже Иван, замерший в стороне, ощутил исходящий от них холод. Только что изнывавшего на солнцепёке, парня невольно бросило в холод. Мансур изогнулся ещё более, едва не касаясь макушкой грязных досок помоста. Заикаясь, он что-то лепетал о своей порядочности и честности...

Не слушая его более, старик в чалме с полумесяцем сделал знак. Один из слуг мигом извлёк увесистый мешочек и протянул его купцу.

– Здесь тысяча золотых, Мансур. – и ни на кого не глядя, важный татарин заковылял обратно к нетерпеливо ждущему его аргамаку.

Как в полусне Иван смотрел на Кристину. Подскочившие слуги бережно взяли её под локти, и повели в закрытый паланкин, стоявший возле помоста. Тяжёлая бархатная занавес расшитая золотом, сомкнулась за ней. Резкий рёв боевого рога сотряс воздух. Огромные чёрные люди, которых юноша видел впервые в жизни, дружно подняли паланкин на могучие голые плечи. Ровно шагая в ногу, они направились прочь от помоста. Нукеры, уперев древки копий в железные скобы стремян, мерным шагом сопровождали нарядный паланкин. Толпа расступалась перед воинами как масло под ножом и хранила опасливое молчание. Скоро железный лес копий всадников и сверкающий полумесяц на чалме старика исчезли в улочках, окружающих базарную площадь...

– Это был сам Алибек – *Гази*, главный визирь их собачьего хана! – тихо прошептал сосед Ивана. – Его тут все боятся, татары сказывали...

Ивану было всё равно, кем являлся этот мерзкий старик: первым визирем или самим Сатаной. Христи нет рядом? Погасла его звёздочка, его первая любовь... Затуманенным взором смотрел хлопец перед собой. Минареты расплывались перед его глазами, тёмные лица и чёрные бороды мусульман сливались в одно тёмное пятно. Слезы предательски показались из уголков глаз. Иван до боли сжал челюсти, глубоко дыша, стараясь унять больно колотящееся сердце.

Кто-то пожелал и его посмотреть. Покупатель щупал руки и засовывал пальцы в рот, торговался с Мансуром. Иван не осознавал ничего, только огромные печальные глаза девушки стояли перед ним. Толчок в спину несколько привёл его в чувство. Высокий худощавый старик с длинной седой бородой, в цветном халате, сердито дёрнул парня за рукав.

Уныло глядя под ноги и спотыкаясь, Иван поплёлся за новым хозяином.

Глава 4

Большой закопчённый котёл поддавался с трудом. Битым кирпичом и песком Иван драил его уже часа два. Остальная посуда давно была вычищена и вымыта, горшки, и котелки поменьше стопками висели на кухне. Но на этот казан сил почти не оставалось. Спина и плечи сильно ныли, пальцы покрылись волдырями...

Чистка посуды была, пожалуй, самой неприятной обязанностью Ивана в доме своего нового хозяина, Саида-Нуры. Привыкший с детства к нелёгкому крестьянскому труду, Иван работы не боялся. С утра до вечера таскал он воду из ближайшего колодца, колот дрова, подметал двор. Но в отличие от большинства татар, весьма неряшливых в быту, Саид-Нура любил чистоту. Будучи кади – городским судьёй, он принимал много посетителей. По вечерам в доме собирались гости, и гору посуды после них должен был до блеска драить Иван.

Среди других слуг у судьи был Матвей – пожилой бородач, родом откуда-то из московских земель. Он одевал и раздевал хозяина, приносил ему пищу и работал с документами. Матвей очень помогал Ивану, объясняя, что и как надо делать в доме, учил азам татарского языка. Но за первый месяц своего нахождения у нового хозяина Иван всё же не часто с ним виделся. Весь день, крутясь на работе как белка в колесе, парень буквально падал с ног, когда приползал поздно вечером в свою коморку. Лежа расслабленно на дранном соломенном тюфяке, он смотрел с тоской в крошечное окошко. Смутные образы сгинувшего где-то в казацком походе отца и покойного деда вставали тогда перед ним. Пролетели картины босоногого беззаботного детства, лица мальчишек-друзей, игры. И всё затмевали синие очи Кристины...

Справившись, наконец, с казаном, Иван отволол его на место. Намного передохнув, помог повару Омару навести порядок на кухне. Получив в награду, от добродушного толстяка Омара кусок свежей лепёшки, он вышел во внутренний дворик, где нужно было вымести дорожки и полить цветы.

– Вань, поди сюды! – прихрамывая на правую ногу, слуга *кади* появился в садике.

– Чего, дядя Матвей? – с трудом выпрямив затёкшую спину, Иван поставил на землю поливалку.

– Закончил уже с сими клятыми цветочками? Тогда помоги мне.

В обширной комнате, служившей судье кабинетом и библиотекой, основное место занимали книги. Огромные фолианты в добротных кожаных переплётах тяжело громоздились на полках. Никогда не державший в руках ни одной книжки, Иван был поражён увиденным. Забыв об усталости, он увлечённо занялся уборкой кабинета. Помог Матвею расставить книги по местам, попротирал полки и басурман, но учен вельмо-уважительно произнёс Матвей, листая толстенный том. – Знает арабский, персидский и турецкий языки. И человек неплохой, в отличие от иных.

– Да, неплохой, дядько Матвей! Вечор так огрел меня палкой, коли я котёл плохо вымыл... – Иван обиженно передёрнул плечами.

– А ты хорошо делай своё дело, тодди и бит меньше будешь! Разок палкой огрел... не знаешь ты ещё парень, настоящих хозяев, лютых! Не приведи *Господь*! – Матвей украдкой перекрестился.

Незаметно два невольника разговорились: Матвей был грамотен и служил ранее писцом-дьяконом из московских приказов. В плен попал во время большого набега татар на Москву десять лет назад. Будучи здоровья лихого, *загубился* в начале у своего первого хозяина, роя арыки в каменной крымской земле. Погибнуть вскоре должен был неминуемо, но выручила образованность. Саид-Нура, нуждавшийся в грамотном рабе, выкупил Матвея. И вскоре он стал надёжным помощником кади, вёл все его письменные дела.

Узнав, что Иван не грамотен, Матвей неодобрительно покачал седой головой:

– Не гоже это, парень, быть не письменным! Ты, вижу, разумен и сметлив. Коли хочешь стать человеком, мужем, то учись. Не то так в быдле и останешься!

– А для чего простому мужику грамота? Все одно мы в рабстве у басурман...

– Ну и дурень ты всё же, Ванька! – Матвей недовольно дёрнул себя за кудлатую бороду. – Ну, зри на меня. Хоть роду я простого, посадского, но слыл в приказе Посольским человеком уважаемым. И тут – коли б, не был грамотен, то сгинул, уж давно в сей земле клятой! А так живу не плохо и может не собираю вскоре деньжат на выкуп... – Матвей горестно вздохнул, помолчал и рубанул ладонью по столу:

– Короче, будешь учиться, парень!

И началась учёба. Весь день Иван работал по хозяйству – колол дрова, мыл посуду, убирал в доме, ходил на рынок за продуктами. А поздно вечером, совершенно вымотанный, брал угольный грифель и старательно выводил буквы на доске. Всё тело ломило, глаза слипались, и более всего хотелось хлопцу броситься ничком на свой тюфяк в углу и спать безмятежно до утра. Но безжалостный Матвей заставлял его непрерывно работать, выдавая время от времени крепкие русские ругательства. Дело ещё усложнялось тем, что приходилось одновременно учить две совершенно различные грамматики – свою славянскую кириллицу и арабскую вязь, на которой велись все письменные дела в крымском ханстве.

Иван, с трудом раздирая сонные глаза, долдонил слоги, писал буквы... к счастью, к языкам у него оказались неплохие способности и упрямства тоже хватало. Достаточно быстро пошёл и татарский язык. Затем, так же довольно скоро, как бы само – собой, Иван усвоил и турецкий.

Незаметно летело время. Иван втянулся в свою новую жизнь слуги – раба в богатом доме. Он уже на зубок знал каждую улочку в Кафе, бегло болтал с торговцами на базарах и не представлял, как мог ранее жить без занятий грамотой. Высунув язык, прищурив глаза, хлопец старательно переписывал сложные судебские тексты. Саид-Нура, видя его старание и усердие, одобрил появление нового помощника у Матвея и снял с Ивана часть обязанностей по хозяйству. Теперь – ... о, счастье! – чистил казаны и убирал во дворе пожилой одноглазый татарин, какой-то бедный дальний родственник судьи.

Так прошло полтора года. Иван вырос, возмужал. Его стройная фигура, большие тёмно-карие глаза и правильные черты лица стали притягивать внимание женщин. Всё чаще, находясь в городе по делам, юноша ловил на себе пристальные взгляды, что они бросали на него. Татарки, в отличие от турчанок и персянок, паранджи носили, только полупрозрачной чадрой. Встретившись взглядом с очередной черноглазой красавицей, Иван смущался, краснел и старался избегать встреч с большими группами женщин, особенно на базарах.

– Краснел ты весьма, парень! Вот беда девкам-то будет... – бросил как-то Матвей, заметив, как Иван вспыхнул от откровенного взгляда встречной молодки. – Местные мужики-то не больно хороши собой, черны зело, сам видишь! – Матвей ухмыльнулся в бороду.

Мысли о женщинах всё чаще навещали Ивана. По ночам, даже уставший от работы, он долго не мог заснуть, всё ворочался с бока на бок – картина изнасилования пленниц татарами, как живая стояла перед взором парня. Из темноты являлись ему крупные ягодицы тётки Марии, закорузлые пальцы Мурзы всё сильнее тискали белые груди Насти... По утрам постель была в противных мокрых пятнах. Иван стыдился этого, мучился, но ничего не мог поделать с «грешными» мыслями об представительницах противоположного пола.

Своё семнадцатилетие Иван отметил вместе с наступлением Нового года – так удачно он родился. Матвей где-то достал вина и они тихо, украдкой выпили за здоровье, счастье, долгую жизнь.

На улице стояла крымская зима – лил дождь, противно завывал ветер, разнося редкие жёлтые листья по кривым грязным улочкам Кафы...

Глава 5

– Вставай сынок, беда!

Тряся спросонья головой, Иван ошарашено вытаращился на склонившегося над ним Матвея.

– Хозяин болел вельми, никого не узнаёт...

Испуганные слуги и рабы собрались в спальне Саида-Нуры. Гробовая тишина стояла вокруг, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием людей. В полумраке комнаты белым пятном выделялось безжизненное лицо судьи. Два врача-табиба склонились над больным, озабоченно покачивая большими чалмами.

– Ближе к утру плохо ему стало. Не хотел посылать за лекарем – не впервой у него сердце пошаливало. И вот... Беда! – печально вздохнул Матвей.

Иван смотрел на пожелтевшее, усунувшееся лицо Саида-Нуры и тяжёлый ком сжал его горло. Нельзя сказать, чтобы испытывал он особую любовь к своему хозяину. Но всё же, как-то привязался к судье за прошедшие два года. Тот не был злым человеком, и жилось слугам под его рукой не так уж и плохо. Иван по-человечески жалел старого хозяина. И закладывалась боязнь – что дальше будет? Всякие неожиданные перемены владельцев часто сулили беду их рабам...

Саид-Нура умер через два дня. В погруженном в траур доме стояла тишина. Слуги переговаривались между собой шёпотом, неслышно шмыгая по тёмным коридорам. Обстановка царил нервозная и напряжённая. Через полмесяца после похорон прибыл сын покойного судьи, Али-Мустафа, и он же должен был стать преемником дела своего отца. Али-Мустафа – высокий худощавый татарин лет тридцатипяти, мрачной тенью слонялся по дому, прожигая каждого встречного пронзительными чёрными глазами. Под его взглядом слуги ёжились и старались не попадаться на глаза новому хозяину. Матвей говорил, что покойный Саид-Нура долгие годы был в гневе на сына за какой-то проступок и поэтому Али-Мустафа не показывался в доме отца, проводя всё своё время в главных городах Оманской империи – Стамбуле, Багдаде, Дамаске. Он там учился и работал по судейству.

Матвей и Иван безвылазно сидели в кабинете, где приводили в порядок деловые бумаги покойного. Несколько раз заходил в библиотеку Али-Мустафа. Сложив руки за спиной, он угрюмо наблюдал за их работой. Иван, чувствуя спиной, тяжёлый взгляд нового хозяина, нервничал и сделал несколько описок в тексте. Длинный палец судьи тут же уткнулся в строчки. Юноша кивнул и, сгорбившись, тщательно переписал текст, отметив про себя, что сын старого кади грамотен и зорок.

– Спокоен будь, Ваня, не суетись! Не давай повода сему мурлу поганскому осерчать на тебя! – Матвей досадливо скривился, когда Али-Мустафа вышел из кабинета. – не шибко по нраву мне молодой хозяин. Дух какой-то от него исходит зло-дикий...

Вскоре приехала жена нового хозяина, турчанка Гульнара-ханум. Её маленькая рабыня, сгибаясь в три погибели, тащила в дом здоровенные тюки с добром хозяйки. Пришедший как раз с базара Иван, наблюдал некоторое время за хрупкой смуглой девушкой с раскосыми глазами, буквально падавшей под непосильной для неё ношей. Оглядевшись украдкой и не заметив рядом никого из хозяев, он отобрал тюк у служанки и потащил его в женскую половину дома. Свалив тюк на персидский ковёр рядом с грудой таких же, юноша облегчённо вздохнул и весело подмигнул девушке. Щуплая смуглая калмычка, сощуря свои и без того узенькие раскосые глазки, несмело улыбнулась. Откинув тяжёлый бархатный занавес, заменявший дверь, Иван быстро вышел из комнаты и столкнулся с хозяйкой. Большие чёрные глаза её стали ещё больше от удивления и маленькие пальцы, униженные перстнями, сжались в кулачок.

– Ты кто таков? Что делаешь здесь?!

– Простите, о госпожа, я только помог вашей служанке...

Не дав парню договорить, турчанка отпихнув его, влетела в комнату и подскочила к рабыне. Та, еле шевеля языком от страха, стала оправдываться, говоря про тяжёлый тук с вещами. Не дослушав, хозяйка с размаху влепила ей звонкую оплеуху. Ойкнув, калмычка прижала ладонь к лицу и скрутилась в комочек на полу комнаты.

Разъярённая как фурия, хозяйка вновь подскочила к Ивану:

– Ты что, не знаешь, гяур, что нельзя мужчине заходить в женскую половину?! Если об этом узнает мой муж, то он шкуру прикажет с тебя содрать!

Миловидные черты лица турчанки искажил гнев, огромные чёрные глазищи извергали молнии, и казалось, на месте должны были испепелить виновного. Но, несмотря на всю серьёзность положения, Иван не особо испугался. И даже невольно залюбовался женщиной.

Небольшого роста, стройная, с нежной смуглой кожей, маленьким ртом с алыми губками, Гульнара-ханум была красива. Лёгкие шаровары из тончайшего индийского шёлка, плотно обегали её бёдра, слегка просвечивая. Длинные косы, переплетённые цветными лентами, чёрными змеями спадали ниже пояса. Изящное монисто из разных золотых монет прикрывало грудь...

– простите, о прекрасная госпожа, недостойного раба своего! – по-турецки ответил Иван, вновь низко поклонившись и прижав правую ладонь к сердцу. – Я заслужил самого суровейшего наказания за проступок свой. Прошу покарать меня без всякой жалости...

Турчанка замолчав, некоторое время сосредоточенно сверила его взглядом. Потом, отбросив небрежно тяжёлую косу за плечо, сменила гнев на милость.

– Ладно, ступай отсюда! И не вздумай проболтаться никому, что был тут, понял?

Матвей, которому Иван всё же рассказал об этом происшедшем, обрушил ему на голову целый сонм ругательств:

– Раздолбай! Олух! Чурбан не отесанный! Ты чего, без балды своей дурной захотел остаться?! Не ведаешь, что ль, их басурманских звычаев? Девке сенной, косоглазой, помогать надумал, Аника-воин... – весь остальной день до вечера старик ворчал, проклиная Ивана за глупость...

Тот вздыхал, озабоченно почёсывал затылок, но не спешил каяться в содеянном. Помочь маленькой калмычке Иван считал своим долгом. Да и на красивую молодую хозяйку полюбоваться было не грех...

Вскоре домашняя прислуга ощутила на себе жёсткую руку нового владельца. Первым попал под «раздачу» тот самый дальний родственник покойного хозяина, одноглазый Махмуд. Придравшись, что двор плохо выметен, Али-Мустафа обругал его последними словами и велел убираться прочь. Повар Омар за то, что подал к обеду несколько подгоревший плов, был жестоко исхлестан плетью. Матвей, допустивший ошибку при составлении судебного позыва, получил такую оплеуху, что оглох на пол дня.

Обстановка в доме стояла гнетущая. Слуги ходили на цыпочках, втянув головы в плечи, стараясь меньше попадаться на глаза хозяину. И гостей по пятницам практически не стало. Нелюдимый Али-Мустафа терпеть не мог шумный застолий и проводил всё своё время на работе, разбирая судебные тяжбы.

Иван напряжённо работал над текстами, переписывая набело деловые бумаги, отредактированные судьёй. И всё больше помогал Матвею. У того в последнее время стало слабеть зрение, и часть его работы Иван взял на себя.

– Ну что за напасть, Ваня! Так и плывут перед взором сии строчки клятые... – сокрушённо бормотал старик, прикрывая глаза ладонью.

Иван сочувственно поглядывал на него и старательно водил пером по бумаге.

Жизнь в доме после смерти старого кади постепенно вошла в своё обычное русло, если не считать скверного характера нового хозяина. Вдобавок ко всему Али-Мустафа был жаден

и экономил на всём. Расходы по хозяйству уменьшил вдвое, трёх слуг-рабов продал, поскольку Гульнара-ханум любила пышность и дорогие наряды, на этой почве у неё с мужем происходили регулярные ссоры. Часто из женской половины разносились по дому её вопли. Голоса Али-Мустафы обычно не было слышно – всё перекрывали крики хозяйки, что она совсем голая, что одеть ей нечего и что все соседки над ней смеются...

– Баба она и есть баба! – бросил как-то Матвей, слушая очередной скандал. – Всем им, что убогим, что знатным, наряды подавай. Вот и моя покойница також мне кости постоянно за тряпки грызла, царство ей небесное... – Матвей перекрестился, усмехнувшись, и потёр слезящиеся глаза.

Поскольку количество слуг уменьшилось, на остальных нагрузка возросла. Ивану терпеть приходилось, здорово крутиться – и с бумагами работать, и убирать во дворе и ходить на рынок за покупками. Гульнара-ханум часто брала его с собой, когда шла на базар. Иван с удовольствием бродил с ней в рыночной толчее, прицениваясь к товарам и таская тяжёлые баулы с покупками. Здесь, на рынке, было веселее, чем в мрачном судейском доме. Можно было поглазеть на разные заморские диковинки, поговорить с другими земляками-невольниками.

Но больше всего нравилось Ивану пробивать хозяйке дорогу сквозь толпу. Расчищая ей путь, ограждая от давивших на них со всех сторон людей, юноша невольно (а иногда и «вольно» – как бы невзначай) мог дотронуться до женщины. От прикосновений к её нежной груди или к упругим округлостям ягодиц, Ивана кидало в жар и перед глазами мелькали звёзды. Он, как ему казалось, полностью контролировал себя в эти «опасные» моменты – на Гульнару не глядел, постоянно вертел головой по сторонам и старательно отпихивал от неё базарных ротозеев. А жена судьи, словно нарочно, всё норовила пробраться к самым многолюдным прилавкам. В рядах, где торговали арабские и персидские купцы, всегда было много народа. Люди приценивались к тонким индийским тканям, изящным ювелирным украшениям из Багдада и Каира. Здесь базарная толчея так прижимала их друг к другу, что часто все усилия Ивана оградить свою госпожу, были тщетны – толпа сдавливала их так сильно, что парень ощущал в селе горячее тело молодой женщины.

Из этих базарных «боев» Иван возвращался домой весь мокрый, с помутненным взором. Гульнара-ханум тоже ворчала на рыночную толкучку и, придерживая чадру у лица, бросала иногда на юношу быстрые взгляды.

Глава 6

Чайки с гвалтом носились над волнами, вырывая друг у друга кусочки хлеба. Иван улыбулся и, разломив остаток лепёшки, птицы пикировали прямо на причал, едва не задевая парня крыльями. Глубоко вдыхая солёный морской воздух, Иван смотрел с восхищением на бескрайнюю синюю ширь, раскинувшуюся перед ним до горизонта. Пенистые волны прибоя с грохотом накатывались на берег и с шипением отступали обратно, оставляя после себя пучки зелёных водорослей.

В порту Кафы Ивану не часто приходилось бывать при жизни покойного судьи. Но Али-Мустафа взял вести судебную тяжбу коменданта крепости, турка Юсуфа-паши. И теперь Иван служил посыльным,нося деловые бумаги и переписку между судьёй и его вечно занятым важным клиентом, безмерно был рад этому. Наконец-то можно было вдоволь налюбоваться морем, кораблями – всем тем, что юноша ранее ещё не видел и что полюбил сразу и на всю жизнь...

Вскинув на плечо небольшую сумку с бумагами и увесистым мешочком с золотом – платой паши за судебские дела, Иван, не спеша, зашагал вдоль причалов. Он с любопытством разглядывал корабли, привязанными толстыми канатами-швартовами к массивным причальным тумбам-кнехтам.

Сгибаясь в три погибели, бежали взад-вперёд по деревянным сходням полуголые, мокрые от пота грузчики, таская разные бочки, ящики и тюки. Загорелые до черноты матросы, сверкая белозубыми улыбками. Лазили по верёвочным лестницам-вантам на высокие мачты кораблей, ставя паруса, или драили палубы поливая, их морской водой из бывших деревянных вёдер.

Иван во все глаза смотрел на эту новую, неизвестную и, наверное, такую интересную жизнь. Большой корабль с разноцветными флагами на мачтах, слегка кренясь на правый борт, уходил в море. Большие паруса его, наполненные попутным ветром, белым облаком окутывали судно. Иван задержавшись, с затаённой тоской глядел на это прекрасное зрелище. Как интересно, должно быть, плавать на таком замечательном корабле! Видеть новые страны, разные чудеса заморские. И быть свободным, как ветер...

Тяжело вздохнув, Иван направился дальше. Разноголосая пёстрая толпа обтекала его со всех сторон. Людской говор, скрип тяжёлых колёс, мычание волов, тащивших тяжёлые арбы с грузом, и шум прибоя сливались в один протяжный рокот, стоявший над портом.

И вдруг, слова родной речи резанули слух. На причале, над которым возвышалась высокая корма венецианского корабля, стояли несколько человек в русской одежде. Высокий здоровенный парень с тяжёлой кожаной сумкой через плечо, обнимал хрупкую стройную девушку с косой ниже пояса. Чуть в стороне два молодых православных монаха тоже прощались друг с другом. У одного из иноков – того, что был повыше, висела на перевязи бинтованная левая рука. Толстый рыжебородый мужик в богатом кафтане – по виду купец, говорил о чём-то с самым настоящим запорожским казаком! Положив ладонь на рукоять сабли, запорожец нервно подёргивал себя за кончик длинного чёрного уса, поглядывая на обнимающуюся парочку и явно не смущая рыжебородого.

Иван, с тяжело бьющимся сердцем смотрел на казака, не веря своим глазам. Запорожец, сечевик с саблей на боку и кинжалом за поясом здесь, в Кафе, в самом центре проклятого Крымского ханства?! И стоит так спокойно, не обращая никакого внимания на снующих вокруг татарских стражников? Несколько поразмыслив, Иван вспомнил, что казаки не всегда пребывали в состоянии войны с татарами. В краткие периоды мира они часто приезжали в Крым закупить необходимый им товар или выкупить из плена попавших в неволю товарищей.

Затаив дыхание, юноша ещё некоторое время смотрел на людей у трапа венецианской каракки. Молодой казак и девушка судя поговору, были его земляками. Остальные – мос-

ковитяне, из русской стороны. Так захотелось подойти к ним, поговорить! Но нельзя ему, рабу басурманскому даже словом перебраться с земляками-христианами. Тяжёлое наказание ожидало рада за это, если узнает хозяин. А Ивана уже хорошо знали в порту и вездесущие стражники, и многие торговцы, и чиновники, имеющие дело с судьёй. Да и свободные земляки не особо горели желанием общаться с невольниками. Раб уже не считался полноценным человеком – это было клеймо, как на прокажённом...

Горько вздохнув, Иван ещё раз глянул на красивую девушку, напомнившую ему Кристину, на усатого запорожца и уныло поплёлся дальше. Теперь невидимое клеймо раба, висевшее на нем, превратилось в самое настоящее ярмо, колодку, пригибавшую его к земле, делая получеловеком. Он раб, он несвободен, он никто! Именно здесь, сейчас, при вивде этих сказочных, вольных как птицы кораблей, глядя на свободных, гордых и красивых людей, Иван явственно ощутил, что такое рабство. Несвобода! Когда не имеешь права сам распоряжаться своей судьбой – нет хуже этого ничего для настоящего человека!

Иван вспомнил отца – тоже казака-запорожца, сгинувшего где-то много лет назад. Десять годков ему было, когда отец ушел в свой последний казачий поход. Смутно уже помнил хлопец лицо батька с длинными черными усами, белозубой улыбкой, его крепкие загорелые руки... вид этого молодого запорожца, похоже ревновавшего девушку к высокому москвичу, напомнил парню далекий образ отца. Как давно это было... и отец был казак, герой! А он? Раб несчастный!

Скрипнув зубами, Иван, понутив голову, быстро зашагал прочь от причалов. Расстроенный, с камнем на сердце проталкивался через толпу, ни на кого не глядя.

– Чего, хлопче, пасмурен? Девка не дает, чтоль?

Споткнувшись, Иван недовольно уставился на появившегося перед ним человека. Затем узнав того, снял шапку:

– Здоровы будьте, дядько Василь.

Пожилый хромоногий Василий, раб богатого турецкого купца, знал практически всех невольников-христиан в Кафе. Он вечно шлялся по базарам, болтат без умолку, собирая и разнося по городу все последние новости и сплетни. Матвей знал его давно, но недолюбливал за длинный язык. Ивану он тоже не особенно нравился, но вида юноша не подавал и при встречах всегда был с ним вежлив.

– Зачастил, вижу, ты к басурману Юсуфу. Дела чтоль важные у твоего татарина с ним? – маленькие глазки Василия весело шурились, щербатый рот обнажил в улыбке гнилые зубы.

– Так, дела судейские, дядько Василь... – Иван совсем не горел желанием разговаривать с кем бы то ни было, тем более с этим неприятным типом.

Но отделаться от того оказалось непросто. Схватив парня за рукав, Василий затащил его в ближайшую чайхану. Заказав зеленый ароматный чай и халву, он принялся расспрашивать Ивана о его жизни в доме Али-Мустафы, работе и так далее. Юноша отвечал коротко, стараясь не показывать своего недовольства этой беседой.

– Да, живётся тебе, Ванюшка, неплохо у твоего басурмана. – Василий с хрустом раскусил кусочек халвы. – Работку маешь белую, одет как пан, молод, красен... небось и веру нашу, православную, позабыл уж?

Иван резко отставил чашку с чаем. Светлая дымящаяся жидкость плеснув, зелёным пятном расплылась на подоле его халата.

Кто такой этот щербатый чёрт, что задаёт такие вопросы, в душу лезет?! Одет, как пан... Да, Али-Мустафа, как и его отец, полагал что одежда слуг отражает положение их хозяйки. Поэтому рабы в доме судьи были, по татарским меркам, одеты неплохо. А Иван – даже богато. Это была заслуга Гульнары-ханум, пилившей постоянно мужа, что стыдно ей, жене такого уважаемого в Кафе человека, ходить по базарам в сопровождении слуги-оборванца, это было преувеличением. Иван, как и все слуги, носил опрятный синий халат, чёрные шаро-

вары и небольшую суконную шапочку. Но Али-Мустафа подумав, согласился с доводами жены. Теперь в атласном бухарском халате, в сапогах из красного сафьяна и аккуратной белой чалме. Иван походил на кого угодно, но только не на бесправного раба. Одежду эту впрочем, ему разрешалось надевать только для сопровождения госпожи на рынок или при посещении уважаемых клиентов кади.

Ну а вера... Не много, но были такие из невольников-христиан, что переходили в мусульманство. Это поощрялось шариатскими законами, и было выгодно – мусульманин не мог быть рабом мусульманина. Приняв магометанство и став свободными, такие люди получали помощь в организации своего дела – торговли, ремесленничества, могли заводить семьи. И скоро из бывших украинцев, русских, поляков, литовцев превращались в татар и турок, теряя свою национальную принадлежность. Но для своих соотечественников они навсегда становились изменниками веры и предателями родной земли.

Многие владельцы христианских рабов насильно заставляли их принимать ислам. Покойный Саид-Нура своих слуг не трогал. Но его набожный сын, похоже, имел такие виды в отношении Ивана. Каждый день Али-Мустафа заставлял долдонить парня мусульманские молитвы и читать Коран, растолковывая ему значение основных сур священной книги. Возможно, что судья надеялся таким образом просветить светочем «истинной» веры душу своего юного раба.

Иван покорно выполнял всё, что требовал от него хозяин, но менять веру и не думал. Вечером, перед сном, шептал юноша слова «Отче наш», осеняя себя крестным знамением. И проплывали тогда перед взором образы далёкой родины, милое лицо рано умершей матери, тихая речка Ворскла с возвышавшейся на пригорке церковью.

Злость сдавила грудь, и больше всего захотелось Ивану швырнуть кусок халвы в ненавистную рожу своего собеседника, но привитое с молодых *ногтей* уважение к старшим удержало его:

– Я, дядько, веры своей не менял, как некоторые. И вообще, мне пора. Благодарственную за угощение.

– Ну-ну, не обижайся, Вань. – Зачастил Василий, выскочив за ним из чайханы. – Чего там, мы же христиане! Держаться надоть нам друг за дружку на земле сей клятой...

Отделавшись наконец от него, Иван заторопился домой. Злость уже прошла и осталось только недоумение – ... чего дядьке Василию было надо? Никогда особо не дружил, мужик сей с Матвеем и тем более с ним, юнцом безусым...

Покачивая озадаченно головой, Иван поднялся в кабинет хозяина. Поклонившись, передал судье содержимое сумки Али-Мустафа с обычным угрюмо-недовольным выражением лица, просмотрел бумаги, пересчитал деньги и жестом отпустил Ивана. Облегчённо вздохнув, тот вышел в коридор и наткнулся на рабыню-калмычку.

– Ванна, идёшь к ханум! – прошептала служанка и юркнула в сторону женской половины.

Шмыгнув носом, юноша покосился настороженно на дверь-занавес кабинета и осторожно направился за калмычкой. Ну а хозяйке-то, что от него нужно? Что за день сегодня...

Гульнара-ханум сидела на маленьком пуфике перед большим венецианским зеркалом. Иссиня-чёрные волосы её, тёмной волной спадали на обнажённые плечи. Красивым черепаховым гребнем, рабыня расчёсывала бережно шелковистые пряди. Одетая в лёгкие шаровары и едва прикрывавшую груди накидку, жена судьи была прекрасна. Поражённый этим завораживающим зрелищем, Иван замер посреди комнаты, забыв даже поприветствовать хозяйку.

– Чего стал, как столб? Подойди ближе, Ива-анн.

От этого томного «Ива-анн» у юноши пробежала дрожь по телу и колени подкосились. С трудом переставляя непослушные ноги, Иван приблизился к хозяйке. Из глубины зеркала глянули на него удлинённые с поволокой глаза молодой женщины. Стараясь не смотреть на её стройное полуобнажённое тело, Иван поклонился.

– Ну, заплатил уважаемый Юсур-паша? И сколько?

– Я не могу сказать, хозяин запретил. Вы же знаете...

Гульнара быстро обернулась, и волосы её разошлись веером, оголив плечи. Изящная ладонь турчанки тронула руку юноши:

– Но ты же мне друг, Ива-анн? Ты же знаешь, что я не подведу тебя... ну так, сколько заплатил Юсуф?

От этого прикосновения лоб Ивана покрыла испарина. Не открывая глаз от ложбинки между её нежными грудями, еле ворочая непослушным языком, он произнёс:

– Триста динаров, прекрасная госпожа...

Гульнара рассмеялась, сверкнув жемчужно-белыми зубками... Вскочив, она как маленькая девочка закружилась напротив юноши...

– Рахмат, Ива-анн! В следующую пятницу получишь от меня подарок, а то твоя рубашка уже затёрлась здесь... – её маленькие пальчики коснулись воротника и слегка прошлись по шее... парня.

Окончательно добитый таким вниманием хозяйки, Иван вышел из женской половины, ничего не видя перед собой. В библиотеке он сидел некоторое время за письменным столиком, тупо глядя на разложенные на нём бумаги. Надо было работать-переписывать судейские тексты, а перед глазами стояло прекрасное лицо Гульнары-ханум! Разум туманил тёрпкий запах её духов, а тело всё ещё ощущало прикосновения руки турчанки...

Что за наваждение! Может, и прав был старый сельский священник, отец Макарий, говоривший, что красота женская – не от Бога? Что так Дьявол отвращает через них нестойкие мужские души? И скандал опять будет в доме из-за денег. И может влететь от хозяина...

Иван сильно сжал обеими руками пылающую голову. Всё, надо работать, козаче! Дело есть прежде всего, как говаривал дядько Матвей...

Глава 7

Оборванные, изнурённые мужчины и женщины спотыкаясь, поднимались на корабль. Узкий длинный трап скрипел и прогибался под их ногами. Турецкие матросы, лениво покрывавшая, тычками и пинками загоняли людей в трюм. Капитан, сложив руки на толстом животе, стоял на корме, удовлетворённо наблюдая за погрузкой «живого товара». На причале стражники-татары, дико визжа, лупили рабов плетью, подгоняя их ближе к трапу. Несколько сот невольников теснилось на старой деревянной пристани. Плач, проклятья, молитвы на русском, украинском, польском языках далеко разошлись над *пагтом*...

Иван хмуро глядел на происходящее. Сейчас ему было не до любованиями красотами моря. Казалось, уже давно можно было привыкнуть к зрелищам людских страданий здесь. Десятки невольничьих рынков находились только в одной Кифе. Ежедневно турецкие корабли увозили в далёкие края тысячи рабов-христиан, но не мог Иван смириться с этим! Образ убитого деда, соседей, страшный путь до Крыма вставали тогда перед ним, и ненависть заполняла сердце.

Тяжело вздохнув, юноша направился было прочь от причала, но детский плач остановил его.

С подкативших высоких телег-арб, стражники снимали детей и сгоняли их в тесную группу. Все мальчики, курносые и белобрысы, в длинных полотняных рубахах и босиком. По виду – из московских земель. Высокий рыжебородый турок ярком халате, с ятаганом за поясом, тщательно пересчитывал детей, отмечая каждого на куске бумаги.

Вот оно что! Это ещё хуже, чем просто рабство: Иван с горечью смотрел на детишек, которых стражники, оттеснив других невольников, повели на корабль.

Христианские мальчики тоже оставляли один из главных источников дохода крымчаков. Их раздадут по турецким семьям, обратят в мусульманство. А затем, уже подросших, забывших свой язык и веру, сделают отборными, безжалостными воинами султана – янычарами. И будут они, потом всю жизнь сеять смерть и разорения во славу великой Османской империи. Матвей много рассказывал об этом Ивану, да и он сам насмотрелся уже всего здесь...

– Вона, хлопче! Забирают, поганые, кровинушек православных!

Иван вздрогнул от неожиданности. Щербата физиономия Василия возникла из толпы. Коротко поздоровавшись, юноша направился прочь от причала. Василий тащился позади, говоря что-то о проклятых басурманах. Не слушая, Иван быстро шагал вперёд, так что старику пришлось буквально бежать за ним. На площади он всё же догнал парня.

– Погодь, Вань, не спеши... – пот градом катился по морщинистому лицу Василия, дыхание его прервалось.

– что такое, дядько Василь? Некогда мне, забот много маю...

– Выдь вечером к мечети у базара. Люди хотят погугарить с тобой.

– Что за люди? О чём говорить? – быстро спросил юноша, но Василий, отпустив его, исчез в толпе так же внезапно, как и появился.

Раздумывая об этом, Иван вошёл во двор дома и тут же все посторонние мысли вылетели у него из головы.

Разъярённый Али-Мустафа, держа в руках какие-то бумаги, орал во всю глотку на Матвея. Тот, понурился, молча стоял, перед хозяином.

– Старый осёл! Гяур дранный! Что мне до твоих глаз, чтоб они повылазили! Это что?! Сколько пергамента перепортил, скотина! – Алли-Мустафа наотмашь ударил Матвея по лицу скрученными в трубку свитками.

Матвей, побледнев, ещё ниже опустил голову. Порыв ветра колыхнул кончик его длинной седой бороды. Поражённый Иван застыл на месте, глядя на них. Что такое? Не мог Матвей сильно ошибиться при письме...

– А-а, ты, иди сюда! – Алли-Мустафа в отличие от своей жены никогда не называл Ивана по имени, впрочем, как и других слуг-рабов. – На! Чтоб к обеду всё было переписано набело! Понял? А эту, пададь старую я не желаю больше видеть здесь! – круто развернувшись. Судья направился в дом.

Гнетущая тишина стояла вокруг. Перепуганные слуги разбежались кто куда, не желая попадаться хозяину. Сжимая в ладони злосчастный свиток, Иван с жалостью и недоумением глядел на Матвея.

– Беда. Ваня... совсем зор мой никудышним стал... – Матвей тяжело вздохнул и потёр тыльной стороной ладони красные слезящиеся глаза. – С утра хозяин велел срочно написать текст. Я пишу, а буквы так и плывут перед очами! Она оно как...

Иван быстро переписал текст и отнёс судье. Матвей посидел всё это время, в их коморке понурился головой, печально глядя перёд собой. Вернувшись, юноша присел рядом и обнял старика за плечи, пытаясь как-то утешить своего учителя.

– Что, Вань, ничего не молвил хозяин про меня?

– Не-е. Набасурманился более обычного и молчал, как сыч.

– Беда! Вам наказание господне. – Вздохнул Матвей.

Дела его действительно были плохи. Иван теперь работал за двоих, видя всю письменную работу судьи. Но было тяжело – не хватало и знаний и опыта Матвея. С несколькими особо важными документами, составленными на персидском языке. Алли-Мустафа работал сам. Матвея он отправил помощником к Омару, на кухню. Но и там толка от него было немного – Матвей практически совсем ослеп. Даже пальцы своих рук, поднесённые вплотную к лицу, видел плохо, ходил по дому, держась за стены. Слуги жалели его, выражали сочувствие Ивану. И все ждали, что будет дальше?

Так прошла неделя. Со всеми этими заботами Иван совершенно забыл о разговоре со щербатым Василием и о его просьбе прийти на какую-то таинственную встречу.

В четверг днём, возвращаясь от одного из клиентов кади, он услышал за спиной знакомый голос:

– Не поспедай, Ванюшка...

Кивнув Василию, юноша хотел, было идти дальше, но дорогу переградили трое каких-то типов. Безлюдную узенькую улочку, на которой едва могли разойтись два человека, ограждали с обеих сторон высокие глинобитные дувалы. И ни души кругом...

– Пидемо, хлопче, побалакаем! – крепкий смуглый мужик в глубоко надвинутой на глаза бараньей шапке, слегка толкнул Ивана в плечо.

Зажатый со всех сторон не знакомыми, юноша молча зашагал вперёд. Он украдкой поглядывал по сторонам, ища возможность сбежать, но быстро понял, что это невозможно. Спутники его по виду были люди серьёзные. Иван физически ощущал исходящую от них опасность. В случае чего, они церемониться не станут, это ясно...

Впрочем, особого страха он не испытывал – вины никакой за собой не знал и денег, на которые могли польститься грабители, тоже не имел. Хотя на обычных разбойников, которых хватало в Кафе, люди эти не походили. По облику – не татары, говорят на его языке. Ну, поглядим...

Шагов через двадцать в сплошной стене дувалов образовалась щель, и вся компания свернула туда. Нечто, похожее на старый сарай, находилось в захлавленном дворе.

– Ну, сидай, орелик ты наш! – смуглый мужик, которого Иван сразу окрестил про себя «Чёрным» указал на старую лавку.

Один из незнакомцев остался у входа во двор, где, прислоняясь к стене, наблюдал за улочкой. «Чёрный» и другой мужик – постарше, со шрамом через всё лицо и длинными серыми усами, сели напротив юноши. Щербатого Василя нигде не было видно и это несколько встревожило его. Нервно придерживая сумку с судейскими бумагами, Иван хмуро смотрел на своих похитителей.

– Не хорошо получается, хлопче! Василь попросил тебя по-людски прийти на базар. Мы ждали тебя! А ты... – наклоняясь вперёд, «Чёрный» тяжело глянул юноше в глаза.

– Во-первых, ничего я дядьке Василю не обещал. Во-вторых, у меня дел было полно! И вообще, кто вы есть такие? – Иван вскинул голову, стараясь придать спокойное выражение своему лицу.

– Ну, ты гляди, Резун, как братьям-казакам! – «Чёрный» повернулся к мужику со шрамом. – Ну и наглец! Особое приглашение ему надо! Не зря Щербатый говаривал, что занадто гоноровый сей молокосос...

– Ладно, не кипятись, Смага! Хлопец прав – он же не ведаёт, кто мы есть. – Человек со шрамом выпрямился и пристально посмотрел на Ивана. – Мы есть пластуны-лазутчики славного войска Низового Запорожского, Свирепого! Готовим тут налег Братчиков наших на сие гнездо басурманское, поганое! И ты должен нам помочь в этом, Иван!

Тишина повисла над маленьким грязным двориком. Казаки молча, не мигая, глядели на юношу. Тот, ощущая, как тяжёлый ком сдавил вдруг горло. Во все глаза смотрел на запорожских лазутчиков.

– Ты ведь рода казацкого, хлопче? – несколько мягче спросил Резун.

– Батько мой казаком был... пал давно от рук поганых...

– То-то и оно, парень! Сам разумеешь, как страдает от басурман народ наш. Сколько жён, матерей, детишек в полон уводят людоловы крымские! Сколь сие может продолжаться?! Казаки хотят отплатить татарам и туркам! Кровь за кровь! Смерть за смерть! – последние слова старый сечевик чуть не прокричал, стоявший на страже казак оглянулся и предостерегающе взмахнул рукой.

– Ты можешь согдиться делу казацкому. Ваня! – суровое лицо Резуна почти вплотную приблизилось к лицу юноши.

Замерев, Иван как зачарованный глядел на старого казака.

– Стражники в крепости и сам Юсуф-паша тебя хорошо знают?

Иван кивнул.

– Тогда надо разузнать, сколько у турок пушек в фортеции. Сколько воинов в ней находится, в какое время стражники сменяют друг друга в карауле. Понятно? И ещё. Вроде бы, с восточной стороны можно украдкой подобраться к главному бастиону, где стоят самые большие гарматы. Ну, ночью, когда дождь, море бурное... так ли это? Во всяком разе побывай на главном бастионе – сие важнее всего! Какие пушки там? Сколько стражников при них находится? Только ты маешь вольный доступ в сие гнездо османское! Ясно, хлопче? – понизив голос, Резун доверительно положил ладонь на плечо парня.

Иван вновь кивнул и слотнул накопившуюся во рту слюну. Потом, стараясь придать своему голосу надлежащую твёрдость, сказал:

– Всё понял, дядько! Сделаю, что смогу!

– Да не дядько! Казак ты или кто? Называй меня Данила, либо Резун – по-казацки. А это, братчик, мой Миколка. Мы зовём его Смага, ибо чёрен весьма, как задница у черта!

«Чёрный» Миколка ухмыльнулся, сверкнув белыми зубами, и протянул руку. Иван поздоровался с обоими казаками-лазутчиками. Потом, поправив сумку на плече, неуверенно произнёс:

– Это... так идти мне надо, братья казаки. Хозяин ждёт. Ругаться будет, ежели опоздаю.

– Иди, Ваня, иди с Богом. Сроку тебе недельки две. Справишься? – суровое лицо Данилы-Резуна озарила улыбка, и он показался Ивану даже симпатичным. – Да и вот ещё, Вань... – Старый сечевик ближе склонился к юноше. – Ни словом, а деле сем никому! Ни единой душе, понял? Всё, чего узнаешь, передашь Василию, мы его Щербатым прозываем... он сам найдёт тебя. Уразумел?

– Уразумел. – Иван поднялся, собираясь уходить, но Смага-Миколка переградил ему путь:

Ежели хоть полслова проболтаешь о сем, тебе не жить! И все стражники Крыма тебя не уберегут! У нас разговор со зрадниками короткий – нож в глотку!

«Чёрный» вплотную придвинулся к юноше. Резкий запах его кожаной свитки и давно не мытого телашибанул Ивану в нос. От недавнего дружелюбия на лице Миколки не осталось и следа. Тяжёлым, давящем взглядом сверлил он Ивана и длинное кривое лезвие кинжала вдруг возникло в руке «Чёрного».

– Так ты всё понял, хлопче?

– Я уже ясно сказал, что сделаю всё, что смогу. И не надо пугать меня, дядько Микола! – Иван зло уставился на «Чёрного».

– Ишь ты, гоноровый хлопец! – Смага ухмыльнулся и кинжал исчез в широком рукаве его халата.

– Ладно, ладно. Иди, казак. – Резун дружески хлопнул юношу по плечу.

Иван вышел из подворотни на улицу с каменным выражением лица, прямо держа спину, ощущая всем телом устремлённые ему вслед глаза казаков. Но сердце бешено билось в груди и колени предательски дрожали. Левый бок, ещё ощущал острое прикосновение кинжала «Чёрного». Почти ничего не различая перед собой, вытирая поминутно пот со лба, Иван шёл домой.

Вот оно как! Казацкое тайное дело... повыведать сколь пушек у турок в крепости, сколько воинов. Всего делов... и ни кому ни слова, не то убьют. И убьют, сие точно! А этот Щербатый балабол Василь, оказывается, соглядатай запорожцев к Кафе. Кто бы мог подумать...

Иван глубоко вздохнул и украдкой огляделся.

Жизнь вокруг текла своим чередом – спешили прохожие, в основном бедно одетые татары и раздутые от важности турки в больших чалмах. Ревели протяжно ослики, доверху груженные хворостом и кувшинами с водой. Их хлестали безжалостно по худым спинам оборванные татарские мальчишки-погонщики. Тяжёлые арбы, медленно вращая огромными колёсами, везли в направлении порта разные грузы.

Вроде как обычно. Но уже не как обычно! Всеми порами тела Иван чувствовал нацеленные ему в спину чьи-то пронзительные глаза. Он не сомневался, что отныне за каждым его шагом будут следить казацкие лазутчики. И наверное, уже давно следят...

казацкое дело! А что, ежели не выйдет ничего и попадёт он в руки басурман? – у Ивана аж мороз пробежал по коже. За своё пребывание в Крыму насмотрелся он уже на то, как расправляются татары и турки с пойманными разбойниками, взбунтовавшимися рабами и взятыми в полон казаками. Несколько раз был он вместе с хозяйкой – большой любительницей подобных зрелищ, на публичных казнях в Кафе.

«Легче» всего отделялись попавшиеся на кражах воры – им, на первый раз палач просто отсекал правую кисть руки. За второй раз – другую. Всего делов – ничтожное наказание по местным понятиям. Убийцам и разбойникам доставалось больше. Их четвертовали – отрубали ноги, руки, напоследок – голову. Фальшивомонетчика-грека казнили более жестоко – бедолагу сварили живём в котле с кипящей смолой. Ну а казаков...

Только раз Иван присутствовал на казни запорожцев. Но и этого хватило! Раскалёнными щипцами палачи вырывали им глаза и куски тела. Заживо – полоса за полосой сдирали с них кожу, посыпая раны солью. И в довершение – окровавленных, полуживых сажали на колья.

Даже для привычных к таким зрелищам жителей города это было слишком. Несколько зевак, стоявших у самого эшафота, вырвало. Гульнара-ханум побелев, упала в обморок прямо на руки Ивана. А он ни как не мог оторвать глаз от крепкого длинноусого казака, сидевшего на ближайшем колу.

Корчась на остро заточенном бревне, медленно разрывавшем ему внутренности и вертя в разные стороны безглазой головой, запорожец извергал на всю площадь сонм самых отборных ругательств. Хрипя и харкая кровью, он крыл и турок, и татар и всех басурман вместе на украинском, польском и турецком языках.

Мёртвая тишина стояла на площади Кафы. Высоко кружили в синем небе стервятники, слетевшиеся на свою добычу. А хриплый рёв запорожца гремел над городом, проклиная поганных, суля на их головы все кары небесные. Даже турецкий сотник, командовавший стражниками, не выдержал. По знаку его руки один из воинов поднял копье – и казак, дёрнувшись, замер на колу, свесив на грудь смуглую бритую голову. Свежий ветерок, налетевший с моря, колыхнул его чёрный, как смоль, оселедец...

Споткнувшись, Иван замер на мгновение посреди улицы. Потом, облизав пересохшие губы, твёрдо зашагал к дому судьи. О смертельной опасности, нависшей над ним, юноша больше не думал. Раздумывай – не раздумывай, уже ничего не изменишь! Жизнь уже свернула в своё, только ей известное русло. И лишь Господь знает, что будет впереди. Одно ясно – прежняя, по-своему приятная жизнь ничтожного раба уже кончилась! Так тому и бывать...

Глава 8

– Повернись! Так. Якши... – Гульнара-ханум отступив на шаг, внимательно оглядев юношу.

Иван, как всегда смутившись под её взглядом, неловко одёрнув полы нового халата. Жена судьи, одетая в свои обычные шаровары и полупрозрачную рубашку, стояла перед ним, уперев руки в бёдра. Красивое жемчужное ожерелье сверкало на её шее, выгодно оттеняя смугломатовую кожу женщины.

– Ну, теперь ты у меня совсем красавец, паладин, Ива-анн. Доволен моими подарками?

– Премного благодарствую, моя прекрасная госпожа, – приложив ладонь к сердцу, Иван поклонился. Потом, помедлив, неуверенно произнёс:

– Может, о прекраснейшая и добрейшая моя хозяйка, всё же не стоит тратить на эти одежды? Хозяин и так недоволен расходами. Да и слуги на меня коситься уж начали. Ведь я раб простой...

– Ну-ну, не скромничай, ИваОанн – Гульнара подошла вплотную к юноше и взяла его пальцами за подбородок.

Поскольку Иван был достаточно высокого роста, турчанке пришлось привстать на цыпочки, чтобы заглянуть парню в глаза. В комнате кроме них никого не было. Служанку свою, калмычку Нури, хозяйка отправила на рынок с поваром Омаром. Сам кади уже третий день находился по делам в Ак-Мечети. Пользуясь этим, Гульнара-ханум всё внимание уделяла Ивану, заставляя его перемеривать обновки и хвастаясь заодно своими новыми украшениями.

– Ты знаешь, что красив, гяур юный? – маленькие пальчики женщины впёрлись в подбородок Ивана – Жаль, что ты не правоверный... У тебя, наверное, есть девушка? Какая-нибудь из ваших рабынь урусских? – Большие глаза Гульнары впились в лицо юноши.

Опьянённый её близостью, вдыхая сладкий аромат её духов, Иван еле держался на ногах. В голове стоял туман, перед глазами всё плыло... и вдруг захотелось схватить женщину, сорвать с неё одежду и сделать с ней то, что делали татары с пленницами в степи!

Со страшным трудом удержавшись, Иван непослушными губами ответил, что девушки у него нет.

Гульнара-ханум, снова отступив на шаг, недоверчиво посмотрела на него:

– Не имеешь девки? А скажи, Ива-анн, ты вообще когда-нибудь был с какой-либо женщиной? – глаза турчанки стали совсем огромными и, казалось, молнии вылетают из их чёрных глубин.

– Нне-ет, госпожа... – Иван смутился окончательно и грустно покраснев, опустил голову.

На некоторое время в комнате наступило молчание. Потом Гульнара повернулась к зеркалу:

– Нравится тебе это монисто, Ива-анн? Оно привезено из самой Индии для меня уважаемым Абдуллой-аль-Мансуром!

Иван про себя усмехнулся. Освободившись от прицельного удара её глазищ, он несколько пришёл в себя. Украдкой рассматривая стройную фигуру хозяйки, юноша вспомнил, чего стоило это ожерелье. Арабский купец лично прибыл в дом, чтобы преподнести уважаемой клиентке давно заказанное ею украшение. Ни сном, ни духом не ведавший об этом Али-Мустафа был поставлен перед фактом заплатить огромную сумму.

Скандал был ужасный! Судья пинал подушки, переворачивал столы и орал во всю глотку. Гульнара-ханум в долгу не оставалась, швыряя в мужа серебряные светильники и свои остроносые туфли. Всё завершилось, разумеется тем. Что купец получил свои деньги, а хозяйка – ожерелье. Али-Мустафа заперся в библиотеке, где просидел безвылазно почти сутки.

– Помоги мне, Ива-анн. – турчанка, стоя перед зеркалом, поднесла руки к шее.

Юноша бросился к ней и неловко стал расстёгивать золотую застёжку. Та не поддавалась и Иван, аж высунув кончик языка от усердия, напряжённо трудился над тонким заморским изделием. Пальцы его, прикасавшиеся к тёплой коже молодой женщины, словно пронизывало током. Иван уже весь мокрый от пота, молил Бога, чтобы эта пытка скорее завершилась...

Гульнара-ханум наблюдала в зеркале за его отчаянными усилиями, и лёгкая улыбка играла на её красивых губах.

Справившись, наконец, с застёжкой, Иван хотел аккуратно снять ожерелье с шеи женщины, но неловко задел её плечо. Лёгкий шёлк слетел в сторону, оголив небольшую упругую грудь с твёрдым тёплым сосцом. Ожерелье выскользнуло из ослабевших пальцев юноши. Иван мгновение смотрел на обнажённую прелесть. Потом обхватил хозяйку обеими руками и впился ртом в её грудь.

Гульнара ахнув, попыталась отстранить его, но, крепко удерживая женщину, Иван с наслаждением посасывал нежный сосок, чувствуя, как он твердеет и набухает. В голове парня царило сплошное марево. Вспышками возникали только перед глазами образы Насти верхом на татарине, стройная фигурка Кристины, полные бёдра соседки Марии...

Замершая некоторое время неподвижно Гульнара-ханум вдруг выгнулась и вцепилась юноше в волосы. Иван невольно ослабил хватку и хозяйка, вырвавшись, отскочила в угол комнаты. Прикрыв ладонями обнажённые груди, жена судьи напряжённо смотрела на парня. В чёрных глазах её, казалось, взметаются языки тёмного пламени...

Иван, тяжело дыша, стоял на пушистом персидском ковре, покрывавшем пол. Марево перед глазами уже стало проходить, но удары сердца, словно молотом отбивались в висках. Наконец, стараясь взять себя в руки, Иван, не поднимая глаз, глухо произнёс:

– Простите меня, госпожа... я никак не мог удержаться... я ещё не видел такой прекрасной, как пери, женщины...

– Выйди вон! – тёмное пламя в глазах Гульнары превратилось в ураган.

По-прежнему не глядя на неё, Иван поклонился, и нетвёрдо ступая негнушимися ногами, вышел из комнаты. В кабинете, рухнув на мягкие подушки, он уткнулся пылающим лбом в стол. Что наделал, дурень! Хозяйка, наверняка всё расскажет мужу. Или просто велит позвать стражников! Ежели уже не позвала! Тогда конец! Место на колу обеспечено...

Вздвигнув, Иван вскочил. Бежать! Куда глаза глядят – подальше, в горы! Затеряться, забиться в какую-нибудь щёлочку! А дело казацкое... – юноша в панике заметался по библиотеке, топчя атласные господские подушки.

За домом, наверняка, следят! Увидят, что бежит – подумают, что струсил, что не хочет иметь с ними дело. Тогда уж точно конец от ножа «Чёрного»! Разве что – не такой страшный, как от казни на колу! Да и куда бежать? Даже если не убьют казацкие лазутчики, стражники прочешут все окрестности Кафы. И найдут – не он первый такой...

Прижавшись спиной к стене, Иван стоял так некоторое время, бездумно уставившись перед собой. Потом вяло опустился на пуфик и замер, прикрыв глаза. Тело вдруг сковала усталость, словно после чистки десятка казанов. Стремление бежать и вообще делать что-либо пропало. А, будь что будет! Пусть приходят, волокут на эшафот, сдирают заживо кожу... всё одно пропадать...

Несмотря на столь печальные мысли, какая-то часть сознания парня держала в памяти всё происшедшее в комнате хозяйки. Язык ещё помнил упругость её соска, а рот, казалось, всё ещё был заполнен её прелестной грудью. Чудесный аромат тела молодой женщины вновь возник в воздухе и Иван, застонав, снова бухнулся головой о письменный столик.

Ну что за наказание такое! Точно происки Дьявола...

Медленной, шаркающей походкой, держась рукой за стену, вошёл в кабинет Матвей. Нашупав трясущейся рукой напольную подушку, тяжело опустился на неё. Он сильно сдал.

Длинная седая борода свисала редкими космами, щёки ввалились, красные полуслепые глаза печально смотрели на окружающих...

Мигом, выбросив из головы все страхи, Иван кинулся к нему и обнял за плечи:

– Как ты, дядя Матвей? Не легче? Те лекарские снадобья, что дал тебе уважаемый таиб...

– Эх, Вань, какие снадобья! – Матвей вздохнул и положил юноше на плечо всклокоченную голову. – Всё, совсем слепой я, сынок. Никуда не гожусь! Чует моё сердце, сгину на сей земле поганской...

Наступило молчание. Иван не находил слов, могущих ободрить своего учителя. Что здесь можно сказать? Беда, да и всё...

Матвей, опустив низко голову, о чём-то напряжённо раздумывал. Потом тихо заговорил:

– Вот что, Ваня... помнишь, упоминал я как-то, что собираю деньги на выкуп? Так вот – скопил я семьдесят динаров, за девяносто купил меня покойный Саид-Нура... Так, Ваня, ежели беда случится со мной, возьми сии золотые! Мне они, похоже, уже ни к чему...

Иван принялся, было протестовать, но Матвей жёстко перебил его:

– Не дури, парень! Я знаю, что глаголю! И ещё... ежели, даст Господь, вырвешься из неволи басурманской, то коли сможешь, прошу – съезди в Москву! Там, на Ильинском посаде, должна проживать дочь моя. Спроси у людей Дарью Гаврилову... Мужик её Степан погиб, когда ворвались татары в Белокаменную. Двор наш сожгли, меня в полон взяли. Одиношенька она осталась с внучкой Катей... Буде у тебя возможность – помоги им. Хорошо – сынок? – невидящие глаза Матвея просяще смотрели в лицо юноши.

Чуть не плача, Иван кивнул и крепко обнял старика:

– Добре, добре, дядьку Матвей! Я обещаю, клянусь Господом!

Долго ещё они сидели, обнявшись, в углу библиотеки...

Глава 9

Прошла неделя. К удивлению Ивана, стражники не торопились врывать в дом и хватать его. Это несколько утешало юношу, но тревога оставалась – Гульнара-ханум его не замечала, на рынок ходила только со служанкой. В доме, при встрече, одаривала ледяным взглядом. Иван, расстроенный, решил, что она ждёт приезда мужа. Тогда уж точно ему будет конец.

С камнем на сердце, пытаясь выглядеть по-прежнему уверенно и беззаботно, он напряжённо работал в библиотеке. Возможности пойти в крепость не представлялось и это тоже мучило Ивана. Срок, отпущенный ему казаками, проходил, а дело не сделано! Паршиво всё...

Но в четверг, перед возвращением судьи, в дом прибыл гонец. Молодой турецкий воин вручил Гульнаре-ханум свёрток с подношением от коменданта крепости и сообщил, что пришла из Стамбула свежая почта. Писарь уважаемого паши Юсуфа болен, и он просит ханум послать слугу, кади разобрать бумаги...

– Собирайся! Там должны быть давно ожидаемое Мустафой документы. Ясно? – хозяйка бросила быстрый взгляд на юношу и скрылась в женской половине.

Иван летел в порт, как на крыльях. Он уже давно там не был, и вид плывущих свободных кораблей как-то отвлекал от печальных размышлений...

Подойдя к крепости, он вежливо приветствовал стражников. Те весело поздоровались и тяжёлые, оббитые железными полосами и створки ворот со скрипом отворились. Теперь шагал Иван по крепостному двору не просто так. Внимательно смотрел по сторонам, стараясь запомнить количество воинов и стражников на стенах. С пушками дело обстояло хуже. Главный бастион, откуда контролировался вход в гавань Кафы, находился в стороне от башни, где располагались покои Юсуфа-паши. Идти прямо на бастион просто так, Иван не рискнул. Турку сразу поинтересуются – чего он там лазит...

Войдя в кабинет коменданта, Иван, приложив ладонь к груди, поклонился.

– А, заходи, дорогой! Давно не видывал тебя у нас! Уважаемый Али-Мустафа ещё в отъезде? – полный пожилой турок радушно пригласил Ивана зайти.

– Кади должен прибыть сегодня вечером, уважаемый Юсуф-паша. – юноша приблизился к столу писца, на котором была навалена груда свитков.

– Вот почта, погляди, Иван. – Паша отдуваясь, вытер большим платком лоснящееся от пота лицо. – Среди бумаг имеются записи свидетельских показаний касаясь моего наследства. Отбери, что надо, а я пройду пока...

Иван присел за стол и принялся перебирать свитки. Паша – как и большинство людей, занимавших важные посты в Османской империи, был не грамотен. У Юсуфа-паши писцом служил учёный араб Мансур-аль-Рашид, человек преклонный лет и слабого здоровья. Приболел он и на сей раз...

Юноша быстро нашёл нужные судье свидетельские показания. Потом, любопытства ради, стал просматривать другие документы. Письма, торговые накладные... ничего интересного. Но с краю стола, возле массивной бронзовой чернильницы, лежал большой пергаментный свиток, запечатанный красивой красной печатью. Такого нарядного и, похоже, весьма солидного документа Иван ещё не встречал. Осторожно взяв свиток, он внимательно осмотрел его и сразу заметил, что печать уже была нарушена. Свежеотточенные перья возле чернильницы свидетельствовали о том, что над этим посланием уважаемый писец Мансур уже работал. Иван развернул свиток. Пробежал глазами первые строчки – и словно жар полыхнул по жилам парня!

Фирман! Фирман султана! Иван вперился в свиток, тщательно читая текст. Прочитал. Перечитал снова, стараясь запомнить всё самое важное.

Тяжёлые шаги послышались в коридоре. Иван мигом свернул свиток и положил на место. Отскочив к стене, схватил висевшую там саблю и с преувеличенным вниманием стал её разглядывать.

– Что, нравится? Арабский клинок! Знаменитый мастер Джафар из Дамаска делал... – вошедший Юсуф-паша отдуваясь, устало опустил на подушки.

Иван, стараясь успокоить дыхание и не выдать своего волнения, ещё полюбовался на сверкающее гибкое лезвие. Потом повесил на место. Весь каменный каземат башни, служившей паше кабинетом, представлял собой сплошной арсенал. Все стены были увешаны разного рода оружием – саблями, кинжалами, копьями, щитами, луками и стрелами. Юноша часто, по возможности, рассматривал эти изделия смерти. Паша, любивший оружие, разрешал это и часто рассказывал ему интересные истории из своей богатой воинской жизни.

– Всё сделал, Иван? Хорошо. А то мой араб совсем никуда не годится... уф, душно сегодня! Наверное, гроза будет, старые раны ноют... – паша, улёгшись на подушки, рассеянно перебирал янтарные чётки.

Иван отошёл к узкой бойнице. Солнце ярко светило за толстыми каменными стенами крепости. Бирюзово-зелёные волны Чёрного моря перекатывались далеко внизу белыми пенястыми гребешками. Фелюги рыбаков-греков, рассыпавшиеся по водной глади, отсюда казались маленькими чёрными жучками. Справа сверкал стволами подушек главный бастион...

– Можешь идти, Иван! Возьми вон шербета на дорогу и передай поклон от меня уважаемой Гульнаре-ханум.

Иван взял почту, поклонился, и хотел, было, выйти, но в дверях задержался. Поколебавшись, нерешительно обратился к турку:

– А... вы не позволите, уважаемый паша, поглядеть на пушки? Я ведь никогда не видел их вблизи...

– Посмотреть на пушки? – паша удивлённо поднял глаза на юношу, но затем его лицо расплылось в довольной улыбке – А чего, Иван, сия здравая мысль! Знаю, весьма интересуешься разным оружием, как и положено настоящему мужчине. Одно жалко, что ты не правоправный...

Старый турок горестно вздохнул и тяжело поднялся с подушек. Надев на бритую голову свою большую чалму и оправив халат, он дружески хлопнул Ивана по плечу:

– Ладно, пойдём! Покажу своё хозяйство, да и проветрюсь слегка.

Испытывая одновременно и радость и страх, Иван бодро шагал за комендантом крепости. Довольно долго шли они по длинным и низким каменным коридорам. Уставясь в широкую спину топающего впереди паши, юноша нервно покусывал губы. А что, ежели турок что-то заподозрил и прикажет схватить его?! – Иван быстро вытер ладонью выступивший на лбу пот. – Ну, может, и не заподозрил ничего...

Сильный порыв ветра едва не сорвал чалму с головы коменданта, когда вышли они на бастион. Придерживая её рукой, Юсуф-паша осмотрелся. Маячившие на стенах воины мигом вытянулись в струнку и, сжимая копыя в руках, пожирали глазами своего начальника. Большое красное хвостатое знамя с полумесяцем, развевалось на длинном флагштоке в конце бастиона.

Отсюда открывался превосходный вид на гавань и порт Кафы. Синели над городом крымские горы, серо-жёлтые кубики татарских домиков казались с такого расстояния игрушечными. Внизу под стенами крепости проплывали величаво большие торговые корабли, направляющиеся в порт.

– Вон, Иван, гляди! – паша гордо указал на вереницу больших пушек, размещённых на бастионе.

Иван с восторгом уставился на бронзовые чудовища, ярко сверкавшие на солнце. Длинные толстые стволы орудий тупо глядели на море и корабли. Силу и мощь излучали пушки,

всем своим видом говоря: ну давай, нападай на нас любой враг! Мы его вмиг сметём огнём и железом.

Юноша, в самом деле, никогда не видевший настоящий пушек, был восхищён и одновременно подавлен их красотой и грозным видом. Подойдя к ближайшему орудью, Иван осторожно провёл ладонью по его горячему металлическому боку. Рядом аккуратной пирамидой высились массивные чёрные шары. Взяв один, юноша с трудом подбросил его в воздух. Ядро своей чугунной тяжестью чуть не выломало ему пальцы. Едва удержав ядро, Иван уважительно поставил его на место.

– Каково, а?! – Юсуф-паша довольно ухмыльнулся. – А если этим шариком в лоб захватить, представляешь? За триста шагов ядро, выпущенное из сией пушки, насквозь пробивает любой корабль! Или же восьмерых воинов в строю, сам видел... – паша с увлечением пустился рассказывать о битвах, в которых участвовал и о великолепных качествах турецкой артиллерии.

Иван рассеяно слушал его, внимательно всё разглядывая. Бастион имел форму треугольника, острый конец которого выступал в море. На обеих его стенах стояли по двадцать орудий. Значит всего – сорок. Возле каждой пушки находились ядра, какие-то бочонки, вёдра и длинные палки с жёсткой щетиной на конце. У одной из пушек юноша, озадаченный, остановился. Рядом с обычной пирамидой круглых ядер имелась другая, – то же ядра, но соединённые друг с другом железными цепями.

– Это книппеля. Служат для поражения снастей и парусов кораблей противника. – Проговорил паша, упредив вопрос Ивана.

Довольный интересом своего молодого гостя к оружию, комендант крепости подробно рассказал об устройстве пушек и процесса их заряжания. Иван сейчас слушал его внимательно, поддакивал и, осмелев, задавал вопросы.

У оконечности бастиона, возле хвостатого знамени, юноша снова остановился:

– Простите, о уважаемый, а это тут для чего? – он с удивлением указал на большую чугунную сковородку, лежавшую рядом с пирамидой ядер.

– Как для чего? Ядра жарить! – серьёзно ответил паша, пряча улыбку в своей густой чёрной бороде.

– Как жарит? Зачем?! – Иван изумлённо на него уставился.

– Ну, не жарить, конечно, а калить. Калить на огне докрасна, понял?

– Раскалывать? Не по... Понял! – Иван обрадовано стукнул себя кулаком по лбу – Раскалывать, а затем стрелять по вражьи кораблям, дабы поджечь их! Верно?

– Верно! Соображаешь, Ванька! – турок одобрительно хлопнул парня по плечу – Вижу, разумен ты, сметлив. Это хорошо! С тебя мог бы получиться хороший воин. Вот только невольник ты, христианин... слушай, принимай нашу веру! Я замолвлю за тебя словечко перед имамом. И, так и быть, заплачу выкуп этому скряге Мустафе! – паша серьёзно взглянул Ивану в глаза.

Тот смутился, не зная, что ответить на столь неожиданное предложение. Потом осторожно произнёс:

– Ну, не знаю, многоуважаемый Юсуф-паша. Смена веры – дело весьма серьёзное! Что скажут мои земляки здесь? Боязно как-то...

– Да плюнь ты на этих вонючих шакалов! Под моей рукой ты будешь в безопасности. Потом отправишься в Болгарию, там служит мой сын агой байрака. Он поддержит тебя.

Паша, увлечённый идеей приблизить к «истинной» вере новую душу, крепко обнял Ивана:

– Многих я знаю бывших христиан, твоих соотечественников! Стали они хорошими мусульманами и славными воинами султана, да хранит его Аллах! Заимели семьи, живут богато... вот так! Хотя... – Паша весело ухмыльнулся. – Вообще можно иметь баб сколько захочешь. У меня, к примеру, их десять. А? Каково?

Покраснев, Иван вынужден был признать, что многожёнство – это действительно серьёзный довод для перехода в магометанство. Но про себя отметил, что не всё так просто в этом вопросе, как говорил паша. Иметь нескольких жён на востоке могли позволить себе только весьма богатые люди – содержание женщин стоило дорого. Большинство мужчин в том же Крыму имели только одну жену. А многие вообще жениться не могли из-за бедности и полжизни собирали деньги на калым...

Так, болтая, они прошлись по бастиону и вернулись во двор крепости. Там Иван уважительно попрощался с пашой и заторопился домой. Обрато он летел как на крыльях – задание казачьих лазутчиков сделал, и даже более, чем ожидал! И всё вроде бы сошло нормально. Вот только Гульнара-ханум...

Несколько растеряв бывшее веселье, Иван умерил шаги, пробиваясь через столпотворение людей в порту. И не особенно удивлялся, услышав за спиной, знакомый скрипучий голос:

– Здоров будь, хлопче.

Щербатая физиономия Василя излучало само благодушие и беззаботность. Дальше они пошли вместе, толкаясь в толпе и разговаривая по пустякам. Неподалёку от харчевни, где обычно обедали моряки с прибывших кораблей, «Щербатый» легко тронул Ивана за локоть:

– Зайди перекусить, хлопче. А я тут пошляюсь, погляжу...

В дальнем углу полупустой в это время дня харчевни, развалившись на старых потёртых подушках, сидели уже знакомые юноше запорожские пластуны Резун, едва заметно кивнул вошедшему парню. Чёрный задумчиво жевал кусок баранины, и казалось, ни на что не обращал внимания.

– Ну, здорово, Ваня. Сидай, подкрепись, чем Бог послал. – Резун указал на подушку напротив себя.

На низеньком обшарпанном столике аппетитно дымилось блюдо, полное вареной баранины. Иван вдруг почувствовал, что слюнки потекли у него во рту. Вроде бы ничего особо не делал, а проголодался, как волк:

– Разведаль я, что... – он хотел сразу приступить к делу, но Резун перебил:

– Ты поешь, Ваня, поешь. Чай набегался по той фортеции поганской. Поешь, а затем и расскажешь, что надо. И не волнуйся так, спокоен будь.

Смага по-прежнему вяло грыз баранью ногу. Но сейчас юноша заметил, что маленькие острые глаза «Чёрного» постоянно шныряет на всех входящих в харчевню. На Ивана он даже не глянул. С удовольствием он, сжевав добрый кусок мяса, утёр ладонью рот. Иван тихо заговорил?

– На главном бастионе сорок больших пушек. По двадцать с каждой стороны. И четверо воинов дежурят на стенах. Ещё шесть пушек поменьше, на входной башне. Две пушки во дворе крепости, смотрят на главные ворота. У ворот пятеро стражников. Всего воинов в крепости где-то около тысячи. Сколь точно – не знаю. И ещё...

– Да ты ешь, хлопче. А то худой чего-то... того гляди штаны потеряешь. – Резун усмехнулся. – Больших пушек, точно сорок? Какого калибра?

Иван озадаченно уставился на него.

– Каковой величины их ядра, каков размер?! – зло прошипел Смага, зыряка безостановочно на посетителей харчевни.

– Ну... – Иван несколько растерянно глянул по сторонам, силясь найти что-то похожее на пушечные ядра. – Вот, как та дыня, чуть поменьше разве...

– Дыня... тоже мне лазутчик! Двенадцатифунтовые, а Данила? – «Чёрный» метнул быстрый взгляд на своего старшего напарника.

Тот утвердительно кивнул, задумчиво, поглаживая, длинные седые усы.

– А через сколь времени посты сменяются, разведал? И восточную стену бастиона не глядел? Есть ли там место удобное для восхождения?

– Не-е – Иван, сожалеюще, покачал головой, – Никак не мог разузнать сие, братья казаки! Не можно там просто так ходить и всё высматривать...

– Да мы разумеем, хлопче, разумеем. А кто это за толстый басурман, что в обнимку с тобой по бастиону лазил?

Удивлённо взглянув на Резуна, юноша пожал плечами:

– Это был сам Юсуф-паша. Я попросил показать мне пушки, он и показал. А что в обнимку... так разговаривали о разном, вот и всё...

– А о чём, ежели не тайна есть сия великая? – старый пластун, по-прежнему поглаживая усы, поднял глаза на Ивана.

– Ну, говорил о битвах, где рубился. О сыне, что где-то в Болгарии то же начальным воинским человеком служит. В веру предлагал мне перейти магометанскую.

– Ну, ты погляди, Данила! – «Чёрный» возбуждённо хлопнул ладонью по столу. – Что за паньч сей хлоп! Сам басурманский полковник ему друг, всё показывает и...

– Заткнись, Смага! По сторонам лучше гляди! И чего ты ему ответил по поводу веры?

– сказал, что боязно мне, что подумаю...

– Молодец! И в самом деле, казак ты и сын казака! – Резун улыбнулся и дружески тронул юношу за локоть:

– Ладно, теперь давай двигай к себе уже.

– Дядько Данила! Забыл! – подскочив, Иван стукнул себя кулаком по лбу. – Ещё новость! Значит, весной большое войско турок высадится в Кафе. Тысяч двести будет, триста пушек! И вместе с татарами пойдут в поход то ли на нас, то ли на Москву!

Оба казака замерев, уставились на парня. Потом Резун тихо спросил:

– А сие откель знаешь? Тоже паша разболтал?

Иван рассказал о почте из Стамбула и фирмане султана:

– Там много чего было написано, братья казаки. Требуют от Юсуфа-паши организовать в порту приём множества кораблей. Заготовить корм людям и коням, приготовить достаточные запасы пороха. Но главное – это то, что я сказал! – Иван развёл руками в стороны.

Резун и Смага молча глядели на него. Затем старый запорожец повернулся к товарищу?

– Говорил я тебе, Микола, что хлопец сей клад истинный! Грамотен, разумен! Это не саблей махать в сече... спасибо тебе, Иван! Весьма важное известие ты добыл. Сам на ведаешь, сколь важное! Ныне же о сём будет сообщено на Кош! А теперь иди, Ваня, время уже. Не заставляй ждать твоих хозяев поганских!

Иван поднялся с подушек, коротко поклонился пластунам и вышел из харчевни. Полу-денное солнце высоко сияло в чистом небе. Жара стояла сильная и только прохладный морской ветер сбивал как-то окружающий зной. Далеко над мачтами кораблей в гавани, белями стаями кружились чайки.

Юноша постоял некоторое время на выходе, глядя на суетящихся кругом людей. Затем быстро зашагал в город. Два казака в харчевне забыв о блюде с бараниной, молча смотрели ему в след.

Глава 10

Иван возвращался с рынка домой в гнетущем настроении. Хотя и не было для этого особо явной причины. Уже четыре дня, как вернулся Али-Мустафа. Хозяйка наверняка ничего ему не рассказала, иначе юноша не представлял, почему он всё ещё ходит с головой на плечах. Но Гульнара-ханум по-прежнему была холодна со своим юным слугой. Больше беспокоил Матвей. Фактически слепой, сидел он тихо в своей коморке, стараясь не попадаться на глаза хозяину. Как помочь ему, парень не знал и мучился из-за этого.

Поддерживая тяжёлую корзину с покупками, Иван вышел из улочки перед домом, и застыл на месте: несколько стражников маячили у ворот! Несмотря на жару, холодный пот прошиб юношу. Страх липкими пальцами сжал сердце и ноги словно приросли к земле. Всё! Пропал! Сказала всё-таки... либо лазутчики казацкие схвачены турками и выдали его под пытками!

Следующей мыслью было швырнуть корзину на землю и бежать. Бежать в порт, пробраться втихаря на италийский корабль и затаиться где-то в глубинах его трюма! Глядишь, и добрался бы так до земель христианских.

Один из нукеров повернулся и взглянул на парня. Они встретились глазами. Неотводя взгляда от тёмного лица татарина, Иван нехотя шагнул по направлению к дому. Поздно уже! Да и негоже сыну казацкому так поздно удирать от басурман поганых...

Одновременно и утешая и злясь на самого себя, Иван с каменным лицом прошёл мимо стражников. Во дворе Али-Мустафа разговаривал о чём-то со старшим стражником. Худощавый пожилой нукер, положив ладонь на саблю, внимательно слушал судью, мелко кивая головой. Несколько в стороне толпились слуги, тихо переговаривались между собой. Гульнара-ханум стояла в тени чинары, обмахиваясь большим испанским веером.

– А-а, ты... вовремя явился. Поди сюда!

Иван с бухающим как молот сердцем приблизился к хозяину. Угрюмо-недовольное лицо судьи дрожало и плыло перед его глазами. Ощущая на себе взгляды всех людей во дворе юноша остановился перед Али-Мустафой с бледным, но спокойным лицом.

– Брось эту корзину Омару и приведи сюда Матвея! Быстро!

Иван, очумело вытаращился на хозяина.

– Чего ты на меня уставился, как верблюд на мечеть? Веди сюда своего слепого соплеменника! Не хочу, дабы наши доблестные стражи порядка и закона топтались в моём доме... – Али-Мустафа самоуверенно ухмыльнулся.

Старый нукер утвердительно кивнул.

Ничего не понимая, юноша молча поклонился. Подойдя к слугам, передал корзину повару и быстро вошел в дом. Матвей, сгорбившись, сидел в углу их комнаты.

– Дядько Матвей! Стражники в хате, за тобой пришли! Что случилось?!

– Пропал я, Ваня... – старик низко опустил седую голову. – Ханум заходила. Справлялась о здоровье и сказала, что велел хозяин отвезти меня в Карасубазар, на гору Ак-хая.

Иван помертвел. Он всего ожидал, но этого... Гора Ак-хая!

Сцепив зубы, он крепко прижал к себе Матвея. Давящая тишина стояла в комнате. Только надоедливо жужжали мухи под потолком и где-то далеко слышались визгливые крики татарских пастухов – табунщиков, гонящих коней на рынок...

– Всё сынок, пора мне. Не будем заставлять хозяев ждать нас. Давай помолимся за мою душу грешную... – Матвей, кряхтя, стал на колени.

Иван опустил на пол рядом. Тихо шептали они священные слова молитвы, осеняя себя крестным знаменем.

– Идём, Вань. Готов уж я... вон и исподне всё чистое одел. Хоть человеком явлюсь перед ликом Господа.

Бережно поддерживая его, Иван повёл Матвея к выходу. Слезы душили парня и тяжёлый ком сжал горло. Надо было что-то сказать, найти слова утешения – но юноша словно онемел от горя. Он сам, своими руками ввёл старого учителя, своего собрата-христианина на смерть! И ни чего не мог сделать, ничего...

Яркое полуденное солнце резало в глаза, когда вышли они во двор. Иван задержавшись, часто моргал глазами, привыкая к свету и пытаясь сдержать слёзы. Но всё плыло перед ним: люди, постройки, деревья – превращались в колеблющиеся цветные пятна.

Али-Мустафа сделал нетерпеливый жест рукой. Пересиливая себя, Иван медленно повёл Матвея через двор к воротам. Сбившиеся в кучку слуги провожали их пугливо-сочувствующими взглядами. Толстяк Омар поднял ладони к небу, тихо бормотал мусульманскую молитву. Старший стражник отворил створку ворот и помог Ивану вывести Матвея на улицу. Скучающие снаружи воины весело загалдели. Гурьбой, окружив старика, они потащили его вниз по улочке.

В воротах показалась длинная фигура судьи.

– Приготовь Тугая и собирайся, отправляешься с ханум! Она желает рассмотреть... – худое лицо Али-Мустафы скривила усмешка.

В конюшне Иван быстро оседлал Тугая – белого мула, любимца Гульнары. Подведя его к поилке, юноша запустил пальцы в жёсткую, светлую гриву животного. Так вот оно что! Значит, пришло время сбора всех негодных к работе рабов в городе. Но за содержание их в специальных сараях-тюрьмах хозяевам полагалось платить. Вот почему экономный Али-Мустафа позволил Матвею ещё пожить в доме... – Иван горько усмехнулся и повёл тугая на двор.

Покачиваясь в роскошном бухарском седле, жена судьи лениво разглядывала по сторонам. Служанка семенила у правого бока мула, держа над головой хозяйки большой зонтик. Иван шагал впереди, ведя Тугая под уздцы. Он уже скрутил себе шею, постоянно оглядываясь назад, на бредущих в клубах пыли соплеменников. Где-то среди них, поддерживаемый зрячими товарищами, шёл и Матвей...

Гора Ак-хая. Самое страшное место в Крыму для рабов-христиан! Сколько жутких историй и слухов ходило об этом проклятом месте среди невольников! И вот... везде и во все времена раб не считался человеком. Это был просто живой, говорящий и разумный «товар». И как любой товар, стоил денег. И как любая вещь, пришедшая в негодность, не приносящее больше прибыли, так и «живой товар» подлежал утилизации, уничтожению. Постаревших, больных или получивших увечья рабов, не могущих выполнять свои обязанности, татары собирали в бараках под охраной стражников. Когда набиралось таких бедолаг до сотни человек, их гнали в горы, к небольшому селению Карасубазар, что находилось недалеко от горы Ак-хая, что и сбрасывали живьём в глубокое ущелье несчастных людей...

Грязный, застроенный маленькими татарскими мазанками Карасубазар остался уже позади. Дорога круто пошла вверх, петляя между гор. Тугай подустал, и всё ленивее переставлял мохнатые белые ноги по каменистой поверхности. Ивану приходилось с силой тянуть его вперёд покрикивая, и ударяя ладонью по влажному от пота боку. Маленькая калмычка тоже чуть не падала с ног, старательно удерживая зонтик, защищая голову хозяйки от палящих солнечных лучей.

Гульнара-ханум, накрывшись лёгкой накидкой, молча горбилась в седле. Юноша иногда ловил на себе её взгляд, смущался и злился из-за того на себя, хозяйку и на весь мир.

Ещё несколько любопытствующих находились рядом с ними на дороге. Двое арабов в чёрных бурнуссах, по виду – купцы. Толстый важный турок в огромной чалме – какой-то чиновник, прибывший недавно из Стамбула и три европейца – капитаны находящихся в порту Кафы кораблей. Турок и арабы ехали на небольших крепких татарских лошадях. Моряки

шли пешком, опираясь на длинные палки-посохи, с любопытством всё разглядывая и оживлённо разговаривая между собой на непонятном языке. А за ними шли обречённые на смерть люди. Пешие татарские стражники остриями копий подгоняли несчастных, покрикивая на них и ругая жару. Мурза, начальник стражников, понукая поводьями пегую кобылу, шурился на солнце, постоянно потирая платком бритую голову.

Ещё часа два по горному серпантину и небо заслонила тёмная зловещая Ак-хая. Мрачные горные утёсы нависали сверху, грозя, в любой момент сорваться вниз и смести всё живое вместе с собой в пропасть. Стало уже не так жарко и даже зябко от прорывов свежего горного ветра. Облака скользили низко над головами, и можно было, казалось, схватить руками их рваные серые клочья...

Иван с опаской поглядывал вверх, на громоздящиеся над горной тропой скалы и усиленно тянул Тугая за поводья. Гульнара, отпив воды из украшенной серебром баклаги, устало вздохнула. Толпа невольников позади еле волочила ноги. Но вскоре Мурза, оживившись, стеганул лошадь нагайкой и скрылся за выступившим впереди утёсом. За ним дороги уже не было. Слева гора уходила вверх, теряясь где-то среди облаков, а справа, тропа упиралась в пропасть. Невообразимо глубокое ущелье рассекало здесь горы и дно его терялось далеко внизу в чёрной бездне. Крымские горы, нахлобучив на вершины серые шапки облаков, высились вокруг, словно жаждали полюбоваться предстоявшим зрелищем. Ветер, вылетая из ущелья, противно выл в скалах и трепал полы одежды людей.

Привязав Тугая к камню, Иван помог жене судьи сойти на землю. Служанка, всё ещё пытаясь удержать зонтик над головой хозяйки, с ужасом поглядывала на пропасть. Гульнара-ханум сердито приказала ей убрать зонтик и присматривать за мулом. Арабы и турок тоже послезав с коней, приткнулись к скале, что-то друг с другом обсуждая. Европейские моряки, придерживая широкие края своих шляп, внимательно разглядывали окружающий пейзаж.

Шагаясь, и поддерживая друг друга, показались из-за поворота невольники. Измождённые, измученные... Среди них Иван знал одного – дядька Андрея – гончара из-под Миргорода, гончаром же работавшего у Абдулы-Саида, богатого ремесленника в Кафе. Лопнула старая печь для обжига, и получил гончар тяжёлые ожоги левой руки, груди и ног. Лекари-табибы как-то выходили его, но работать по-прежнему здоровяк и балагур Андрей уже не мог. Сейчас он, сильно ковыляя больными ногами, поддерживал здоровой рукой Матвея.

У Ивана остро кольнуло сердце, когда разглядел он их среди других невольников. Люди, подгоняемые стражниками, выходили на небольшую площадку перед пропастью и устало опускались на землю. Придерживая поводья, мурза терпеливо ждал, когда подойдут отставшие. Зрители с любопытством рассматривали окрестности и обречённых людей.

Гульнара-ханум решительно направилась к краю обрыва. Иван последовал за ней. Став на самый краешек скалы, женщина, слегка наклонившись, взглянула вниз. Иван замер рядом, готовый в любое мгновение схватить хозяйку. Он головой отвечал за её безопасность и ежели с ней что случится...

Скала отвесно обрывалась вниз и там, в тёмной бездне, белели едва различимые человеческие кости. Много костей... у юноши противно задрожали колени и тошнота подкатила к горлу. Сжав челюсти, опустив голову, шептал он про себя слова молитвы. Ветер вихрем вылетал из ущелья, рвал одежду и, казалось, вот-вот грозил скинуть в пропасть застывшую на краю парочку. Гульнара побледнев, широко раскрытыми глазами глядела вниз – на белеющие кости, на горы кругом, на сидящих тесной группой, христианских рабов...

Приблизился обеспокоенный мурза:

– Простите меня, ханум! Но весьма опасно на краю, лучше вам отойти к утёсу.

– Благодарствую за заботу, Ахмед, но мне здесь удобно и я желаю всё видеть! – прикрыв низ лица чадрой, Гульнара-ханум холодно посмотрела на начальника стражников.

Тот приложил ладонь к сердцу и отъехал к невольникам. Окинул их пристальным взглядом и поднял правую руку вверх. Только и ожидавшие этого нукеры бросились к людям. Остриями копий и уколами сабель подняли с земли первый десяток человек и погнали их к краю обрыва. Вопли и стенания вмиг поднялись над утёсами. Несчастные люди плакали, молились, выпускали проклятия...

Пинками, волокая за шиворот, стражники теснили людей к пропасти и первый человек, взмахнув руками, рухнул вниз. Тело его, переворачиваясь в воздухе, плавно скользило вдоль гладкой каменной стены. Пронзительный человеческий вопль резанул уши. За первым последовали остальные. Люди, кувыркаясь, падали в ущелье и оттуда, им на встречу, поднималась какая-то чёрная туча. Стервятники! Пернатые поедатели трупов уже давно кружились высоко в воздухе. Их собратья, дремавшие внизу, приветствовали теперь появление свежей пищи...

Справившись с первым десятком, стражники занялись следующим. Мурза, восседая на лошади, удовлетворённо наблюдал за их работой. Арабы и турок с восторгом глядели на терзаемые хищными птицами мёртвые тела. Моряки, побледнев, смотрели на происходящее с ужасом и крестились. Маленькая калмычка спрятала лицо в гриву Тугая. Её хрупкие плечи сотрясали рыдания. Гульнара-ханум жадно глядела на падающих людей и пировавших внизу стервятников. Маленькие красивые губы её приоткрылись, груди бурно вздымались, румянец играл на смуглых щеках турчанки.

Иван, посеревав лицом, не отрывал глаз от Матвея. Тот спокойно сидел на земле, подняв голову к небу. Губы его шевелились, произнося молитву. Рядом с ним гончар Андрей, став на колени, часто осенял себя крестным знаменем. Запыхавшиеся стражники подскочили к ним. Один схватил за шиворот Матвея. Другой – ткнул остриём копья в спину Андрея.

Иван с ужасом смотрел на них. Спёкшимися губами шептал юноша молитву, прося у Бога чуда. Ведь Матвей такой хороший и добрый человек! В своей жизни и мухи не обидел, жил честно и просто, как положено христианину. Так зачем он должен принять столь страшную смерть?! Пусть спустится сейчас с небес на облаке ангел и заберёт с собой праведника. Или пускай явится архангел Гавриил и огненным мечом сметёт с лика земного басурман проклятых! Иван молил и молил Господа ниспослать чудо – спасти Матвея...

Но чуда не произошло. Стражник подволок старика к краю обрыва и пинком сбросил его вниз. В последний раз мелькнуло перед глазами хлопца изрезанное морщинами лицо учителя. Переворачиваясь в воздухе, Матвей падал вниз, на ждущие его острые скалы. Забыв об опасности, о находившейся рядом женщине, Иван провожал взглядом падающее тело. Слез уже не было. Только пульсировала кровь в висках, и красная пелена застилала глаза.

Дикий вопль вдруг перекрыл крики и стоны гибнувших людей. Гульнара-ханум дёрнувшись, потеряла на миг равновесие, и порыв ветра, отразившись от скал, толкнул её в пропасть. Иван среагировал в последний момент, поймав хозяйку за рукав платья, рванул её на себя и крепко обхватил руками.

Никто не заметил этой сцены, на площадке разыгрывалась новая неожиданная трагедия. Гончар Андрей, подталкиваемый стражником в спину, у самого края пропасти вдруг резко обернулся и отбил рукой копьё в сторону. Растерявшийся нукер очутился в железных объятиях гончара. Это его отчаянный крик спугнул жену судьи и привлёк внимание всех находившихся на площадке.

Мурза стеганул лошадь и выхватил саблю. Другие стражники, сбрасывавшие вниз последних христианских рабов, замешкались. Несколько нукеров, стоявших на страже, бросились вперёд, потрясая копьями. Но было поздно! Сжимая, как клешней, здоровой рукой верещавшего татарина, гончар неумолимо волок его к пропасти. Стражники не добежали нескольких шагов – Андрей вместе со своей жертвой ступил на край скалы и они в обнимку, как братья после долгой разлуки, рухнули на дно ущелья.

Мёртвая тишина воцарилась на мгновение на площадке. Мурза помрачнев, сжимал в руке саблю. Стражники, опустив оружие, с ужасом глядели на пропасть, поглотившую их товарища. Арабы и турок, потеряв свою вальяжность, испуганно поднимали ладони к небу, бормоча молитвы. Оставшиеся человек десять рабов сидели на земле, крестясь и плача.

Первым пришёл в себя начальник стражников. Вздвигнув коня, он бросил его на молившихся людей. Сверкающий полумесяц сабли, как бритвой срезал голову одного из невольников. За ним и воины, завывая, кинулись на рабов. Крики и вопли убиваемых людей слились с визгом разъярённых татар. Кровавые потоки потекли между серо-бурыми валунами...

Иван смотрел на страшное зрелище, по-прежнему крепко прижимая к себе хозяйку. Гульнара тяжело дыша, не отрывала глаз от корчившихся в конвульсиях изрубаемых на куски людей. Иван чувствовал, как сердце её сильно бьётся под его пальцами. Не отдавая себе отчёта, инстинктивно, он передвинул правую ладонь выше, положив её на грудь женщины. Гульнара-ханум никак не отреагировала. Ободрённый, уже вполне сознательно, юноша опустил левую руку на живот хозяйки. Ощущая её округлую мягкость и упругость, он осторожно провёл пальцами по паху и бёдрам молодой женщины. Турчанка по-прежнему не сводила глаз с побоища на площадке.

Неистовая страсть накатила на парня, жар полыхнул между ног, дыхание сбилось. И мгновенно пришло отрезвление и стыд – что же ты делаешь, гад?! Твой друг и учитель погиб у тебя на глазах! Перед тобой поганые убивают твоих собратьев-христиан, а ты...

Иван стал сам себе противен. Покраснев от стыда и негодования, он решил отпустить женщину. Но руки отказывались повиноваться, словно прилипнув намертво к горячему телу хозяйки...

Стражники меж тем уже перебили всех невольников, оставшихся на площадке. Насупившийся, недовольный мурза протёр окровавленный клинок и вложил его в ножны. Нукеры волокли мертвецов к пропасти и сбрасывали вниз. Всеобщее напряжение спало. Пресыщенные видом смерти, зрители начали приходить в себя. Гульнара-ханум сделала нетерпеливое движение плечом. Иван медленно разомкнул руки, придерживая её всё же за край одежды. Приподнимая платье, жена судьи направилась к мулу, брезгливо переступая через струящиеся между камнями алые ручейки. Иван шёл за ней, поминутно оглядываясь на пропасть.

Площадка перед ущельем опустела. Капитаны венецианских кораблей молча шли к дороге, придерживая у лица большие платки – так пытаясь уберечься от тошнотворного запаха свежей крови, наполнявшего воздух. Турок и арабы, тихо переговариваясь, направились к лошадям. Стражники, галдя, чистили оружие и вытирали кровавые пятна на одежде.

Иван помог молчаливой Гульнаре-ханум подняться в седло Тугая и взял его под уздцы. У узкого поворота дороги юноша поднял голову вверх. Угрюмая Ак-хая всё так же недвижимо уходила в небо, окружённая пеленой серо-грязных облаков. Далеко над её вершиной кружили стервятники...

Иван вздохнул и повёл мула вниз по горной дороге.

Глава 11

С усилием, волоча тяжёлую корзину, Иван тащился за хозяйкой. С утра они обошли все главные базары Кафы и ноги у парня гудели от усталости. Гульнара-ханум отводила душу – судья снова уехал по делам в Бахчисарай и теперь вдоволь можно было налазиться по рынкам и закупить кучу всяких безделушек. Юноша хмурый поглядывал на старые глинобитные дувалы по сторонам улицы. После смерти Матвея прошла уже неделя, но боль утраты по-прежнему остро терзала сердце хлопца. Он всей душой ненавидел судью, этот грязный татарский город и вообще, всю эту проклятую басурманскую землю!

Случая увидеться с казаками тоже не представлялось и щербатый Василь не объявлялся. Как там с этим таинственным делом казацким? Ничего не известно...

Задумавшись, Иван не заметил, как добрались они до дома. Гульнара-ханум, ставшая, несколько благосклоннее к юноше, приказала отнести покупки в женскую половину. Иван вошёл в комнату хозяйки с замиранием сердца. Вмиг возникло перед глазами всё, недавно происшедшее – падающее на ковёр красивое жемчужное ожерелье, обнажённая грудь жены судьи, нежная сладость её тела... гоня от себя столь «грешные» мысли, Иван аккуратно поставил корзину перед низеньким полированным столиком и отошёл к дверям. На устало присевшую хозяйку он старался не смотреть, но сердце уже тяжело гнало кровь по венам...

Служанка бросилась вынимать покупки и разлаживать их на столике. Гульнара, лениво обмахиваясь веером, полулежала на мягких атласных подушках. Когда корзина опустела, она жестом отослала калмычку прочь и поманила парня пальцем:

– Подойди, Ива-анн. Это тебе, держи! Только прошу, если муж вдруг спросит, скажешь, что Ахмед-ага подарил. Понял?

Иван с трепетом взял в руки кривой индийский кинжал в лакированных, отделанных перламутром ножнах. Внимательно осмотрел его и обнажил лезвие. Серо-синяя сталь холодно полыхнула в комнате. Ветвистые, переплетающиеся узоры прекрасного булата змеились по острому, как бритва, клинку. Забыв обо всём на свете, Иван жадно разглядывал это великолепное оружие. Попробовал пальцем заточку лезвия, проверил, насколько удобно лежит в ладони резная из слоновой кости, рукоятка.

– Ну, ты доволен? – турчанка пристально смотрела на ношу своими большими чёрными глазами. – Ты ведь мужчина уже, Ива-анн. Будет теперь, чем меня защищать! Верно?

Иван низко поклонился, бормоча слова благодарности. Он был поражён подарком хозяйки. Кинжал стоил очень дорого – Гульнара-ханум отдала за него персидскому купцу полторы сотни золотых дирхемом. Большие деньги даже для жены кади! Иван полагал, что кинжал был куплен для самого Али-Мустафы или в подношение одному из ханских чиновников в Бахчисарае. А оказалось – вон оно что...

В своей коморке юноша ещё долго разглядывал своё чудесное оружие. И всё пытался понять, чего хозяйка расщедрилась на столь дорогой подарок? Могла ведь закупить вместо него себе кучу золотых украшений, например. Наверное, так захотела расплатиться за тот случай на горе Ак-хая. Ивану иногда казалось, что увлечённая видом кровавой бойни невольников, жена судьи даже не заметила, что была сама на волосок от гибели. Как и не заметила его объятий...

Вдохнув, Иван запихал кинжал за пазуху. Да. Вот теперь он хоть и раб, но уже почти человек, мужчина! Он имеет оружие, своё оружие! Молодец Гульнара-ханум!

По старым обычаям мужчина, носящий оружие, считался полноценным человеком – «мужем». Уменьшительная приставка «ик», как раз и означала низшее, подчинённое, зависимое положение человека. «Мужикам», как и рабам, оружие носить не полагалось. Они должны были работать и обслуживать «мужей». Казаки, как правило, в большинстве своём, выходцы

из крестьянских, «мужицких» слоёв, потому и ценили истово своё положение «мужей» – людей свободных! И жизнь готовы были отдать за право держать саблю...

Но надо было браться за писанину. Уезжая, судья надавал Ивану кучу работы. Письменный стол загромождали свитки, черновые рукописи и до возвращения Али-Мустафы нужно было всё привести в порядок. Иван взял перо, сделал несколько строчек и раздражённо отшвырнул его в сторону. Кинжал давил под рёбра, беспокоил и не давал сосредоточиться.

И не терпелось проверить его на деле! Осторожно ступая по спящему в полуденный час думу, Иван вышел во двор. Удушающий зной стоял снаружи, никого не было видно. Осмотревшись, Иван подошёл шагов на пять к чинаре и вытащил кинжал. Полюбовался минутку на сверкающее лезвие и взял его пальцами за остриё. Ещё раз огляделся и коротким замахом метнул кинжал в чинару. С хрустом, кривой клинок глубоко вонзился в дерево. Обрадованный, юноша бегом кинулся к чинаре. Изящная костяная рукоять кинжала ещё мелко дрожала в воздухе.

Метание ножей было любимым занятием Ивана с детства. В лет шесть показал ему это отец – сам большой мастер по сему делу. И с тех пор для матери хлопца всегда была проблема с кухонной утварью. Все ножи в хате были с разбитыми, расщеплёнными рукоятками и обломанными кончиками. Мать ругалась и драла постоянно сына за уши, требуя прекратить «дьявольское» занятие, но всё без толку. Как только выдавалась свободная минутка, Иван хватал ножи и метал их во всё, что попадётся под руку. Дед Данила, заменивший хлопцу сгинувшего отца, одобрял увлечение внука и постоянно точил и ремонтировал все ножи в доме.

И здесь, выпросив у Омара старый кухонный нож, Иван наточил его и при случае, украдкой, упражнялся, кидая в чинару. Бедное дерево с одной стороны уже всё было истыкано и изрезано безжалостным железным клювом.

Но кинжал! Разве мог с ним сравниться какой-то грубый тесак, предназначенный для разделки баранины? Кинжал отлично лежал в ладони и, как молния, вонзился в дерево. Покидав его ещё несколько раз, Иван довольный и счастливый, вернулся в свою комнатку. Отведя душу, юноша смог, наконец, взяться и за работу.

Сгорбившись за столом, Иван переписывал тексты до полуночи. Чёрная южная ночь уже царила над городом, крупные звёзды заговорчески перемигивались друг с другом. Узкий и кривой, как турецкий ятаган, лунный серп ярко блистал на небе. А Иван, при тусклом свете масляной лампы всё писал и писал тексты. Наконец, потирая слезящиеся глаза, он устало откинулся на подушки. Спина ныла, глаза слипались, но Иван был собой доволен – основная работа сделана и сделана хорошо. На завтра осталось, в общем, ерунда. Будет больше времени налюбоваться кинжалом, отдохнуть...

Прислушиваясь к звонкой трескотне цикад за окном, Иван, зевая, стал готовиться ко сну. Снял халат, разложил подушки, и тут, тихонько постучали в дверь. Маленькая калмычка вынырнула из темени коридора.

– Тебе чего? – юноша недоумённо уставился на служанку.

– Ханум зовёт, тихо! – рабыня приложила пальчик к губам.

С Ивана мигом слетел сон. Хозяйка зовёт в такое время, в полночь?! Растерявшись, он попытался, было выведать у калмычки, что случилось, но та покачала головой и исчезла. Осторожно, стараясь не издать ни единого звука, Иван прокрался на женскую половину дома.

Глава 12

Витые серебряные светильники, слабо мерцая, едва освещали комнату хозяйки. Гульнара, в одних лёгких шароварах и накидке, чуть прикрывавшей грудь, лежала на подушках, задумчиво перебирая жемчужинки на ожерелье. Её голый живот светлым пятном выделялся в полумраке комнаты...

Иван молча поклонился и застыл у входа.

– Проходи, садись рядом... – проворкала турчанка, метнув на юношу быстрый взгляд.

Иван примостился возле неё. Тишина стояла в комнате, только потрескивали фитили в лампах и пели цикады за стеной. Пьянящий аромат духов исходил от женщины, кружа голову...

– Я нравлюсь тебе, Ива-анн?

Поражённый вопросом парень, сначала опешил. Потом тихо ответил:

– Вы же знаете, что нравитесь, ханум. Вы прекрасны, как перы, вас нельзя не любить.

Лёгкая улыбка тронула губы Гульнары-ханум. Помолчав, она полуобернулась спиной к юноше:

– Сними монисто, Ива-анн. Полагаю, на сей раз справишься...

Вспотевший, с гулко бухающим сердцем, парень всё же быстро расстегнул застёжку. Аккуратно сняв ожерелье с шеи хозяйки, положил его на стоявший рядом столик.

– Молодец! А слушай, Ива-анн... – турчанка, помедлив, смотрела на жёлтый колеблющийся язычок пламени светильника. – Тебе известно, что умрёшь страшной смертью, если Мустафа узнает, что ты был здесь, со мной. Не боишься?

Иван сначала хотел, было гордо ляпнуть что ничего не боится и вообще не ведает, что такое страх. Но, пересилил себя, ответил просто:

– Боюсь, ханум. Но что бы быть рядом с вами, что бы иметь возможность коснуться вас, я готов умереть!

Гульнара повернула лицо к нему. Её огромные глаза, в зрачках отражалось пламя светильников, заполонили, казалось, всю комнату.

– Хочешь коснуться меня? Так как касался на Ак-хая? Когда гибли твои соплеменники!

– Да, ханум! Так как тогда! И даже больше! – выпалил Иван и сам удивился своей наглости. Ну, уж теперь точно назад дороги нет! Будь, что будет...

Гульнара снова улыбнулась. Изящная фигура её чётко просматривалась сквозь тонкий шёлк одежды. И как не старался Иван сдерживать себя, глаза его всё время обращались на выступающую округлость бёдер, живот, груди молодой женщины.

– Можешь дотронуться до меня, Ива-анн!

Вздвогнув, юноша недоверчиво взглянул на хозяйку. Лёжа на подушках, Гульнара-ханум серьёзно смотрела на него. Иван неуверенно поднял руку и поднёс её к ногам женщины. На ладони ладонь его замерла в воздухе. Сейчас, ощущая на себе глаза хозяйки, он испытывал какую-то робость, сковывающую движения.

– Ну? На горе ты был более смелым, Ива-анн...

Парень решительно положил ладонь на колено жены судьи. Погладил его и повёл пальцами вниз по ноге, чувствуя тепло кожи женщины. Несколько осмелев, Иван начал гладить другую ногу, потом обе ноги вместе. Кровь гулко бурлила в висках, глаза застилал туман, но Иван всё гладил и гладил ноги турчанки...

Прикрыв глаза, Гульнара лежала неподвижно. Едва заметная улыбка играла на её красивых губах. Иван, осмелев уже окончательно, придвинулся к ней вплотную и повёл ладонь вверх по бедру. Полупрозрачный шёлк шаровар шелестел под его пальцами. Юноша погладил голый живот, провёл пальцем по пупку. Ещё раз поводил ладонью по бёдрам и положил её на пах.

Поскольку Гульнара-ханум всё также спокойно лежала на подушках, не показывая никаких эмоций. Иван запустил руку сильнее между ногами женщины. Жадные пальцы его нащупали небольшой бугорок. Потом вспомнил о грудях. Задрал рубашку хозяйки вверх и впился губами в нежную напряжённую плоть. Гульнара вдруг застонала и откинула голову в сторону.

Иван приподнялся. Тяжело дыша, посмотрел на женщину.

Разметавшись на подушках, Гульнара лежала перед ним во всей своей красе. Маленькие острые груди её бурно вздымались, живот подрагивал, ноги слегка раздвинуты...

Юноша вытер мокрый лоб дрожащей рукой. Нужно было действовать дальше – так как татары с пленницами, так как мурза с Настей! И было боязно – а вдруг не получится? В первый раз всё-таки...

Облизав пересохшие губы, Иван разделся. Потом непослушными пальцами стал развязывать завязки на шароварах женщины. Чуть приподнявшись, та помогла снять их с себя. Отбросив одежду в сторону, Иван жадно глядел на обнажённую хозяйку, не решаясь приступить к самому главному...

Гульнара-ханум, бурно дыша, подняла голову, глядя на юношу мутными глазами. Потом вдруг обхватила его обеими руками и крепко прижала к себе. Губы её нашли губы парня и они слились в жарком долгом поцелуе. И Иван сам не понимая как, вошёл в тело женщины...

Время для двоих людей в комнате остановилось. Звуки поцелуев и страстные стоны заглушили песнь цикад за стенами дома. Вспыхивая от страсти, как порох, юноша быстро угасал, низвергаясь во внутрь жены судьи. Потом лежал рядом с ней неподвижно, тяжело дыша и не зная, что делать дальше. Гульнара нежно обнимала его, жадно целуя влажными губами. И вновь обретя силы, Иван жарко бросился на турчанку...

Наконец уже под утро, обессиленные, мокрые от пота любовники замерли на подушках. Положив голову на плечо хозяйки, Иван слушал, как часто бьётся её сердце. Руки женщины крепко обнимали парня, прижимая к себе. Глухо ухнула за стеной какая-то ночная птица. На соседнем дворе звонко пропел петух, возвещая начало нового дня.

Длинные ресницы Гульнары дрогнули и пальцы её, ожив, нежно прошлись по ягодицам юноши, по спине и стали ворошить его спутанную шевелюру. Иван, несколько придя в себя и обретя возможность соображать, приподнялся. Гульнара смотрела на него, ласково улыбаясь.

– Ну как, Ива-анн? Тебе понравилось? Это ведь у тебя впервые? – жена кади провела пальчиком по груди юноши.

– Д-да, впервые, ханум... это было прекрасно! Но... наверное всё происходило слишком быстро? Ну, никак не мог я сдерживаться... – Иван несколько смущённо опустил голову, стараясь не смотреть на обнажённое тело хозяйки. Сейчас он почему-то стеснялся своей наготы и хотелось поскорее одеться.

– Ну, всё было очень хорошо, Ива-анн. Просто ты ещё очень молод и не опытен. Но мне было очень хорошо... – женщина прижалась к груди парня и стала целовать её. – Теперь ты мой любовник, Ива-анн! Понял? Ежели это раскроется, мы умрём вместе. С тебя живого сдерут кожу и бросят на растерзание собакам. А меня забросают камнями на площади. Тело потом зашьют в мешок и бросят в море...

Перебирая пальцами, длинные распущенные волосы хозяйки, Иван улыбнулся. Что теперь думать обо всех этих страстях! Чему быть, тому не миновать. Главное – он наконец-то познал Женщину! Познал, что это такое. И как это прекрасно!

Юноша нежно погладил плечи и спину прильнувшей к нему жене судьи. К своей хозяйке он сейчас испытывал гамму самых разных чувств одновременно – и любил её и ненавидел, и хотел её безумно... и пытался понять, что они за создания такие – женщины?

Вот хотя бы Гульнара-ханум: как в одном существе таком прекрасном с виду, может ужиться и жутко стервозный характер, и кровожадность, и незабвенная любовь, страсть, не знающая никаких преград, не боящаяся даже страшной смерти! Непонятно всё как-то это.

– Ладно, Ива-анн, тихо собирайся и иди к себе. А то рассвет скоро... – Гульнара устало зевнула. – И гляди, не попадись никому на глаза и не проболтайся! А то сам знаешь...

– А ваша служанка? Она ведь знает, наверное?

– Нури ничего никому не расскажет, не беспокойся, Ива-анн. А если и расскажет, то её всё равно казнят вместе со мной. Всё в воле Аллаха...

В своей комнате Иван долго не мог уснуть, ворочаясь с бока на бок, и прокручивая в памяти всё происшедшее ... За маленьким окошком серел рассвет. Верхушки гор золотили уже первые лучи восходящего солнца. Звонко начали щебетать проснувшиеся птицы.

Над городом занимался новый день...

Глава 13

– Такое дело, Ваня. Ещё нужна твоя помощь! Значит... да проснись ты, хлопче! Чи о небесных кренделях задумался? – старый казак сердито повысил голос и ближе склонился к юноше.

А перед глазами Ивана стояла прелестная жена судьи. Она всё ещё стонала в такт его движениям и царапала ногтями его спину...

Вздрыгнув, парень постарался разогнать любовные видения и внимательно уставился на Резуна. Они снова находились за столиком в чайхане, уже в другой, возле базара. Старший из запорожских лазутчиков был один. Ни «Чёрного» Смаги, ни щербатого Василия, сообщившего Ивану о встрече, нигде не было видно...

Вобщем, так! Мы не хотели тебя брать на *это* самое дело, но человек предполагает, а Господь располагает, как говорится... – Резун досадливо дёрнул себя за кончик уса. – низовые на чайках уже вышли из днепровских плавен. Завтра на рассвете будут возле Кафы. И как раз на кануне четверо моих братчиков-пластунов попали в засаду!

Иван слушал казака на этот раз сосредоточенно, выбросив из головы всё происходившее между ним и хозяйкой уже целую неделю.

– Не ведаю толком, что и как произошло. Похоже, выдал хлопцев старый грек-рыбак, где они жили... Среди ночи татары ворвались в хату! Одного из пластунов зарубили на месте, другой успел ударить себя кинжалом в сердце. Только третьему – Богдану-Литяге поганые набросили аркан на шею и взяли живьём. Смага посёк двоих и ушёл, но получил стрелу в плечо. Плохо... – Резун тяжело вздохнул – Богдан – хлопец крепкий, в пластунах не первый год. Но, и басурмане тоже мастера языки развязывать! Сейчас он в крепости, у твоего друга Юсуфа-паши. Наверняка пытаются полным ходом...

У Ивана ухнуло сердце. Жизнь вновь явила ему своё звериное обличие! Вновь кровь, пытки, смерть! И ежели казак не выдержит, если он знает, что-то и про него самого...

– Мы полагали, тихо взять бастион и обезвредить пушки. Тогда город наш! Пока хан в Бахчисарае очухается и орду подымет, дело будет сделано. Но как теперь добраться на главный бастион? И ежели Богдан заговорит... – украдкой оглядевшись, Резун перекрестился. – Ежели Богдан не вынесет пыток, то всё пропало! Турки поднимут по тревоге все свои силы в Крыму и на Кавказе. Но главное – гарнизон фортеции будет на стороже и встретит чайки градом ядер! А ты сам видел сии пушки... – Резун замолчал и, склонив начавшую сесть голову, мрачно разглядывал свои крепкие закорузлые ладони.

Иван тоже молчал, не зная, что сказать, и как найти выход из положения.

– Вобщем, ни людей, ни времени у меня не осталось! – Резун остро глянул юноше в глаза.

– На тебя надежда, Иван! Ты, как свои пять пальцев, знаешь сию фортецию. Надо сегодня пробраться туда, в главный бастион! Снять дозорных на стенах и заклепать пушки. Ясно?

Иван кивнул, растерянно глядя на казака и хлопая глазами. Как забраться в крепость и что означает «заклепать» пушки ему было совершенно непонятно. Но старый сечевик наверняка уже всё прикинул...

– Найдёшь предлог и пойдёшь сегодня, ближе к вечеру, в крепость. Там затаишься где-то в укромном месте до темноты. В полночь проберёшься на бастион, туда к восточной стене, помнишь? Услышишь крик чайки и сбросишь вниз сию верёвку. – Резун сунул парню небольшой холщёвый мешок. – На одном её конце петля имеется,крепишь верёвку на зубце стены. Всё понял? Сможешь сделать сие?

Иван, вытерев ладонью вспотевший лоб, напряжённо думал. Потом отрицательно мотнул головой...

– После обеда и до захода солнца всегда работаю с бумагами и хозяином. И никогда под вечер судья не даёт мне никаких поручений. Никак нельзя будет уйти, дядько Данила! И ежели Али-Мустафа обнаружит, что меня нет в кабинете, то непременно шум подымет, стражникам сообщит... – Иван пожал плечами.

– Так, понимаю... а поздно ночью, к полуночи, когда все спать ложатся, уйти сможешь? Кади имеет привычку работать в библиотеке чуть не до рассвета. Но сидит тихо, по дому не шастает. Пожалуй, в полночь смогу. Да, смогу, дядько! Но как в крепость попасть? Стражники ночью не за что не откроют ворота, еже схватят, пожалуй...

Опустив голову, Резун задумчиво барабанил пальцами по столу.

– Сегодня что у нас? Четверг, верно? – казак некоторое время размышлял о чём-то. – Каждый четверг, в полночь с портовых складов в фортецию идёт обоз. Десятка два больших возов, доверху гружённых всякими воинскими припасами – порохом, ядрами и прочим оружием. Полагаю, турки уже готовятся к приёму своего великого войска. А ночью возят из-за людской толчей возле причалов, да и скрыться от глаз лазутчиков вражьих желают... обоз охранят татарские стражники, но это безделка! – Резун пренебрежительно усмехнулся. – Мы хотели вначале снять их, возчиков, и под личиной басурман проникнуть в фортецию. Но... Вozy разгружаются во дворе крепости, у арсенала. Там, завсегда полно турок, а до главного бастиона черти-сколько по крепостным коридорам. Не один из моих пластунов не бывал в середине сего гнезда басурманского, да ещё ночью. Короче, сможешь втихаря, с телегами прошмыгнуть во двор фортеции. А оттуда – на бастион? Сие главное, там тебе карты в руки!

– Пожалуй, смогу, дядько Данила! Под возом.

– Как это, под возом? – казак озадаченно уставился на парня.

– Ну, дома, когда дядьки багатеи ехали на ярмарку, мы с хлопцами цеплялись к их возам. Разумеете, сии куркули ведь жадюги все, и никогда за так не подвезут. Да ещё и кнутом огреть норовят... Так вот, мы наловчились дабы ступни попусту не сбивать, забираться под их возы и так ехать до базара в Полтаве. Вцепишься руками и ногами за дышла – и ничего, терпимо. Всё одно легче, чем топтать пешкодрала десяток вёрст! – Иван улыбнулся.

– Ну и молодцы, твои хлопцы! Прямо пластуны врождённые! – Старый казак покачал головой и тоже улыбнулся. – Полагаю, сие есть мысль здравая. Так и сделаешь, только одежду оденешь попроще, потемнее. И лицо, и руки обмажешь сажей. Уразумел?

Иван кивнул. Всё было понятно. Куда яснее...

– Когда сбросишь верёвку, я поднимусь на бастион и уберу дозорных воинов. И с тобой вместе, даст Господь, заклепаем орудия!

Замолчав, Резун смотрел некоторое время внимательно на юношу. Потом склонился ближе и дружески коснулся его ноги.

– Понимаю, хлопче, что весьма тяжело тебе решиться на дело сие. Но пойми – выхода другого у нас нет! С восточной стены на бастион должен был забраться Богдан – он у нас лазит по стенам, как белка по деревьям, поэтому и прозвали его Литяга... – пластун досадливо развёл руки в стороны. – нынче ночью самому придётся вспомнить молодость, а ведь староват я уже для сих дел славных... Ты главное, Вань, не попадись туркам в лапы и сбрось верёвку со стены! А всё другое я сам сделаю... договорились, сынку?

– Договорились, дядько Данила.

– Вот и добре! Ну, бывай... Да тебе же какое-нибудь оружие надо! Так, на всяк случай. На, держи, мой нож! – длинное узкое лезвие выскользнуло из левого рукава кожаного чекменя запорожского лазутчика.

– Благодарствую, дядько, но имею я кинжал индийский, доброй работы! – с некоторой гордостью произнёс Иван, выпрямившись.

– Кинжал индийский маешь? Ну добро, коли так... Ладно, да встречи заполночь. И да хранит тебя Господь! – Резун тяжело поднялся, хлопнул парня по плечу и вышел из харчевни.

Иван, вновь сгорбившись и понутив голову, ещё долго сидел за низеньким обшарпанным столиком.

Глава 14

Судья сосредоточенно копался в груди бумаг на столе. Иван стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая по сторонам.

Всё это кончалось! Вернее – уже почти кончилось. Всего несколько часов осталось до прихода ночи. И что будет дальше – один Господь ведаёт. Но его рабскому существованию наступает конец!

Иван смотрел на оббитые китайским шёлком стены библиотеки, на груды атласных подушек, разложенных вокруг письменного стола, на склонённую фигуру хозяина. Какое-то чувство, схожее с жалостью, шевельнулось в душе парня. Кади ничего не знает, что произойдёт рано утром! И никто не знает...

– Ты чего топчешься, словно тебя пятки прижигают? Вот, чтобы на завтра было сделано! – Али-Мустафа угрюмо глянул на Ивана и протянул толстый пергаментный свиток.

Юноша с поклоном взял рукопись, ещё мгновение поглядел на хозяина и вышел из кабинета. В своей комнатке Иван долго сидел за столом, подперев голову руками.

Работать совершенно не хотелось, да и было, вовсе ни к чему – завтра его лицо уже не будет среди живых людей, либо уйдёт он с казаками на Запорожье. Но всё же... всё же два года проведено здесь, в этом доме. Очень многому научился, много узнал. Вот Матвей покойный, его учитель... Ежели бы не он, если бы чуть ли не силой заставлял его учить грамоту, то кто бы он был теперь? До сих пор чистил бы казаны да таскал дерьмо из выгребной ямы! И казакам был бы просто не нужен. Вот и судьи, что в жизни лучше...

Иван ещё долго сидел так, придаваясь философским размышлениям. Но всё же заложенное с рождения чувство ответственности и привычка выполнять порученное дело до конца взяли верх. Подточив перо, он принялся за работу. Незаметно бежало время. Иван быстро и аккуратно переписывал текст, украшая начло каждого абзаца красивой заглавной буквой. Старые песочные часы показывали начало двенадцатого, когда работа была закончена. Устало потянувшись, Иван сидел на подушках, отдыхая. Потом стал собираться.

Мешок с верёвкой лежал наготове в углу. Кинжал находился рядом под подушкой. В общем, это были все его вещи, не считая одежды. Да, ещё одно... Прислушавшись, не ходит ли кто-то по коридору, Иван открыл сундук, служивший для хранения одежды и всяких личных мелочей. Пошарив в середине, выудил оттуда небольшой увесистый мешочек из жёлтой замши. Деньги. Те золотые, что оставил ему Матвей. Покойнику они ни к чему, а ему сгодятся...

Ещё раз осмотревшись – не забыл ли чего, Иван стал одеваться. Подарок Гульнары-ханум – индийский кинжал занял своё достойное место за пазухой халата. В специально приобретённый на рынке широкий, пустотелый внутри кожаный пояс Иван спрятал динары Матвея. Вскинув на плечо мешок с верёвкой, юноша ещё раз оглядел свою скромную обитель. На столе аккуратной стопкой лежали переписанные начисто судейские бумаги Али-Мустафы. Иван усмехнулся, взглянув на них, перекрестился и вышел из комнаты.

В доме стояла тишина. Все спали, и только кади – Иван знал – всё корпел в кабинете над своими документами. Надо было идти – время поджимало, но Гульнара-ханум... Никому ничего нельзя было говорить, разумеется. Но на рассвете казаки ворвутся в Кафу! И оставить, подвергнуть опасности свою первую женщину, тоже было как-то не хорошо...

Иван колебался некоторое время, потом осторожно, на цыпочках прокрался на женскую половину. Чутко спавшая в прихожей маленькая калмычка подняла голову. Вход в покой хозяйки плотно закрывала тяжёлая бархатная портьера, и за ней всё было тихо. Страсть жаркой волной окатила парня, мучительно захотелось женщину...

Тряхнув головой и пытаясь взять себя в руки, Иван присел рядом со служанкой:

– Ханум спит? Хозяина ещё не было?

Девушка закивала головой, не сводя с ночного пришельца тёмных, раскосых глаз.

– Слушай, Нури! – парень склонился ближе к служанке. – Рано утром, ещё до рассвета разбудишь госпожу! Хозяин велел ей срочно уехать за город, в рощи Аханы. Ясно? Приготовь Тугая и быстро из Кафы! Ты поняла?

Рабыня молча кивнула.

– Сам хозяин велел его утром не тревожить. Он будет работать всю ночь и желает отдохнуть до обеда. А жену не хочет видеть в Кафе! Понятно? – ещё более приврал Иван для пушей убедительности.

Калмычка ещё раз кивнула.

Несколько успокоившись, Иван смотрел на служанку. Ей было года на два меньше, чем ему. Не красавица, но по-своему приятна и привлекательна. Иван часто замечал её взгляд, устремлённый на него, и догадывался, что нравится девушке. Сейчас, находясь так близко рядом с ней, ощущая томный аромат её юного тела, он почувствовал нарастающее желание. И поддавшись дремучему инстинкту, Иван схватил служанку за плечи и крепко поцеловал её. Рот калмычки приоткрылся, и губы девушки неуверенно ответили на поцелуй. Новый вихрь желания миг объял парня. Повалив её на постель, Иван быстро пробежал руками по телу калмычки. Маленькие острые груди девушки напряглись под жадными пальцами парня...

Рабыня тихо замерла на кошке, учащённо дыша и закрыв глаза. Иван застыв, продолжал лежать рядом с девушкой, держа ладонь на её груди. Потом медленно убрал руку и потёр пылающий лоб. Ну что за наваждение эти женщины! С ума сойти можно...

– Ладно, я пошёл, Нури. Гляди не проспай и сделай всё, как велел хозяин, ясно?

Девушка часто закивала. Её узенькие глазки сверкали в полумраке какими-то радужными искорками.

Покинуть дом труда не представляло. Осматриваясь и прислушиваясь, почти на ощупь, Иван прокрался через спящий дом и вышел во двор. С утробным рычанием две огромные тени ринулись к нему, но, узнав, приветственно заскулили, мотая обрубками куцых хвостов. Присев, Иван дружески потрепал за лохматые холки Гарая и Шайтана – здоровенных кавказских волкодавов, надёжных ночных сторожей дома судьи. Потом бесшумно пересёк двор и ловко забрался на груды дров у наружной стены. Выглянув за край дувала, он внимательно осмотрел погружённую во мрак улицу. Никого. Тихо. Перекрестившись, юноша прыгнул вниз. Всё! Дом судьи позади, всё позади...

Ещё на миг, задержавшись, Иван посмотрел на чёрную громаду дома, вздохнул и нырнул в ночную темень.

Глава 15

Теперь главное избежать встречи со сторожами и стражниками, поддерживающими ночью порядок в городе. Попасться им на глаза не стоило. Впрочем, как и всяким злодеям, которых хватало в Кафе...

Настороженно приглядываясь и прислушиваясь, Иван крался по тёмным кривым улочкам в порт. Надо было спешить – не дай Бог прозевать обоз!

Яркий серебряно-медный лунный диск сиял в небе. Ни души не попадалось на улицах, не считая шныряющих в кучах отбросов кошек. Ближе к территории гавани появились ночные сторожа, гнусавыми голосами перекликающиеся друг с другом. Выглядывая из-за углов дувалов, Иван удачно прошмыгнул в порт. Здесь главную опасность представляли стражники, попарно объезжающие склады и сараи с товарами. Выждав, когда процокают мимо копыта лошадей очередной пары охранников, Иван осторожно пробирался вдоль причалов к крепости.

Корабли, поскрипывая деревянными корпусами, слегка покачивались на волнах прибоя. На нескольких европейских судах – то ли генуэзских, то ли венецианских, ночная вахта пробила склянки. Двенадцать раз – самый раз!

Скоро тёмная громада крепости заслонила собой небо. Дозорные турецкие воины маячили на стенах и лунный свет серебрился на их шлемах и концах копий. Спрятавшись за грудой мусора недалеко от ворот, Иван некоторое время пристально разглядывал крепость, прислушиваясь к мельчайшим звукам. Не похоже, что там поднята тревога. Значит, держится под пытками казачий лазутчик Богдан-Летяга...

Облизывая пересохшие губы, Иван напряжённо ждал. Прохладный ветерок, налетавший с моря, слегка трепал его волосы и остужал разгорячённое тело. Шум мерно накатывающих на берег волн действовал успокаивающе и усыпляюще одновременно. Время шло и тревога стала закрадываться в душу парня. Что, ежели сегодня не будет обоза в крепость? Тогда как? Как попасть во внутрь? Всё дело будет завалено. При такой ясной погоде и полной луне дозорные на башнях издали заметят казачьи чайки...

Тяжёлый перестук копыт прервал размышления юноши. Покачивая внушительными рогами, пара волов медленно тащила большую телегу по направлению к крепостным воротам. Двое татарских воинов вяло брели по обеим сторонам повозки. За первой телегой показалась вторая, затем третья.

Иван насторожился и сверлил глазами приближающийся обоз. Всё! Ежели теперь ничего не получится, то грош тебе цена, хлопче!

Щёлкнула тяжёлая колода задвижки и с противным скрипом створки ворот приоткрылись.....крепости. Держа в руках по горячему факелу, турецкие воины показались в проходе ворот. Гортанный турецкий говор слился с сухими звуками татарской речи. Прижавшись спиной к шершавым камням крепостной стены, пытаясь сдерживать дыхание, Иван смотрел на повозки. Татарские стражники и спрыгнувшие с телег возчики о чём-то громко переговаривались между собой и смеялись. Турки в воротах, осветив факелами первую повозку, дали знак въезжать. Щёлкнул кнут и волы потянули телегу в проём ворот. Остальные возы стояли чуть в стороне, погружённые в тень крепостной башни. Всё, пора, брат...

Пригнувшись, Иван скользнул ко второй телеге и закатился под неё. Распластавшись на пыльной земле, прислушался. Вроде, всё тихо. Волы впереди вяло жевали жвачку и похрипывали. Ухватившись за толстое дышло, Иван подтянулся вверх и, раскинув ноги, зацепился носками сапог за перемычки бортов. Всё, он на месте! Теперь только дай Господь удержаться подольше в таком раскоряченном положении и не попасться стражникам...

Послышалось приближающее шарканье шагов, и двое извозчиков забрались на повозку. Телега качнулась и, скрипя, мягко покатило вперёд. Скоро остановилась. Жёлтый свет факелов

лов царил вокруг, озаряя серые камни. Турки топтались вокруг повозки... недовольно ворча и ругая полуночных караванщиков. Иван хорошо различал короткие кожаные сапоги турецких воинов с острыми, загнутыми вверх носками. Ежели хоть один догадается заглянуть под воз...

Жаркая испарина покрыл лоб юноши, круглые капли пота медленно скатывались по покрасневшему лицу и капали на землю. Сердце отчаянно колотилось в груди и стук его, казалось, непременно должны были услышать турки...

Но волны вновь потащили телегу дальше. Иван держался изо всех сил руками и ногами за трясущееся дышло повозки, ругая про себя рытвины и выбоины, покрывавшие крепостной двор. Наконец массивные дубовые колёса замерли на месте. Кромешная темнота вокруг сменилась на говор и шум шагов. Блеск многочисленных факелов разогнал мрак. Иван опустился на землю и осторожно выглянул из-под телеги. Впереди чернел проём больших ворот крепостного арсенала. С полсотни турецких воинов при свете факелов копошились там, разгружая первую повозку. Обширный двор крепости был достаточно хорошо освещён факелами, но у подножия замыкавших его стен царила кромешная темнота.

Щёлкнул кнут и повозка двинулась вперёд. Иван успел быстро перекатиться перед колесом в сторону стены. Прижавшись к ней спиной, он внимательно осмотрелся.

Волы, но больших рогах которых отсвечивал алым блеском огонь факелов, втащили воз во внутрь арсенальной башни. Следующие две телеги показались на дворе. Всё, лучшей возможности не будет! Турки заняты этим караваном и вряд ли будут глядеть по сторонам и прислушиваться ко всяким посторонним шорохам...

Одетый в свой рабочий короткий серый чекмень и тёмные штаны, с измазанным сажей лицом и руками, Иван практически сливался с темнотой. Хорошо зная внутреннее расположение крепости, он осторожно двигался вдоль стены к лестнице. Добравшись благополучно до её истёртых каменных ступенек, замер, сжавшись в комочек и осмотрелся.

У входа в арсенал скрипели колёса, мычали волы, звучали голоса татарских возчиков и турецких стражников. Шума было достаточно, чтобы прикрыть передвижения и казачьей сотни, а не одного парня...

Ободрённый, юноша взлетел по ступенькам наверх и очутился перед наглухо закрытой дверью. До этого он бывал здесь только днём и дверь эта, ведущая во внутрь крепости, всегда была открыта. А сейчас... растерянно моргая, Иван попытался отворить дверь, но она, не менее прочная, чем мощные крепостные ворота, стояла нерушимо, как гора Ак-хая. Юноша в панике огляделся по сторонам. Кругом высились отвесные стены. И на них маячили дозорные воины. Что делать?

Прижав ладонь к тяжело бухающему сердцу, Иван тупо глядел на сколоченную из толстых дубовых брусьев и скреплённую коваными гвоздями дверь перед собой. Всё пропало! Нет другого выхода отсюда дальше в фортецию и на главный бастион. Потому и закрыта на ночь эта дверь! И ранее можно было догадаться...

Кляня себя за глупость, Иван обречёно опустился на корточки перед заколоченной дверью. Вот так и будет он сидеть, как дурень, до утра. А утром что?

Сколько времени сидел он так, ругая себя и весь свет за одного, Иван не смог, не смог бы ответить. Но довольно долго – турки в арсенале уже загрузили все возы и тишина воцарилась над спящей каменной громадой. Только двое стражников, опёршись на копьё, замерли у огромных ворот арсенала.

Резкий скрип отодвигаемого засова мигом привёл Ивана в чувство. Дверь перед ним дрогнула и стала приоткрываться. Вскочив, юноша секунду отчаянно глядел на неё, потом прыгнул в сторону и замер у стены. Дверь отворилась и появился здоровенный турок с факелом в руке. За ним, один за другим, стали спускаться вниз по лестнице турецкие воины. Иван, практически не дыша, буквально влип в стену, наблюдая за мелькавшими рядом тенями в широких шароварах, остроконечных железных шлемах и саблями по бокам. Шестеро воинов дружно

затопали по двору крепости, направляясь в сторону входной башни. Вышедший первый турок остался на первой ступеньке лестницы, наблюдая за ними. Двое воинов, отделившись, зашагали к арсеналу. Стражники у его ворот передали им свои копья с длинными конскими хвостами-бунчуками и направились к лестнице.

Вот оно что! Смена караула, ну конечно! Иван облизал сухие губы. Сейчас сменяется четверо стражников в башне и дверь опять закроется. На сколько? До утра, скорее всего...

Напряжённо уставившись в спину турка на лестнице, Иван отделился от стены и шмыгнул в проход за дверью. И, как на зло, у самого входа споткнулся о выбоину в каменном полу. Чуть не упав, он с лёгким шумом ударился плечом о стенку. Воин на лестнице обернулся и шагнул к двери.

Иван, не живой – ни мёртвый, застыл у стены. Что делать?! Бежать по проходу в глубь крепости? Низкий каменный коридор, достаточно хорошо освещали смолистые факелы, торчавшие во вделанных в стены железный держакках. Коридор был прямой, и турок его непременно заметит! Иван, дрожащей рукой, сжал рукоять кинжала за поясом. Ударить стражника, когда появится в дверях... куда лучше ударить? В горло? В грудь?! А ежели и убьёт он турка одним махом, то подходящие воины обнаружат тело и тревога поднимется по всей фортеции... – мысли лихорадочно прыгали в голове парня, пальцы, сжимавшие кинжал, мгновенно стали мокрыми.

Массивная фигура турка показалась в дверном проёме и большая чалма его полезла вовнутрь коридора. Задыхаясь, Иван потянул кинжал из ножен.

– Ахмед, чего ты там забыл, уважаемый? Давай поболтаем, пока ага посты проверяет! – раздался весёлый голос у подножия лестницы!

Чалма остановилась на расстоянии ладони от прильнувшего к стене парня. Не входя дальше в коридор, турок обернулся к лестнице:

– Да чего-то померещилось, Юсуф! Шайтан, похоже, пошаливает... – сиплый голос его как в трубе загремел под кирпичными сводами коридора.

– Не упоминай нечистого в это время, дорогой. В полночь и так вся нечисть гуляет вольно, сам знаешь!

Бледный, как смерть, Иван перекрестился, глядя опасливо в широкую спину дозорного воина. И быстро, почти бегом, на полу цыпочках, двинулся по коридору. Шагов двадцать, шагов двадцать и только пройти – а там поворот! Пусть поболтает ещё чуток...

Иван благополучно добрался до поворота и словно камень свалился с его плеч. Прислонившись к стене, он некоторое время отдышал, утирая рукавом пот с мокрого лица. Затем двинулся дальше. Благодаря частым визитам к паше, юноша хорошо знал все закоулки этой части крепости. Но на бастионе был только раз и днём. Заблудившись в извилистых каменных коридорах, Иван уже стал приходить в отчаяние. Но выручило море – через узкую бойницу явственно прослышался шум прибоя. Ориентируясь по нему, Иван вскоре нашёл коридор, ведущий на бастион.

Глава 16

И вот прохладный солёный ветер дунул в лицо, остужая тело. Молчаливой каменной громадой простилался впереди главный бастион. Выглянувшая из-за башни луна озарила пушки и железные доспехи воинов на стенах.

Проклиная не к стати яркое ночное светило, Иван осмотрелся, и шмыгнул на восточную сторону бастиона. Дозорные турецкие воины стояли спиной к нему, озирая сверкающее под лунной море. Приседая, передвигаясь иногда на четвереньках, Иван добрался до восточной стены. Оглядевшись и убедившись, что стражники его не заметили, юноша приподнялся и глянул вниз.

Море, вздымая чёрные с белыми бурунами валы, тяжело билось о скалистый берег. Каменная кладка стены отвесно уходила вниз, переходя в острые мрачные утёсы. Где-то там должны быть лазутчики...

Иван устало присел на корточки. Надо опять ждать... Но ожидать долго не пришлось – острый крик *сенной* чайки прозвучал из темноты. Затем – второй. Иван быстро развязал мешок и достал верёвку. Огляделся, осторожно набросил петлю на зубец стены и сбросил верёвку вниз. Стражники на дальней оконечности бастиона всё так же оглядывали пустынное море, опёршись на копыя. Сжавшись в комочек, юноша напряжённо ждал. Верёвка, дёрнувшись, натянулась. Вскоре лёгкий шорох раздался за стеной и Иван помертвел от страха.

Из-за края стены появилась самая настоящая чертячья физиономия – чёрная, как сапог, со сверкающими в темноте глазами. Через секунду парень понял, что это был сам Резун с измазанным, как у него, сажей, лицом.

Ловко перевалившись через край, казак притаился рядом с Иваном.

– Здорово будь, хлопче! Чего так телился долго? Не чаялся уж дожидаться тебя! Подумывал не схватили тебя басурмане случаем! Да в фортеции вроде всё тихо было... Каково тут? Всё спокойно?

Иван кивнул. Они посидели так немного, потом Резун, покопавшись за пазухой, протянул что-то юноше:

– Держи! Вот мешочек со свинцовыми гвоздями, два молотка и фонарь. Потом согдится! А сейчас сиди тихо, я всё сделаю сам. Уразумел?

Тёмной тенью старый пластун скользнул вдоль стены к ближайшему дозорному. Наблюдая за ним, Иван никак не мог понять, как такой здоровый и тяжёлый мужик может передвигаться так же тихо и бесшумно, как кошка...

Подскочив к стражнику, Резун быстро обхватил турка сзади рукой, сжав ему рот. В свете луны блеснуло лезвие ножа... Оставив неподвижное тело дозорного лежать рядом с пушкой, пластун неслышно прокрался к следующему стражнику. И буквально через несколько минут все четверо дозорных мёртвыми лежали на каменных плитах бастиона.

Иван, поражённый, воочию мог убедиться, что запорожцы прозвища дают друг другу не зря! Резун – он и есть резун...

– Ваня, где вход в башню? Ага, понял! Надо непременно снять басурмана там! – тяжело дыша, казак двинулся к чёрной нише входа.

Задрав голову, юноша посмотрел на высящуюся над бастионом массивную сторожевую башню. Где-то на её вершине должен быть ещё один турецкий дозорный воин.

Ждать пришлось, как показалось Ивану, целую вечность. Наконец из башни вынырнул довольный Резун.

– Дело сделано, хлопче! Эх, кабы были тут два десятка моих пластунов, то порешили бы всех сих басурман, дрыхнувших в казематах. Ладно, пидемо дале... забрав у Ивана фонарь, казак осторожно раздул его. Затем поставил на каменный зубец бастиона и приоткрыл одну

замазанных копотью стенок. Слабый жёлтый луч вырвался наружу, затмив на мгновение свет луны. Резун мигом закрыл стекло. Потом опять открыл. Снова закрыл. Фонарь часто мигал жёлтым глазом, посылая в море свои тайные сигналы. И оттуда, от линии тёмного ночного горизонта едва заметно мигнул другой жёлтый глаз. Некоторое время оба фонаря-глаза перемигивались друг с другом. Потом пластун задул фонарь:

– Ещё дело зроблено, брат! А теперича дела за нашими. Давай гвозди и молотки, Ванька!

Вытащив из мешочка длинный тяжёлый свинцовый гвоздь, Резун бросился к ближайшей пушке:

– Гляди, как сие делается, брат! – вставив гвоздь в затравочное отверстие орудия, Резун одним махом вбил его во внутрь пушки.

Орудие загремело, как церковный колокол. Иван втянул голову в плечи и с ужасом огляделся. Ещё один сильный замах – и молоток намертво расплющил шляпку гвоздя о бронзовый ствол пушки.

– Всё, брат, сдохла сия бомбарда! – старый казак протянул один молоток и горсть гвоздей юноше. – На, и лупи пушки по той стороне бастиона. И быстро! Нету у нас времени!

Иван принялся за работу. Вставлял гвозди в затравочные отверстия и бахал по ним молотком. От непривычки и волнения молоток не всегда попадал, куда надо, гвозди сгибались дугой и пару раз Иван преобильно врезал себя по пальцам. И страшно нервировал грохот! Звон от ударов молотков по пушкам мог, казалось, разбудить не только турок в крепости, но и половину жителей Кафы. С противоположных стен и башен уже раздавались встревоженные голоса находившихся на них дозорных воинов... Случайно бросив взгляд на стену, Иван, ошарашенный, невольно замер. Десятки – много десятков длинных чёрных лодок с острыми носами неслись по морю. Их вёсла, сверкая при лунном свете, быстро мельтешили по бортам как ножки жуков-водорезов. Первые «чайки» уже подходили к крепости и на них хорошо были различимы голые по пояс люди с бритыми головами и саблями в руках.

– Чего стал! А ну двигай скорисше! – рявкнул с другой стороны Резун, продолжая заклёпывать пушки.

Иван бросился к следующему орудью и одним взмахом вогнал в его сердцевину свинцовое жало.

– Эй, Мурат! Что там у вас происхо... – турецкий офицер появился из входа башни.

Вздвогнув, Иван выпустил молоток из руки. С грохотом тот ударился о бронзовый ствол и слетел на пол. Договорить турок не успел, мелькнув в воздухе, нож вонзился ему в горло.

– Чего рот разинул?! Хватай молоток, живо! – крикнул пластун, опуская руку.

Иван смотрел на упавшее тело с торчащим из шеи кинжалом, затем сглотнул комок в горле и вновь принялся за работу. Снова застучали молотки об орудия, но ненадолго – снизу загремели сапоги бегущих людей. Свет факелов озарил кирпичные своды входа, и четыре турецких воина выскочили на бастион. Резун, отбросив молоток, выхватил из-за пояса ещё два кинжала и разом – с обеих рук метнул их. Первый воин, схватившись за грудь, без звука рухнул навзничь. Второму кинжал вонзился в плечо.

– Тревога! Казаки! – заверещал стражник, прижав ладонь к кровоточащей ране. Турки схватились за сабли и, вопя, бросились на Резуна. Где-то в глубине крепости дико забыл боевой рог. Шум голосов и звон оружия заполнил всю спящую до этого каменную громадину.

– Иван! Беги к верёвке, я сдержу этих! – прохрипел, не оборачиваясь, казак. Кривой ятаган появился у него в руке. Молниями сверкнули клинки, скрестившись в воздухе. Старый пластун, прижавшись к орудийному лафету, отчаянно отбивался от двоих подскочивших к нему турок. Третий не взирая на рану в плече, обходил казака с боку.

Подбежав к зубцу, на котором висела верёвка, Иван вдруг вспомнил, что тоже вооружён. Выхватив свой индийский кинжал, и судорожно сжимая его в руке, он смотрел на сражающегося запорожца, не зная, как тому помочь.

Со звоном отбив вражеский клинок, Резун неуловимым движением полоснул турка ятаганом по шее. И одновременно хлестанул наружной стороной ступни по голове второго воина. Потеряв чалму, турок отлетел к пушке и с грохотом перевалился через неё. Первый воин, сжимая ладонью рассечённое горло, опустился на колени. Тёмные струи крови быстро заливали его железную кольчугу.

Резун обернулся к третьему противнику, но поднять ятаган не успел – тот уже занёс над ним широкую турецкую саблю. Индийский кинжал, прорезав воздух, ударил воина в спину. Кривой клинок замер над головой казака – выгнувшись турок широко разинул в крике рот. Блеснул ятаган и пронзённый насквозь турецкий воин рухнул на бастион.

Вырвав из его тела кинжал, пластун подбежал к юноше:

– Молодчина, хлопче! Держи своё оружие, пора убираться отсель, пока не поздно! Сколько пушек заклепал?

– Ну, десять вроде... нет, двенадцать, точно двенадцать, дядько! – задыхаясь, прокричал Иван, не отрывая глаз от первого убитого им человека.

– Да ты спокоен будь, козаче! Сие токмо басурман проклятый... Я сделал шестнадцать. И это не погано! А теперь давай за стену!

На бастион высыпали сразу человек тридцать турок. Сбитый ударом ноги казака стражник выскочил из-за пушки и заорал, тыкая саблей на людей у восточной стены. Воины вопя, кинулись к убегающим. Турецкие пушкарники уже бросились к орудиям и начали заряжать их.

Перекинувшись через стену, Иван схватился за верёвку и скользнул вниз. Резун спускался за ним.

Скорише, хлопче, скорいше! – прохрипел пластун, быстро перебирая верёвку руками. Его большие сапоги уже тыкались о голову парня.

Иван заскользил вниз, обжигая ладони. И скоро ноги его коснулись влажных от прибою скал. Вверху, над зубцами стен, замаячили турецкие чалмы, во всю неслись ругательства. Сверкнула сабля и обрубленная верёвка змеей сорвалась со стены.

Резун с шумом шлёпнулся на камни и забористо выругался:

– Ну, мать их, псов басурманских, во все дыры! Ногу зашиб, что б яйца черти в аду клещами драли! Поможи, хлопче, хай ему грець...

Иван подхватил казака под руку и поволок его вниз, к пенящейся линии прибою. Свистнула мимо уха стрела. Другая вырвала клочок из рукава юноши. С моря громыхнуло, на бастион полетели пули и стрелы. Наверху кто-то вскрикнул, чалма медленно слетела со стены и плавно заколыхалась в волнах.

– Давай, хлопцы! Чего телитесь, мать вашу! – небольшая рыбацкая лодка качалась у берега и кто-то отчаянно махал им рукой. Другая рука человека висела на перевязи через грудь.

Узнав Смагу – «Чёрного», Иван обрадовано закричал в ответ.

Большая чайка появилась невдалеке, и от туда десятки казацких пуль неслись на бастион. Крики и весёлая ругань запорожцев далеко разносились по спокойной глади моря.

А мимо крепости всё скользили и скользили быстрыми тенями лодки казаков. Сечевики, потрясая саблями, с жуткими воплями выскакивали на берег, круша всё вокруг себя. Разноголосый, тревожный гомон уже поднимался над просыпающимся городом.

Глава 17

Зайдя по колени в воду, Иван и Резун добрались до лодки. Смага протянул здоровую руку своему старшему товарищу. Щербатый Василь, сидевший за вёслами, помог забраться в лодку юноше. Отдуваясь и вытирая мокрое от брызг лицо, Иван с благодарностью кивнул ему.

– Здорово, будь, Данило! – Заорал «Чёрный».

– Живой?! Что, задело чуток? Безделка! Сколько пушек заклепали?

– Двадцать восемь. Жалко, все не успели... Передай гетману, дабы держались подальше от западной стены фортеции. Там восемь гармат, зараз палить будут! – кривясь от боли, Резун потирал голень, тревожно поглядывая вверх, на стены крепости.

– Пустое! Двенадцать не сорок, молодцы хлопцы! – Смага дружески обнял обоих. – давай, щербатый, двигай отсель, покудова не поздно! Ванька, бери свободную пару и греби тоже!

Схватив вёсла, Иван быстро вставил их в ключины. Смага пробрался на корму лодки. Сложив ладони рупором у рта, прокричал:

– Восемь справа и четыре слева целые!

– Добре! Как там Данила?! – отозвались с большой чайки.

– Здоров, ногу зашиб только! Отгребайте скорыше, сейчас турки очухаются!

Воочию подтверждая слова Смаги, наверху бастиона полыхнуло и длинный сноп пламени вырвался далеко за стену. Громовой грохот заложил уши. С противным визгом ядро врезалось в волны у самого носа чайки, подняв огромный столб воды. С руганью запорожцы взялись за вёсла и лодка стала отходить от стен крепости.

Громыкнула другая пушка, за ней третья. Ядра с шипением прорезали воздух, вздымая целые горы пенящейся воды. Но основная часть орудий бездействовала. Турецкие пушкарки напрасно подносили к затравочным отверстиям пушек горящие фитили – уставив тупые рыла на несущиеся внизу казацкие чайки, бронзовые чудовища молчали. Шлемы и чалмы пушкаррей мелькали между зубцами стен бастиона, они отчаянно пытались выдрать свинец из орудий, но это было невозможно...

В бессильной злобе глядели турки на лодки запорожцев, махая саблями и ругаясь. Казаки в ответ крыли басурман «трёхэтажным матом» и крутили фиги. Несколько хохмачей на ближайшей чайке вскочив на борт, попускали шаровары, выставив толпившимся на бастионе туркам голые задницы. Громовой хохот поднялся над волнами. Сотни луженных запорожских глоток извергли весёлый рёв, поддерживая смельчаков с чайки.

– Во дают, черти! – восхитился Смага.

– Сие наверняка Левко Носатый с братчиками. Раздолбаи ещё те, им сам дидько не брат!

Иван налегал на вёсла и крутил головой во все стороны. Сердце восторженной птицей колотилось в груди парня. Да! Это было что-то! Это было то, о чём он только слышал от отца и стариков. Налёт запорожцев на басурманский город! И он сам принимает в сём прямое участие. Это здорово!

На западной стороне бастиона сверкнуло, и сразу восемь пушек выплюнули красные языки пламени. Дым тёмной тучей окутал крепость, грохот сильнее грома пронёсся над гаванью. Пенные столбы поднялись среди казацких лодок, и одна из чаек мгновенно переломилась пополам. Другое ядро разнесло вдребезги корму следующей и лодка, задрвав к небу острый нос, перевернулась вверх килем. Казаки горохом посыпались в воду, матерясь, на чём свет стоит. Крики раненных и тонущих понеслись над волнами.

Смех на чайках увял, сменившись новой волной ругательств. Сечевики подгребали ближе к разбитым лодкам, подбирали товарищей и палили из ружей по бастиону.

Взлетая на гребнях волн, рыбацкая лодка шла за большой чайкой, огибая по дуге крепость. Бастион извергал фонтаны пламени, но редкие ядра не могли причинить существенного ущерба множеству казацких лодок.

– Давай ребята, гребите скорее от сего гнезда поганого – Резун указал направление передвижения.

Иван равномерно опускал вёсла в воду, стараясь попасть в такт движениям сопевшего впереди Василя. С крепости непрерывно полыхали молнии, и ядра с рёвом неслись по воздуху. Юноша невольно втягивал голову в плечи, когда очередной чугунный шар проносился сверху, падая где-то среди лодок сечевиков. И вспоминалась заклёпка пушек – а что ежели все сорок гармат палили бы? Не приведи Господь...

– Левее берите, мать вашу! Левее! – рявкнул вдруг с носа лодки Резун.

Смага на корме резко повернул румпель и лодка накренившись, черпанула бортом воды. Иван едва успел поднять весло – здоровенный деревянный обломок проплыл рядом. Виднелись дыры уключин и свисающие канаты рангоута. Дальше колыхалась на волнах мачта с обрывками парусов. И...

Помертвев, Иван судорожно сжал веретено весла. Голова мелькнула между волнами, кружась на них как шар. При свете луны хорошо виден был длинный чёрный чуб-оселедец, змеившийся в воде. Широко открытые мёртвые глаза глянули в глаза юноши.

– Господи Иисусе... – прошептал Василь, крестясь.

– Накрыли байдаку, гады! Земля и вода да будет пухом славным лыцарям запорожским! – Резун тоже перекрестился. – Гребите хлопцы, гребите! Ничего, отмоеся их кровушка чёрной кровью басурманской скоро...

Берег приближался. Прибой с грохотом бил о деревянные сваи причалов, колыхая трупы татарских стражников. Казаки во всю хозяйничали на торговых кораблях, забирая с них добро, и пинками гоняя перепуганных моряков.

Рыбацкая лодка ткнулась носом в песок, рядом с большой чайкой. Иван и Смага помогли Резуну выйти на запруженный толпами сечевиков берег. Те весело приветствовали товарищей, забрасывая их вопросами.

– Здоров будь, Резун!

– Здорово, рожа хвастунская!

– Где другие братчики: Летяга, Скалозуб, Дрыгайло?

Узнав, что лазутчики оказались в руках турок, запорожцы ругались и посылали на голову басурман сонмы проклятий.

Резун, Смага, Василь и Иван подошли к сошедшим с большой чайки людям. Высокий казак средних лет в нарядном жупане и булавой в руке шагнул вперёд и обнял старого пластуна:

– Рад видеть тебя живым и здоровым, брат! Что с ногой?

– Та добре все, пан гетман, зашиб слегка... Жаль пушки не все заклепали, ибо попали мои хлопцы в беду. Вот, панове, это тот самый Иван, сын Иванов! Он заменил Летягу! Пробрался в фортецию и заклёпывал бомбарды! – Резун обернувшись, подтолкнул вперёд смутившегося парня.

Склонив крупную бритую голову, гетман некоторое время сверлил юношу тёмными проницательными глазами.

– И ты значит, хлопче, добыл фирман султана.

Иван, на которого обратились взгляды окружающих сечевиков, смутился ещё более. Опустив голову, он молча кивнул.

Добре. Батько твой, говоришь, тоже казаком был? Какого куреня? Как прозывали?

– Куреня полтавского. Звали Иван Заграва...

– Заграва... вроде из городовиков? Точно! Помню, добрый был казак! Пропал где-то у Боспоры. Боспора вместе с хлопцами бунчужного Семёна Жарого... – гетман помолчал, потом положил на плечо юноши тяжёлую руку:

– От всего Славного войска Низового Запорожского благодарствую тебе, Иван сын Иванов, за содеянное для товариства дела! Хочешь быть казаком? Как батько твой?

Иван кивнул.

– Добро! Ты уже доказал, что казак есть истинный по духу своему, джура Иван! Что братчики, сгодится для войска нашего казак новый?

Сечевики одобрительно закивали чубатыми головами, с любопытством разглядывая парня. Вдали слышалась оружейная пальба и крики людей. Зарево пожаров поднялось над портом Кафы.

Гетман повернулся к стоявшим рядом Резуну, Смаге и Василию:

– Хлопцы, город сей знаете хорошо! Действовать надо скоріше, ибо время не ждёт! Щербатый, веди Батурицкий и Роговский курени к южным воротам. Нужно перекрыть дорогу татарам из Бахчисарая! Смага, берёшь Каневцев – и двигай к казармам стражников у главной мечети! Ты, Данила, берёшь... ходить можешь?

– Да с трудом, пан атаман. Болит, чтоб ей! – старый казак болезненно скривился.

– Да мы его на руки и понесём, куда надо! – закричали толпившиеся вокруг запорожцы. – Как невесту на выданы понесём, не боись, Резун!

– Иди пан бунчужный к чайке и отдыхай. Ты дело своё уже сделал! – бросил пластуну гетман и обратился к Ивану:

– Город знаешь? Добре. Славко, поди сюда!

Смуглый высокий казак лет тридцати с шикарнейшей саблей на боку, выступил вперёд.

– Бери джуру Ивана и айда со своими полтавцами к главному базару! Там томятся в зинданах наши люди полонённые. И турок с татарами полно внутри! Уразумел?

– Уразумел, батько! – смуглый казак слегка поклонился, бросив пыливый взгляд на юношу.

– Охрим, давай своих гармашей в фортеции! Держать ворота, дабы турки не мыслили и носа высунуть!

Крепкий бородач с большущей и рыжей бородицей, возмущённо выкатил плутовские глаза:

– Батько, что за дела?! Опять мне басурман сторожить, пока батуринцы с полтавцами турецких купчин трясти будут? Вон братчики Покотилы уже кучу добра с кораблей натащили!

Гетман крутанул булавой у самого носа бородача:

– Снова языком попусту чешешь, борода твоя драная! Добалакаешься, что без головы останешься! Бегом к крепости! Хватит и на вашу долю добра поганского, прохвосты!

– Добре, добре, батько! Усе путём будет! – рыжебородый Охрим широко улыбнулся. – Ану хлопцы, кати пушки к фортеции! И те возы татарские прихватите!

– А телеги зачем, Москаль? – закричали казаки, бросившись к стоявшим у причалов большим грузовым повозкам-арбам.

– Тащите возы, и не мудрствуйте много, вояки православные...

– Ну что, пидемо, брат? – Славко коснулся плеча юноши.

– Веди Вань, хлопцев самым коротким путём к базару. Ибо татары ясырь из людей наших порешить могут! – Резун дружески улыбнулся и заковылял к большой гетманской чайке.

Иван смотрел во след уходившему пластуну и тяжёлый ком стал в его горле. Вот уже второе воинское задание! А кто ещё он был вчера? Раб несчастный, недочеловек! А ныне он казак сечевой, джура! Вон как крутит судьба нами...

Юноша вздохнул. Положив ладонь на рукоять своего индийского кинжала, он направился к ожидавшим его запорожцам.

Глава 18

Самая короткая дорога к главному рынку Кафы проходила мимо крепости. Иван повёл казаков полтавского куреня вдоль причалов. Туда же сечевые пушкари-гармаши тащили десятка два небольших чугунных орудий и тяжёлые арбы. Гвалт кругом стоял ужасный, но всё перекрывал крепкий русский мат бородатого Москаля, командовавшего пушкарями.

Везде виднелись следы вооружённого налёта: разбитые и перевёрнутые телеги, бочки, зарубленные стражники. Большие портовые склады уже были раскрыты и казаки других куреней во всю копошились там. Несколько зданий горело. Красные искры веером разлетались по воздуху, поджигая соседние дома.

Полтавцы быстрым шагом двигались к крепости, когда картечь со свистом резанула воздух прямо над головами запорожцев. Пришвартованный у последнего причала большой венецианский корабль извергнул громы и молнии из обоих своих бортов. Казаки мигом рассыпались по сторонам, укрывшись за бочками и телегами. Десятка полтора трупов в широких шароварах и оселедцами на бритых головах остались лежать на причале.

– Пан Ярослав, допоможи! – здоровенный казак с окровавленным лицом и ятаганом в руке возник перед Славком. – паписты сии сопротивляються, как черти! Мы все корабли в порту взяли, а эти палить начали!

– Скорише шевелиться надо было, Покотила! Сначала корабли захватить, а потом рыться в их трюмах! Так что сам виноват, что упустил время. Мы на главный базар спешим, там татары людей наших побить могут! – хмуро буркнул Славко. – сам тут разбирайся!

– Ну пан атаман, ведь уйдут же, гады! Покудова хлопцев соберу с лабазов, удерут фряги! Ну допоможи, Сверговский! – взмолился Покотила и вытер ладонью кровь с лица.

Снова полыхнуло. Ядро пронеслось сверху и врезалось в стену склада, подняв тучу кирпичных обломков. Запорожцы, ругаясь, вновь укрылись за телегами.

– Десятину добра, что в трюме сего венецияца, моим хлопцам! Идёт? – атаман полтавцев пристально разглядывал стоявший напротив корабль.

– Добре Славко, добре! – обрадовано затараторив грузный Покотила, и бросился к своим залёгшим перед причалом казакам.

– Джура... как тебя прозывают? Иван? Сиди покуда тут и зря не высовывайся! Мы скоро, понял?

Иван согласно кивнул.

Славко собрал хорунжих и быстро переговорил с ними. Командиры сотен, пригибаясь, направились к своим сечевикам. Проигнорировав указание атамана «не высовываться», Иван привстал, внимательно наблюдая за начавшимся оживлением. Казаки, не обращая внимания на свистящие сверху *пили* и картечь перебежками продвигались к кораблю.

И только сейчас следя за приготовлениями запорожцев к бою, Иван понял, как устроен курень полтавцев. В начале на берегу войско казаков показалось юноше просто вооружённой неорганизованной толпой, громко орущей и не слушавшей приказы своих начальников. К тому же плохо одетой: в грязных рваных шароварах, таких же рубахах, кожаных свитках-безрукавках или же вовсе голыми по пояс.

Теперь курень чётко разделился на сотни, каждая из которых имела своё предназначение. Сотня пицальников, вооружённая фитильными ружьями, полукругом оцепила причал, нацелив на корабль лес стволов. Сотня лучников, расположившись за телегами, дружно натянула тетивы луков, уставив острия стрел в небо. Сто пятьдесят копейщиков с длинными турецкими копьями залегла чуть дальше, наблюдая за ходом боя. И, наконец. Триста самых отчаянных рубак в курене – сердюки, все с ног до головы увешанные разным оружием, сжимая сабли, топоры и ятаганы, приготовились ринуться на корабль.

И не смеха, ни шуток – только молчаливая угрожающая сосредоточенность...

За высокими бортами венецианского судна мелькали ребристые шлемы одетых в доспехи моряков, торчали сверкающие острия алебард. Стволы мушкетов и небольшие пушки на верхней палубе извергали свинцовый град на причал, не подпуская никого близко к кораблю. В «вороньих гнёздах» – больших бочках на мачтах тоже сидели стрелки, бьющие из ружей по любой видимой цели.

Иван чуть не поплатился жизнью за ротозейство, пуля обожгла горячим воздухом его висок, вонзившись в бочку. Обернувшись, Славко обложил парня матом и пообещал надрать задницу. Несколько смущённый, Иван, потирая висок, снова присел за бочку, продолжая наблюдать за событиями.

На корме судна стояли несколько человек в железных доспехах. Один из них – с пышным пучком перьев на красивом ребристом шлеме, взмахнул длинной тонкой шпагой. Правая, обращённая к морю сторона корабля громынула, послав в ближайšie чайки десяток ядер.

– Так, понятно... – протянул куренной атаман. – Задрыга, давай сюда Никитку, живо!

Пожилой грузный сечевик басом передал приказ дальше и вскоре у бочки появился высокий молодой казак с длинноствольным ружьём в руках.

– Никита, видишь того фряга в панцире и с перьями? Это капитан, надо снять! – Славко вопросительно взглянул на казака.

– Далековато, пан куренной. Но попробую... – казак неуверенно повёл плечами.

– Уж постарайся, брат! Глаз у тебя соколиный, так что уваж товариство... Ефимыч, передай Пивню и Омельку, дабы готовы были, зараз начнём!

Обозный Ефим Задрыга кивнул и передал по цепи приказ командира стрелков и лучников.

– Петро, будь на стрёме, пидемо сейчас!

Довольно оскалившись, бунчужный Покотила согласно махнул ятаганом. На корабле тем временем началось какое-то движение. Поблескивая шлемами, забегали по палубе матросы, закрипели блоки и на мачты поползли длинные реи с огромными полотнищами парусов. Сверкнул топор и толстые канаты-швартовы, удерживавшие судно у причала, с плеском упала в воду.

Славка лизнул указательный палец и поднял его вверх.

– Ветер поднимается. Уйти, хотят, гады! Хрен вам, падлы, собачий в дупу! Ну, чего там, Никита?

Никита, прищутив левый глаз, застыл за бочкой, слившись с ружьём в одно целое. Венецианский капитан всё маячил на высокой корме корабля, отдавая приказы.

Длинный шестигранный ствол пищали, не отрываясь, следил за ним, покачиваясь в такт движениям. Дымя и потрескивая, тлел фитиль в замке ружья, распространяя удушливый серный запах.

С любопытством, наблюдая за происходящим, Иван вдруг заметил, что уже наступил рассвет. Солнца ещё не было видно, но его лучи пробивались с востока, разгоняя темень. Ночь сменила серое утро и хлопья тумана поднялись над шумящими волнами.

Подняв тучу брызг, упал в воду обрубленный якорный канат. Большие паруса, распустившись, начали наполняться ветром. И кренясь, корабль стал отходить от причала. Никита плавно нажал на спусковую скобу. Горящий фитиль ударил в полку с затравочным порохом. Грохнул выстрел, клубы дыма окутали бочку. Человек в шлеме с перьями качнулся и упал на перила, ограждающие корму судна.

– Молодец, Никита! Петро, изображай дело! – весело рявкнул Славко и забористо выругался.

С полсотни залёгших у причала казаков выскочили и жутко вопя, ринулись к кораблю. Не пробежав и десятка шагов, они кубарем покатались на причал, укрываясь за трупами уби-

тых товарищей. И вопя, с корабля полыхнули пушки, хлестанув картечью над самыми головами сечевиков.

– Добре! А теперича хлопцы, вперёд! – заорал, вскрикивая Покотила.

Запорожцы вновь ринулись в атаку. Стволы мушкетов выросли над бортом корабля, целясь в нападавших. Только того и ждавший Славко поднял руку. Громыкнул залп. Пули ударили в судно, выбив из него щепки. Несколько пробитых ребристых шлемов слетели с голов владельцев и шлёпнулись в воду. Ружья венецианцев дёрнувшись, исчезли за истерзанным пулями бортом. Одновременно хорунжий Омелько взмахнул саблей. Лучники враз опустили тетивы луков. Сотня стрел с шелестом взмыла в небо. На невидимой глазу высоте они, описав дугу, нацелили острые стальные клювы на корабль. Железный град забарабанил по мачтам и палубе судна, вопли раненных итальянцев далеко разнеслись над причалом. Бившие по казакам повисли на бочках, истыканные, как ежи, стрелами. Всё же укрывавшиеся за бортом солдаты успели дать залп – с десятков впереди бегущих сечевиков Покотилы мёртвыми рухнули на доски причала. Но основная масса запорожцев с рёвом домчалась да корабля и мигом облепила его. Казаки ловко карабкались по высоким бортам, хватаясь за канаты и торчащие из портов стволы пушек. Снова на палубе судна вырос лес пик и алебард венецианцев. Потрясающая шпагами, офицеры приказывали солдатам сбросить отчаянно лезущих казаков.

И снова стрелки Славка осыпали палубу корабля пулями и стрелами. Успевший перезарядить пищаль Никита снял одного из офицеров – тот, кувыркаясь, слетел с борта в воду. Запорожцы ворвались на палубу и там завязалась яркая сеча. Огромная фигура Покотилы уже мелькала на корме судна, его кривой турецкий ятаган безжалостно молотил по железным панцирям итальянцев. А сечевики всё лезли и лезли на корабль, уже отошедший на несколько метров от берега. Последние из нападающих просто прыгали на борт судна, хватаясь, за что попало. Многие срывались и падали в воду. Но отплёвываясь и матерясь, цеплялись за свисающие швартовые канаты и схватив сабли зубами, упрямо карабкались наверх.

– Всё, дело сделано! Петро теперича своего не упустит! – Славко поднялся из-за бочки и удовлетворённо погладил длинные чёрные усы.

Пан куренной, а мы же как?! Хлопцы прямо землю роют! – бунчужный Кулага, начальник сердюков, жадно глядел на атамана.

Успокойся, Остап! Это не наше дело! И так много времени потеряли из-за сего балбеса Покотилы! Гетман может тырлей навешать. – Славко вложил саблю в ножны, продолжая. Глядеть на корабль.

Недовольно ворча, сердюки тоже попускали оружие. Курень вновь начал строиться по боевому: впереди стрелки-пищальники, за ними копейщики и потом сердюки и лучники.

Иван, которому не терпелось опробовать в настоящей сече свой индийский кинжал, разочарованно сунул его в ножны.

А хорошо держались фряги! Доброго перца дали хлопцам Покотолы! – одобрительно произнёс Славко, ни к кому конкретно не обращаясь. – Вообще не похож корабль сей на обычное судно гостей заморских. И большой весьма, и пушек много, и морских солдат на борту имел количество изрядное...

Иван тоже внимательно рассматривал венецианский корабль. Действительно большой – раза в два крупнее обычных купеческих венецианских и генуэзских судов, которых юноша перевидал достаточно в порту Кафы. Красиво разукрашенные надстройки на носу и корме корабля вздымались высоко над причалом. Ветер трепетал на флагштоке большое знамя с изображением вставшего на дыбы золотого крылатого льва. Да, такого морского красавца видеть ещё не приходилось...

Сердюки, Покотилы мельтешили на корабле, добывая последних из венецианцев, кто ещё сопротивлялся. Многие матросы, побросав оружие, ставали на колени, умоляя о пощаде.

– Ладно, пидемо далее, джура! – куренной атаман хлопнул парня по плечу.

Глава 19

Курень двинулся дальше в город. Мимо крепости казакам тоже пришлось продвигаться перебежками, пригибаясь и укрываясь, за чем придётся. Тут пальба шла вовсю – турки били со стен по запорожцам из ружей и пускали тучи стрел. Через открытые ворота крепости они уже несколько раз пытались атаковать казаков и прорваться к причалам. Целая гора скошенных картечью окровавленных трупов в шароварах и длиннополых халатах громоздилась перед воротами. Стоны и молитвы на турецком языке раздавались оттуда...

Выстроив пушки в ряд, гармаши Москаля ловко перезаряжали их и палили безпрестанно по толпившимся за телами убитых товарищей турецким воинам. Укрываясь за телегами и арбами, запорожские стрелки осыпали стены крепости ответным свинцовым дождём. Время от времени то чалма, то тело турка вываливалась из-за зубцов и шлёпалось на землю. И мёртвые казаки, раскинув ноги в широких шароварах, лежали у разбитых ядрами пушек...

– Жарко хлопцам у сей фортеции поганской! Но ничего! Москаль турок из ворот не выпустит, сие точно. Дело воинское знает добре, не зря был головой пушкарей у ихнего царя Ивана! – прокомментировав события у крепости Славко.

Ожидая подходившие сотни, юноша наблюдал за боем с трепетным восторгом. Вот это дело; вот это жизнь! Настоящая война!

С восхищением Иван смотрел на казаков. В самые страшные и опасные моменты сражения, запорожцы излучали спокойное мужество и какое-то задорное веселье. Трёхэтажный мат, божба летели со всех сторон. Даже покалеченные, раненные сечевики предпочитали оставаться рядом с товарищами, заряжая им ружья или просто наблюдая за боем.

– Давай хлопче, веди скорисше!

Очнувшись, Иван кивнул атаману и заспешил вперёд. Миновав крепость, казаки углубились в узкие улочки Кафы. Уже совсем рассвело, и солнечные лучи разгоняли остатки темени из всех кривых закоулков города. Иван быстро вёл запорожцев в глубь Кафы, к главному базару.

Жизнь за глухими дувалами татарских домов, словно вымерла – нигде никого не было видно и слышно. Только остервенело лаяли встревоженные пушечным громом собаки и громко клекотали проснувшиеся голуби на чердаках.

Неожиданно загрели копыта, четверо вооружённых татар появились на улице. Увидев прущую на них толпу сечевиков, нукеры вздыбили коней и повернули назад. Грохнул залп и трое воинов вместе с конями рухнули на землю. Четвертый татарин, раненный в плечо, отчаянно стегнул лошадь нагайкой и скрылся за поворотом.

– Ушёл, гад! – Славко забористо выругался.

– Далек ещё?

– Не-е, скоро будем на рынке.

– Готовсь хлопцы, скоро подходим! – атаман обеспокоено оглядел курень.

Но в особых указаниях сечевики не нуждались. Набывчившись, щуря напряжённо глаза, казаки пробирались по улицам, держа наготове оружие. Город был чужой, враждебный и опасность могла грозить с любой стороны...

Гружённая до верха арба выкатилась из ворот ближайшего дома. Пожилой татарин, стегая изо всех сил медлительных волов, с ужасом оглядывался на приближавшихся казаков. Его многочисленное семейство крича от страха, пыталось спрятаться за сундуками и выюками, заполнявшим повозку. Запорожцы весело заулюлюкали и разбойничий свист резанул уши. Несколько сечевиков подняли было ружья, но Славко рявкнул, дабы не тратили попусту воинский запас.

Арба, скрипя большими колёсами, исчезла в конце улицы. И скоро впереди открылась обширная площадь – главный рынок Кафы и невольничий центр Крыма. Сейчас площадь была пустынна. Утренний ветер разносил по ней мусор, оставшийся после вчерашних торгов.

– Вон тюрьма, где татары держат невольников! – Иван указал на угрюмо выглядывшее большое кирпичное здание, похожее на небольшую крепость.

– Понятно. Хлопцы, лавкой к зиндану и держать ухо востро!

Казачи дугой двинулись через площадь к тюрьме. Идущий невдалеке от юноши Никита ругаясь, поджёг угасший фитиль и взял пищаль наперевес:

– Что за дерьмо сии замки фитильные! Когда надо, их не подожжёшь, дым и вонь одна! – в сердцах бросил молодой казак, заметил устремлённый на него любопытный взгляд Ивана.

Мрачное, обшарпанное здание городской тюрьмы с узкими окнами-бойницами быстро приближалось. До него оставалось шагов сорок, когда на площадь, гремя копытами и поднимая тучи пыли, вылетели татары. Дикий визг и вой перекрыл на миг даже гром пушек в порту. Потряса саблями, крымчаки скопом ринулись на казаков. Одновременно на крышах ограждающих площадь караван-сараев. Возникли фигуры с луками в руках. Свистнули стрелы и несколько сечевиков рухнули на землю. Большие потемневшие от времени ворота тюрьмы отворились и оттуда, выставив вперёд копыта, бросились на казаков турецкие воины – серкасиры.

Крики, свист стрел, ржанье коней, стоны раненых людей заполнили площадь. Атакованный с двух сторон курень, как потревоженный червяк, свернул дугу, сомкнувшись в кольцо.

– Кулага, турки! Пивень – татары! Омелько – крыши! – Славко быстро указывал направление саблей.

Первая шеренга запорожских стрелков мгновенно шлёпнулась на землю. Вторая стала на колени. Третья осталась стоять на месте. Четвёртая положила стволы пищалей на плечи третьей. Все четыре шеренги оцетинились ружейными стволами, направленными на несущуюся конницу. Стоявшие за пищальниками копейщики подняли вверх острые жала копий. Бунчужный Кулага ткнул саблей в наступавших турецких пикинеров. Сердюки не обращая внимания на град стрел сверху, с рёвом кинулись на встречу туркам. Раненый в плечо хорунжий Омелько, кривясь, отдал приказ лучникам. Десятки стрел сыпанули по крышам караван – сараев, сбивая на землю татарских стрелков. А лавина конницы крымчаков уже была рядом, и казалось, неминуемо должна была смести, затоптать в землю строй казаков...

Сабля сотника пищальников резко упала.....зился от зданий на площади. Серые облака дыма заволокли всё вокруг. В его разрывах мелькали перекошенные лица нукеров, хрипящие лошадиные морды. Через мгновение дым насколько рассеялся, открыв целую гряду коней и людей, валяющихся перед строем казаков.

Чёрная лава татарской конницы замешкалась, пробивая себе дорогу через хрипящих в агонии коней и умирающих соплеменников. Не теряя времени, стрелки отошли назад, освободив место копейщикам. И лес копий встретил налетевших крымчаков.

С противоположной стороны куреня в это время одновременно сошлись две атакующие волны – сердюков и турок. Дикий вой, лязг железа о железо и предсмертные хрипы огласили воздух.

Отбросив бесполезные теперь ружья, пищальники обнажили сабли. Хорунжий лучников, матерясь и прижимая ладонь к окровавленному плечу, поторапливал своих стрелков. Казачи одна за другой посылали стрелы на крыши, выбивая лучников противника. Ответный дождь стрел тоже больно хлестал по куреню, валя десятки сечевиков.

Сердюки врубались в ряды сераскиров и расстроили их. В рукопашном бою длинные копыта турок стали бесполезны, казацкие сабли молниями сверкали в воздухе, снося единым махом головы, срубая руки и рассекая плечи. Выхватив ятаганы, турки пытались сопротивляться, но скоро стали отступать к тюрьме, толкаясь, и давя друг друга. Рубя их, как капусту,

сердюки ворвались в здание зиндана. окровавленные трупы остались лежать там, где проходили сечевики бунчужного Кулаги...

Татарская конница, сбив первые три шеренги казацких копейщиков, захлебнулась в атаке. Противники смешались в одну общую кучу, безжалостно убивая друг друга. Копья запорожцев выбивали крымчаков из сёдел, пронзая их насквозь. Сечевики кидались под коней, распарывая им животы и добивая потом всадников. Татры сверху рубили казаков саблями, и не одна голова с чёрным чубом слетела с широких молодецких плеч...

Растерявшийся в первое мгновение боя, Иван пришёл в себя, когда казак рухнул на него, сбив на землю. Стрела пронзила запорожцу шею насквозь, и липкая красная лужа расплывалась под ним, заливая одежду юноше. Иван схватился за кинжал, потом взял выпавшую из рук стрелка пищаль. Тень накрыла парня и конь, брызгая горячей пеной, рухнул рядом. Его всадник, махая окровавленной саблей, отчаянно пытался освободить придавленную лошадьёю ногу.

– Бей его хлопче! Чего пялишься на поганого?! – прокричал кто-то сбоку.

Иван неловко ткнул татарина стволом в лицо. Плюясь кровью, тот секанул саблей снизу и пищаль вылетела из рук парня. Освободив ногу, нукер вскочил. Его раскосые тёмные глаза встретились с глазами юноши. Иван рванул кинжал из ножен. Сабля взвилась в воздух, сбив шапку с головы юноши. Держа кинжал впереди себя, Иван отпрянул и, оступившись, упал на чей-то труп. Татарин с занесённой саблей навис над ним. Мелькнул приклад и нукер ткнулся лицом в землю рядом с юношей. Кровь толчками выплёскивалась из его пробитого виска...

– Что Вань, небо с овчину показалось?! – белозубой улыбкой сверкнул Никита, опуская пищаль. – Ничего, на первый раз всем страшно!

Трясь головой, Иван поднялся, ощущая, как мелко дрожат ноги. И тошнота подкатывала к горлу. Да, схватка с врагами лицом к лицу красива и хороша со стороны, а как сам испробуешь...

Сражение закончилось. Уцелевшие татары, стегая коней, отошли назад, за линию убитых соплеменников. Нукеры крутились волчком перед строем казаков, пуская в них стрелы время от времени. Чуть в стороне находился их мурза. Махая кривой саблей, он что-то кричал своим воинам, указывая на запорожцев. Казаки построились в прежний боевой порядок, оцетинившись копьями. Пищальники усиленно заряжали ружья, вгоняя в стволы тяжёлые круглые свинцовые пули.

Иван вновь подобрал «свою» пищаль. Фитиль всё ещё тлел в её замке. Раздув его, он огляделся. Стало гораздо легче – стрелы с крыш перестали лететь на казаков. Чёрными пятнами татарские лучники валялись у стен караван-сараев. Сердюки Кулаги вовсю хозяйничали внутри тюрьмы, добивая её последних защитников. Головы татарских стражников и турецких пикинеров время от времени вылетали из окон и кровавыми мячами шлёпались на землю.

– Никитка, видишь? – Славко указал в сторону мурзы и вытер мокрый лоб рукавом рубахи.

Никита, заряжавший ружьё, молча кивнул. Насыпав из небольшого рога мелкого затравочного пороха на полку, он вложил фитиль в замок. Иван пристально наблюдал как стрелок заряжает оружие, стараясь запомнить всё до мельчайших подробностей.

Выстроившись полукольцом, татары вновь двинулись вперёд. Мурза, державшийся позади, потрясал поднятой вверх саблей.

Стоя на одном колене, Никита приложил приклад к плечу. Подражая ему, Иван тоже поднял ружьё. Тяжёлый ствол плясал в руках юноши, приклад давил в плечо и смуглые татарские физиономии расплывались перед глазами.

Казаки кругом нацелили в крымчаков лес пищалей, лучники натянули туже тетивы луков. Славко, покусывая ус, пристально наблюдал за противником.

Ствол ружья Никиты прыгнул вверх, выплюнув сноп пламени. Мурза выронил саблю и упал на гриву лошади. Его вороной конь метнулся в сторону, унося на себе мёртвого всад-

ника. Линия атакующей конницы сбилась, потеряв темп движения. Нукеры оглядывались назад и сдерживали поводьями лошадей. Торжествующий рёв запорожцев взлетел над площадью. Казаки махали саблями и крыли противника матом и насмешками. Несколько пищальников из передней шеренги выстрелили по ближайшим крымчакам, выбив их из седел. Иван тоже, взяв на мушку плотного морщинистого нукера, нажал на спуск. Пищаль пребольно отдала в плечо, едва не вылетев из рук, грохот заложил уши. В клубках дыма мелькнул морщинистый татарин. Пригнувшись, он развернул коня. За ним и другие нукеры бросились прочь от строя казаков.

Вскоре площадь опустела, не считая груды раненых и убитых людей и лошадей.

– Что брат, промазал? В первый раз стрелял из пищали? Ничего – первый блин всегда комом! – весело подмигнув юноше, Никита, прочищая шомполом ствол своего ружья.

Иван расстроено вздохнул и потёр ноющее от отдачи приклада плечо. Настроение у него было подавленное. Первый, первый в жизни настоящий бой! И что? Не смог убить не одного басурмана, мало того – сам чуть без головы не остался. Слава Господу, Никитка выручил! Ну что он за казак, сечевик...

Понурился, Иван устало присел на ещё тёплый труп татарской лошади. Грохот боя сменился над площадью на жалобные стоны раненых и хрип умирающих коней. Голуби стайками бродили спереди трупов, поклёвывая застывающие лужи крови.

Глава 20

Казачьи, довольные выигранным сражением, весело галдели, протирали оружие и переязывали раненных. Пожилой запорожец сидел на куче трупов, держа в руках отрубленную голову молодого казака:

– Эх, сынку, сынку... ну чего так рано душа покинула тебя? Чего я живой... – крупные слёзы катились по суровому лицу старого сечевики.

– Эти поганые, что доли драпа, из городской стражи, верно? – хмуро спросил Славко, наблюдая за плачущим запорожцем.

Иван согласно кивнул.

– Татары наверняка уже послали в Бахчисарай гонцов. Ближайшие к Кафе гарнизоны крымчаков находятся в Ахтиаре и Ак-мечети. Пока туда доберутся гонцы, пока соберётся орда, пройдёт, по крайней мере, пол дня... за это время добре почистим град сей! – куренной атаман ухмыльнулся.

Крики и плач заглушили последние слова атамана. Десятки изнурённых людей в ломотях выходили из ворот тюрьмы. Они обнимали казаков, покрывали поцелуями их одежду и оружие. Некоторых, совершенно измождённых, со следами кандалов на руках и ногах, сердюки выводили из ворот под руки, отворачивая в стороны головы, стыдясь наворачивающихся на глаза слёз. Среди этих последних было и немало запорожцев, взятых татарами в плен. Сечевики, узнавая старых товарищей, обнимали их и рыдали на взрыт...

Иван смотрел на светящиеся счастьем лица освобождённых людей и тоже с трудом сдерживал слёзы. Им повезло, кончилось их рабское существование! Не видать им больше невольничьих рынков и земель чуждых!

Славко распорядился отправить всех христиан вместе с ранеными запорожцами в порт, к чайкам:

– А кто желает, можете потрясти лавки басурман заразом с хлопцами!

Сечевики загоготав, кинулись к караван-сараям и амбарам мусульманских купцов, окружавших площадь. Затрещали разбитые двери, содержимое здоровенных ларей и тюков безжалостно выбрасывалась на улицу. Дорогие индийские и персидские ткани горами валялись на земле, казаки и бывшие рабы копались в них, выбирая себе что по нраву. Там же светился обозный Задрыга, руководивший погрузкой самого ценного товара в телеге.

Какой-то поросычий визг прорезал воздух, заставив Ивана оглянуться. Двое сечевиков тащили пожилого турка, покалывая его остриями сабель. Турок жалобно стонал и выпускал отчаянные вопли. Махмуд Боргази! Богатый ювелир и один из друзей покойного Саида-Нуры. Иван его хорошо знал благодаря визитам купца в дом судьи и частым посещениям его лавки Гульнар-ханум.

– Пан куренной, сия жирная свинья утверждает, что отдала вже все. Врёт, скотина! Нутром чую, что заховал немало добра, а не признаётся! Дозволь поджарить басурмана, а? – высокий запорожец взмахнул над головой турка саблей.

– Делай, что хочешь, Грицько, только скоріше. – Славко смерил купца презрительным взглядом и отвернулся.

– Хлопцы, давай сюда фитили живо! – заорал Грицько, обращаясь к пищальникам. – жарить пса поганого будем!

Один из стрелков протянул ему дымящийся фитиль. Пинком сбив хныкавшего Махмуда на землю, казак ловким движением сабли распорол сверху и донизу ему халат. Жирное рыхлое тело турка забелело при свете дня. Под весёлый хохот и шутки запорожцев Грицько засунул горящий фитиль в задний проход старого ювелира. И ещё два фитиля затрещали у него между

пальцами на ногах. Хныканье Махмуда переросло в визг. Слёзы текли по дряблым щекам купца, широко раскрытым беззубым ртом хватал он пыльный воздух.

– Где сховав гроши?! Говори, падло, покудова к яйцам фитиль не приставил! – свирепо орал Грицько, пиная Махмуда в бок.

Иван с тяжёлым сердцем отвернулся от этого противного зрелища. Старый Махмуд был вроде не плохой человек и к нему относился ласково. Хотя... хотя он всегда оставался для купца лишь одним из многих недочеловеков – рабов! И своего старого слугу литовца Каускаса тоже за ненадобностью отправил на гору Ак-хая...

– Что джура, жалко стало сего басурмана?! Славко бросил на юношу пытливый взгляд, вертя в руках дорогую арабскую саблю, снятую с убитого мурзы.

Иван неопределённо пожал плечами.

– Ничего брат, привыкай! Они наших людей не жалеют, сам знаешь. Так что пускай получают сполна за всё зло, ими сотворённое! Око за око, зуб за зуб! – атаман с лязгом бросил саблю в богато украшенные ножны. – и не стесняйся брать добра ихнего. С земель наших они нагнали более. И товариство низовое живёт за счёт добычи воинской! Нам короли с царями грошей не платят! – Славко дружески похлопал парня по плечу.

Но Иван не имел ни малейшего желания рыться в чужих сундуках, хотя и признавал правоту слов куренного атамана. Направившись к груде убитых татарских конников, он бродил среди трупов, надеясь отыскать что-то стоящее из оружия. Это было маловероятно – простые нукеры богатством не отличались, тем более, что сечевики, кто пошустрее, уже основательно похозяйничали здесь.

Стараясь поменьше топтаться в лужах крови, Иван прошёлся среди убитых. Мертвецы с открытыми и закрытыми глазами в скрюченных позах лежали вокруг. Пробитые насквозь копьями тела, рассечённые пополам головы, вывалившиеся из распоротых животов внутренности. Глядя на всё это царство смерти, Иван вдруг вспомнил Ак-хаю, невольников сбрасываемых в пропасть. Вспомнил разорённое татарами своё село, трупы женщин и детей вокруг. Око за око, зуб за зуб...

Юноша застыл на месте, глядя на лежавшего ничком крымчака. Тот самый молодой нукер, что чуть не убил его! Правая рука воина всё ещё сжимала рукоять сабли. Присев, Иван с трудом разжал холодные мёртвые пальцы и осторожно взял оружие. Лёгкая, небольшой кривизны сабля без гарды сразу понравилась ему. Согнутый пополам клинок с силой распрямился, упруго вибрируя. Признак хорошей стали! – Иван удовлетворённо поцокал языком. Уже не колеблясь, снял с татарина ножны, покрытые серебряной насечкой и красивый – кавказской работы, кожаный пояс.

– Эй, джура! Ходи сюда, цюцюрку попарим! – весёлые голоса за спиной заставили юношу вздрогнуть..... С гогомом сечевиков. Рядом со стонущем Махмудом Боргази стояла плачущая толпа женщин. Казаки бесцеремонно вертели их в разные стороны и разглядывали лица. Отобрав самых красивых и молодых, тут же валили на землю и насиловали.

– У сего толстобрюхого целых двенадцать баб, охринеть можно – Грицько добавил забористое ругательство, снимая шаровары.

Поставив на колени худенькую юную татарку, он ловко задрал ей платье и пристроился сзади. Девушка стонала и пыталась отстраниться, но Грицько злобно хлопнул её по шее и, обхватив маленькие смуглые бёдра, с силой вошёл в неё. Девушка отчаянно закричала... Рядом здоровенный сердюк, совершенно голый, насиловал молодую жену ювелира – гордую красавицу Хадичу-ханум, подругу Гульнары. Закинув обе её ноги себе на плечи, сердюк усиленно работал тазом. Пыхтя и отдуваясь, Хадича-ханум безвольно стонала под ним, длинные чёрные косы женщины далеко разметались по пыльной земле...

Толпа сечевиков собралась вокруг, ожидая своей очереди. Солёные шуточки и «мудрые» советы градом сыпались на усердно старавшихся счастливых. Иван мысленно возблагодарил Бога, что надоумил его спасти Гульнару-ханум. Она хоть и басурманка, но всё же...

Юноша брезгливо обошёл весёлую толпу, отказавшись от предложений «попарить цюц-юрку». Куренной атаман Ярослав Свирговский – «Славко» и несколько старых казаков сидели у вожов, наполненных разного рода добычей.

– Пошто, казаче, не пожелал харить девок бесерменских? – прищурившись, спросил у Ивана обозный Задрыга. – Не стоит, что ль?

– А чего ему насильно брать сих баб поганских? Хлоп гарный. Дома девки, чай, наперегонки сами давать будут! – вступился за смутившегося парня бунчужный Кулага.

Казаки рассмеялись, меряя Ивана любопытными взглядами. Тот покраснел и, потоптавшись, присел в сторонке.

– Эй, хлопче, не меньжуйся и поди сюда, не съедим авось! – Задрыга указал на место рядом с собой. Иван, довольный вниманием, оказанным ему старым сечевиком, уселся на груду персидских ковров, нагромождённых на землю.

– Ефимыч, всех тяжко пораненных отправил в порт? Сколько их точно? – осведомился у обозного Славко, протирая тщательно тряпкой свою сверкающую золотом и драгоценными камнями саблю.

– Усех, атаман, усех. Восемьдесят четыре хлопча покалечены весьма. – Задрыга в сердцах хлопнул себя по колену. – Данила Горбатый без правой руки остался! Такой казак был, лучший рубака на Сечи!

– Да, жалко его. Но ничего, деньжат у него сховано немало. И кош долю выделит, как и другим пораненным. Будет теперь жить-поживать в своём Пирятине, с казнобой поженится, детишек, казаков новых народит...

– Ежели бы так, Ярослав! Скорше будет гроши в шинках пропивать, как большинство сечевиков калечных. – Бунчужный Кулага мрачно покачал головой. – Казаку без Сечи не жизнь, сам то ведаешь...

– И то верно, Гриша. Всего убитых в курене двести сорок? Много! Здорово нас пожучили басурмане! – Славко зло матюкнулся. – Сколько твоих сердюков полегло?

– Пятьдесят два, Славко. Но и мои хлопцы положили не меньше трёх сотен турок с татарами, точно не считали... – Кулага выпустил огромный клуб вонючего дыма из красивой турецкой трубки.

– Всё одно много! Копейщики и пищальники те ж большие потери имеют. Курень теперича наполовину наполнять надо! А с кого? С тех селюков малюх не обученных? – атаман вновь выругался и некоторое время угрюмо наблюдал за веселящимися на площади запорожцами.

Казаки, попыхивая трубками, тоже хранили молчание, греясь расслабленно под тёплыми солнечными лучами.

Затем Славко обратил внимание на Ивана:

– А ну джура, чего ты там добыл? Дай поглядеть!

– Не давай ему Ваня, сабельки! Атаман наш от них без ума и ежели приметит стоящий клинок, то заберёт и глазом не моргнёт! – насмешливо бросил Кулага.

– Ладно тебе, не пужай парня. – Славко взял саблю и внимательно её оглядел. – Гляди, хлопцы, что надыбал наш новый казаче! Это же базалай, кавказской работы – Славко быстро согнул клинок в кольцо так, что мгновение острие сабли и её рукоять касались друг друга.

У Ивана сердце ушло в пятки. Вот сейчас хрустнет железо пополам и прощай его только только приобретённое оружие... но клинок, мигом распрямившись, весело заплясал в воздухе.

– Да, настоящий базалай! Добрый черкесский мастер делал! – восхищённо произнёс куренной атаман, рассекая саблей воздух. – На Кавказе подобные сабли горцы называют шашками. Видишь, острие закругленно и гарды нет, токмо плеть ременная с ручки висит, так удоб-

нее воину в конной сече действовать. На хлопче, держи, добрым оружием владеешь! У тебя вроде и кинжал был? Дай поглядеть!

Кинжал тоже вызвал восторг у казаков. Сечевики передавали его друг другу, внимательно разглядывая.

– Тоже добрый клинок и весьма дорогой работы! Где взял? У какого-то турецкого паши спёр? Славко ухмыльнулся. – Ладно, сие не важно. Кинжал индийский хорошо, но сечевик без сабли – не что! Теперича ты, джура Иван, при полном гоноре, панское оружие маешь, ну шляхтич ясно вельможный прямо!

Казаки рассмеялись, чем окончательно смутили юношу. Покрасневший Иван сгорбился на коврах, рассматривая свою саблю. Смех смехом, но ведь действительно – он никогда и не мечтал владеть таким оружием.

– Верно, что ты пробрался в фортецию и вместе с Резуном заклёпывал пушки? – вновь обратился к юноше Славко.

Иван кивнул.

Казаки забросали его вопросами. Стараясь не смотреть на обнажённых татарок, терзаемых сечевиками, он коротко рассказал о событиях прошедшей ночи. Старые запорожцы внимательно слушали его, покачивая бритыми головами.

– Да, жалко хлопцев Данилы, особливо Летяги! Задумчиво протянул Кулага, набивая чубук люльки. – И ты молодец казаче, герой прямо...

Остальные казаки, пыхтя трубками, глядели на парня с уважением.

Иван опустил голову. Вот к чему, а к похвалам, да ещё от столь серьёзных людей, как старые запорожцы, он не привык. Сечевики, как правило, слов на ветер не бросают, и их доброе слово дорогого стоит...

Славко вложил саблю в ножны и нехотя поднялся:

– Хорош хлопцы зады греть! Собираться и в порт, живо! Чует моя душа, что уходить надо...

Хорунжие, крихтя, повставали и направились к своим сотням. Гулко ухнув большой турецкий барабан-тамбур, призывая сечевиков к сбору. Оживление началось на площади. Застёгивая завязки шаровар, казаки нехотя покидали плачущих женщин. Щёлкнули кнуты и татарские повозки, гружённые добычей, медленно покатались в порт. Сечевики, шедшие в бой, согласно казачьим обычаям в самой простой одежде – можно сказать в тряпье, теперь преобразились. Свёрнутые в трубку ковры, тюки дорогих тканей, богатые татарские и турецкие халаты – каждый казак был увешан добычей с ног до головы. Хохот, весёлые шутки сопровождали победное шествие полтавцев к гавани.

Радостного настроения запорожцев не омрачала даже то, что почти все они были ранены, что погибло почти половина куреня и что многие их товарищи остались на всю жизнь калеками. Смерть была неизбежным спутником жизни казака и запорожцы её приход воспринимали спокойно. Главное – дали они доброго чёса проклятым басурманам и взяли изрядную добычу! Ради сего стоило рисковать головой молодецкой...

Глава 21

Дальше в городе картины грабежа и насилий повторялись, как и на центральной площади. Казаки других куреней врываются в дома, взламывали лавки купцов и ремесленников, выметая всё подчистую. Татарки, турчанки и вообще все мусульманские женщины, кроме древних старух, подвергались массовому изнасилованию. Стоны, крики и вопли стояли над поверженным городом. Сечевики безжалостно убивали хозяев – тех, кто-либо вздумал сопротивляться, либо просто не понравился. Десятки зарубленных трупов гаражан встречались казакам Славки на пути их следования в порт.

– Свиристуют хлопцы, душу отводят. – Вздохнул обозный Задрыга, переступая через очередное посечённое саблями тело в татарском халате, валявшееся на дороге. – Но уразуметь их можно! Сколь басурмане крови на наших землях пролили, один Господь ведаёт...

Иван, шагая рядом с ним, мрачно посматривал по сторонам. Перед взором юноши вставали страшные картины пути в Крым, зарубленные полонённые люди по обочинам Чёрного шляха. Око за око, зуб за зуб...

Дикий вопль, раздавшийся из ближайшего дома, заставил вздрогнуть даже видавших виды старых сечевиков. Через распахнутые ворота выкатились под ноги казака две маленькие детские головки. Следом, волоча за волосы визжащую девушку в разорванном платье, появился кряжистый смуглый казак. Швырнув юную татарку лицом в пыль, казак оскалившись, взмахнул саблей. Голова мигом слетела с узких плеч девушки, кровь брызнула фонтаном...

Поражённый, Иван с ужасом уставился на сечевика. Кажется, всего уже насмотрелся, ко всему привык! Но это...

Растрёпанная женщина рыдая, выскочила на улицу и упала на колени над срубленными детскими головами. Рвя на себе волосы, она воя сидела на земле, качаясь из стороны в стороны. Кряжистый казак, опустив окровавленную саблю, смотрел на неё некоторое время мутными глазами. Затем шагнул вперёд. Пронзённая насквозь, женщина повалилась на землю, протянув руки к головкам сыновей...

– Лютый, совсем озверел? Чего детишек и баб порешил, нелюдь?! – Славко зло матюкнулся.

– А ты не лезь ко мне, куренной! – прохрипел казак, вытирая ладонью потное лицо. – Я сих гадов басурманских вбивал и вбивать буду! Всех под корень! – сечевик, покачиваясь, как от кухоля доброго вина, направился вниз по улице.

Запорожцы, потеряв былое веселье, осторожно обходили головы на дороге. Идущая во главе куреня старшина тихо обсуждала между собой, что Лютый совсем обезумел и надо выносить его на казачий круг.

– Жалко! Добрый казак страха не ведаёт! Но вот... – бунчужный Кулага в сердцах сплюнул.

Гружёная арба перегородила путь. Казаки копались в ней, отбрасывая ненужные им вещи на дорогу. «Ненужными вещами» были в основном книги, составлявшие половину груза арбы. Сухощавый смуглый старик в окровавленном бурнусе лежал ничком у колёс повозки.

Мансур-Аль-Рашид! Писец коменданта крепости, знаменитый в Кафе книгочтей, человек образованнейший! Иван с жалостью смотрел на мёртвого араба. Полтавцы ругаясь, потребовали освободить дорогу. Казаки облепили арбу, топчя и давя разбросанные книги.

Иван бросился вперёд и стал их подбирать. Быстро просмотрев книги, отбросил некоторые обратно. Насобирав целую стопу тяжёлых, в толстых кожаных переплётах фолиантов, свалил их грудой на повозку.

– Джура, для чего тебе это барахло? Грамоту разумеешь, что ль? – Славко удивлённо уставился на юношу.

– Разумею, пан куренной атаман. – Коротко ответил Иван, стараясь не обращать внимания на насмешливые ухмылки казаков.

– Ну-ну, так ты ещё и грамотей, хлопче! – протянул Славко. – Будешь тогда у меня писарем куренным! А то хлопцы все больше селюки безграмотные и письменные дела в курене вести некому...

Вспыхнув, Иван хотел было резко возразить атаману, что он сечевиком хочет стать, а не писарем. Но, наткнувшись на суровый взгляд Свирговского, юноша не посмел ему возразить.

В порту царило столпотворение. Десятки возов, доверху гружённые добычей, стояли на причалах. Казаки и толпы бывших рабов возились там, переправляя содержимое повозок в чайки. Людской гвалт и шум заглушал даже рёв пушек из крепости.

У большого венецианского корабля, вновь пришвартованного к причалу, толпились запорожцы. Гетман Самойло Кошка, помахивая булавой, стоял перед пленным пожилым итальянцем. Несколько в стороне сидели на земле около сотни женщин и детей в рваных русских одеждах. Казаки уже надавали им разных дорогих тканей. И всякой еды. Женщины – все молодые и красивые, кутали плечи и головы атласными персидскими шальями и пересмеивались с сечевиками. Дети – мальчишки, примерно одного возраста, лет пяти-шести, дружно наминали сласти, сжимая в ручонках золотые и серебряные украшения, подаренные им казаками в качестве игрушек.

Заметив приближавшихся полтавцев, гетман приказал старшине куреня подойти к нему. Отправив обозного с добычей к своим чайкам, Славко, бунчужный Кулага, хорунжие и сотники присоединились к гетману. Здесь уже находились другие куренные атамань со старшиной. Иван и большая часть полтавцев стали в сторонке, с любопытством наблюдая за событиями.

– Вовремя появился, пан Ярослав! – Самойло Кошка ткнул булавой в стоявшего напротив венецианца в богатой одежде. – Дело занятное зараз решать будемо...

– Чего решать, Кошка! Головы снять с папистов сраных. На колья их всех, на свечи! – дружный рёв окружающих сечевиков взмыл над причалом.

Гетман поднял голову вверх. Крики запорожцев понемногу затихли.

– Тихо, шановне панство! Решать всё будемо по чести и справедливости! – гетман повернулся к знатному венецианцу:

– Так что ты можешь сказать славному войску низовому запорожскому? Говори!

Итальянец бледный, но державшийся с достоинством, надменно глядел на толпившуюся перед ним орду сечевиков. Около сотни матросов и солдат стояли позади него, почти все раненные, в изорванных одеждах, в побитых панцырях и шлемах.

– Я есть полномочный посланник Венецианской республики, дон Горацио Беллани! От имени великого герцога Венеции, заявляю вам, казаки запорожские, что нападение ваше на правительственный корабль «Золотой лев» и другие коммерческие корабли республики есть самое злонамеренное пиратство и разбой! – посол говорил по-польски довольно правильно, четко выговаривая слова, – ваши деяния есть преступление перед законами божескими и человеческими. Мое правительство будет жаловаться вашему королю на беззакония, творимые вами!

Гетман, склонив голову внимательно слушал венецианца. Затем обратился к соявшей позади него старшине:

– Ну, Панове атамане, все уразумели, что изрек сей гость заморский?

Старые казаки наперебой подтвердили, что слова посла поняли отлично. Самойло Кошка обернулся к венецианцу и неожиданно гаркнул во всю глотку

– Да я хрен ложил на польского короля и на всю ясновельможную шляхту разом!

После секундного молчания гомерический хохот казаков сотряс воздух. Свист и издевки градом посыпались на головы итальянцев.

– Войско низовое никому не подчиняется и никому ласку не строит, – гремел над причалом голос гетмана, – вы что же, торгоши венецианские, не знаете, что мы ведем постоянную войну с турками и татарами, разоряющими земли наши? И всех, кто торгует с басурманами жучив в хвост и гриву! Поганские суда обчищаем полностью, с ваших забираем четверть добра, что маете! И сие есть справедливо! – гетман потряс над головой булавой, – вы же сами, скряги, сколько войн вели с османами! Множество людей ваших томятся на турецких галерах, к веслам прикованные! Столько народа из стран западных сгнуло на рудниках африканских! А вы якшаетесь с басурманами, привозите им товары разные и нас, казаков, вбиваете!

– Я сожалею, сеньор, что мои солдаты причинили большие потери людям вашим. Но поймите – мы защищались от нападения вражьего! Что касается дел коммерческих, то нет сейчас войны между Великой Портой и Венецией. А торговля должна идти, это...

– Чего?! Он еще извиняется, га?! – рявкнул Самойло, перебив рассудительную речь посла, – мои хлопцы не в обиде, что защищаясь твои люди постреляли многих их товарищей. Смерть в бою – есть достойный венец его жизни! Так лучше, чем от старческих болезней, либо от горилки в шинке! Верно говорю товариство?

Куренные атаманы утвердительно кивнули чубатыми головами. Запорожцы вокруг тоже зашумели, что обиды за погибших Братчиков на фрягов не держат, что дрались те славно...

– Вот видишь, пан посол – хлопцы мои есть ребята не злопамятные и каменюки запазухой не носят! – произнес гетман тихим, почти елеиным голосом, – и ты, уважаемый, весьма гладко говаривал о торговле, мирных договорах, заслушаться можно! – елей в голосе Самойло Кошки пропал. Его холодный взгляд уперся в темные глаза пожилого венецианца:

– С каких пор негоцианты вашей республики стали торговать православными рабами?

Посол снова побледнел. Его седая острая борода дрогнула:

– В Европе нет рабства, вы же знаете. Это просто досадное недоразумение...

– Чего?! Недоразумение?! в трюме вашего христианского корабля, да еще правительственного, находились семьдесят молодых дивчат, уведенных татарами из земель московских! И три десятка хлопчиков, мальцов! Как сие можно объяснить?!

– Падлы они! Католики поганые! Сечь их, сечь в капусту, всех порешить! – взорвались ревом запорожцы. Сотни сабель взметнулись в воздух, горящие ненавистью глаза сечевиков прожигали насквозь итальянцев.

Те, ежась и втягивая головы в плечи, сомкнулись в тесную группу, бросая испуганные взгляды на разъяренных казаков. Четверо офицеров, стоявших позади посла, стояли гордо выпрямившись, пытаясь не выдать страха.

– Заверяю вас, сеньор атаман славных казаков запорожских, что погрузили их на борт «Льва» без моего ведома! – дон Горацио Беллини старался говорить также четко и уверенно, как и раньше, но голос его предательски дрожал, – это есть прямая вина капитана корабля сеньора Маргинелли! Клянус пречистой девой Марией, я ничего не ведал!

Тонкая усмешка мелькнула на губах гетмана:

– Не ведал, говоришь? Ладно! Где сей капитан?

– На том свете черти ему уже смолу расплавленную в зад заливают, батько! Никитка ему балду насквозь прострелил. – Выступил вперед бунчужный Покотила и мрачно ухмыльнулся.

– Так! Капитан, значит, убит. Ты уважаемый, ничего не ведаешь! А с мёртвого какой спрос, так? – тяжёлый взгляд гетмана уперся в венецианца.

Посол опустил глаза. Желваки играли на его сухих морщинистых щеках. После секундного молчания он обернулся к группе офицеров за своей спиной и что-то быстро сказал по-итальянски. Грузный венецианец выступил вперед, сжимая в руках побитый ребристый шлем.

– Это старший помощник капитана сеньор Николо Лоци. Он отвечает за погрузку корабля, и обязан был знать, что находится в его трюмах! – посол бросил хмурый взгляд на грузного итальянца.

– Ну вот, панове, вже и крайний нашёлся! И так скоро! – гетман криво ухмыльнулся, оглядываясь на старшину.

Старые казаки переглянувшись, смеряли венецианского посла презрительным взглядом. Помощник капитана, слегка запинаясь, стал долго говорить по-итальянски, просительно поглядывая на предводителя казаков.

– Сеньор Лоци говорит, что капитан приказал ему организовать погрузку рабов на корабль в моё отсутствие как попутный груз до Стамбула. – Перевёл речь моряка посол. – Он был против этого, но капитан приказал, он не мог послушаться.

– Всё, хватит! Всё с вами ясно, торгаши венецианские! – Самойло Кошка обвёл итальянцев тяжёлым взглядом. – Совсем совесть потеряли, паписты хреновы! За гроши готовы не токмо веру свою, но и мать родную продать! Попутный груз! Вы же христиане! Хоть католики поганые, схизматики, но христиане!

Тишина нависла над причалом, вослед за последними словами гетмана. Казаки мрачно глядели на венецианцев, храня молчание.

Даже турки с крепости прекратили палить из пушек, заинтересовавшись происходящим у корабля. Множество их столпилось на стенах и башнях, глядя на причал. Венецианские матросы и солдаты с ужасом посматривали на сечевиков, многие крестились и шептали молитвы. Посол и офицеры стояли бледные, пытаясь сохранить достоинство.

После затянувшейся паузы гетман нарушил молчание:

– Так! Хлопцы желают всех вас отправить чертям на сковородки, но я полагаю, что сие не есть справедливо. Вы всё же христиане, как мы, хотя хреновые! – Самойло Кошка усмехнулся.

Атаманы за ним одобрительно качнули головами.

– Всё оружие и товар с сего «Льва» дранного вже забрали? Добре! – миновав посла, гетман не спеша подошёл к офицерам.

Те, вытягиваясь при его приближении, с бледных стали землисто-серыми. Пристально наблюдая за венецианцами, Иван предположил, что именно так должны выглядеть люди, воочию видящие приближающуюся смерть...

Остановившись перед самым молодым из офицеров, гетман велел ему выйти вперёд.

– Довести корабль до своей Венеции сумеешь?

Посол перевёл вопрос казака. Офицер, которому было на вид не более двадцати лет, утвердительно кивнул, напряжённо глядя поверх головы гетмана.

– Добре. Так вот, пан ясновельможный посол! – атаман вновь повернулся к знатному венецианцу. – Сей молокосос повезёт вас до дому. Хватит ему и четверти команды! Так! Всех начальных людей фряжских, кроме сего – Гетман ткнул булавой в сторону молодого итальянца. – И каждого третьего из команды повесить на реях их корабля! И чтоб висельников не снимать, покуда не скроется из виду земля Крыма!

Дружный одобрительный рёв запорожцев заглушил последние слова гетмана. Сабли сверкнули в воздухе, проклятие и угрозы посыпались на головы итальянцев. Офицеры и матросы повалились на колени, читая молитвы. Молодой офицер и бледный посол стояли ни живые, ни мёртвые в кольце разъярённых сечевиков.

– Давай хлопцы, окажем честь сим торговцам «живым товаром» – атаман поднял булаву вверх.

Казаки скопом кинулись на венецианцев, пинками сбивая их на землю и волокли за шиворот на корабль. Другие запорожцы полезли по вантам на мачты, держа верёвки. И скоро десятки трупов заколыхались на концах длинный рей «Золотого Льва». Грузный помощник

капитана висел, вывалив посиневший язык, на красивом фонаре корабля, украшавшем его корму.

– Вот так, пан посол! Передашь своим венецианцам, что казаки запорожские так наказывают тех, кто на торговле душами людскими себе барыши делает! Уразумел? – Самойло Кошка сурово взглянул на пожилого венецианца.

Тот, понутив голову, хранил гробовое молчание. Молодой офицер, смертельно бледный на нетвёрдо ступающих ногах направился к оставшейся в живых кучке своих матросов. Венецианцы мигом бросились на корабль, явно пытались быстрее отдать швартовы и скорее покинуть берег и страшных казаков...

Глава 22

– Девочек и детишек посадить на чайки и глядеть мне! – гетман грозно уставился на куренных атаманов – Ежели кто из хлопцев хоть пальцем тронет дивчину, то голова с плеч! Уразумели?

– Уразумели Сёма, уразумели! Не беспокойсь, хлопцам добро ведомы законы Сечи! – прохрипел молодой запорожец, спрыгивая с лошади на причал.

– И галеры появились в море, с берега паруса видели! – доложил другой дозорный.

Гонцы прибывали один за другим, докладывая о походе больших сил противника.

– Ясно! – гетман помолчал, взглянул на чистейшее небо над головой. – Ну, хлопцы, ходим! Все добро, что не успели загрузить в байдаки – сжечь или бросить в море. Полоненных басурман порешить всех! Город в огонь! Все!

Последнюю команду выполнять особой нужды не было; кругом чадили костры из турецких кораблей в гавани, горели склады, лавки и дома богатеев Кафы. Пламя быстро перекидывалось с крыши на крышу, и столбы чёрного дыма уже затмевали поверженный город.

Груженные до краёв чайки одна за другой *от причалов*. Оставшуюся добычу казаки безжалостно спихивали вместе с возами в воду, либо жгли на берегу.

Иван последним сел в одну из чаек полтавцев. Встав на её корме, он смотрел на удаляющийся город. Горящие корабли у причалов, перевёрнутые вверх колёсами арбы, убитые и лошади. И целый холм на берегу окровавленных трупов горожан Кафы. Купцы, судьи, мусульманские священники-муллемы, знатные татарские мурзы. Все те, кто не успел вовремя скрыться из города...

Раздув огромные полотнища парусов, «Золотой Лев» уходил в море, обгоняя казацкие лодки. Повешенные моряки, как ёлочные игрушки, болтались на его реях. На корме одиноко маячил молодой офицер, отдавая приказания своей малочисленной команде.

Несмотря на висельников, портящих внешний вид корабля, Иван залюбовался им. Красив, красив, ничего не скажешь! И грозен – вон сколько усилий стоило взять его сечевикам. Нестоящий царь морей!

С бастиона громыхнула пушка, пустив в небо клубы дыма. Турки что-то орали оттуда плывущим на чайках казакам. Запорожские лодки скопом уходили от берега и заняли всю акваторию гавани. Крайним чайкам, в основном из куреня полтавцев, пришлось идти почти рядом со стенами бастиона, невзирая на угрозу обстрела. Но турки больше не стреляли. Пристав, сечевики внимательно вглядывались в крепость, пытаясь догадаться, что замышляют басурмане.

Человек, покрытый кровью, в изодранной одежде появился на самом конце бастиона. Двое турецких воинов поддерживали его под руки. Подняв изуродованное лицо, он взглянул на плывущие внизу чайки.

– Летяга! Да это же наш Богдан-Летяга, живой! – зашумели казаки на лодках, опустив вёсла.

Повскакивав на борту, они отчаянно махали руками человеку на бастионе. Искалеченный пытками пластун с трудом поднял руку, приветствуя товарищей. Слабая улыбка тронула его разбитые губы.

Тоже вскочив, Иван с замиранием сердца смотрел на бастион. Это был тот самый Летяга, он должен был пробраться в фортецию! И он почти сутки держался под пытками...

Турок в огромной чалме и сверкающих доспехах поднял над головой саблю. Воины, державшие казака бросили его на колени возле пушки. Ещё несколько турок сгрудились там, творя что-то с пластуном. Армада запорожских лодок застыла в гавани Кафы. Сечевики, побросав вёсла, напряжённо глядели на бастион, пытаясь понять, что там происходит. Юсуф-паша

потряс саблей. Длинный ствол тяжёлого орудия выдвинулся за стену. И на нём, прикрученный верёвками к дульной части пушки, висел изувеченный пластун. Казак, выгнувшись дугой, шептал что-то, глядя на чайки товарищей.

Жалобный стон вырвался из сотен запорожских глоток. Сечевики крестились, читали молитвы. Многие, закрыв лица ладонями, плакали.

Паша резко опустил саблю вниз. Турецкий пушкарь поднёс фитиль к затравочному отверстию. Грохнул выстрел. В клубах дыма орудие откатилось назад, а куски тела Богдана-Летяги далеко разлетелись над запорожскими лодками...

Страшный рёв пронёсся над волнами. Потрясая саблями, казаки посылали проклятия туркам и призывали громы и молнии на их головы. Несколько старых друзей пластуна рыдали навзрыд.

– Ничего хлопцы, ничего... сие есть добрая смерть! На миру погиб казак, как герой, как рыцарь! Душа его уже в раю... – бунчужный Данила Резун перекрестился. Крупные слёзы текли по суровому лицу старого казака...

Переведя дыхание, Иван осенил себя крестным знаменем. Потом отвёл глаза от крепости и снова взглянул на берег. Горящая Кафа оставалась позади. И позади оставалась часть его жизни, проведённая здесь. Позади оставалась Гульнара-ханум.

Волна ударила через низко сидевший в воде борт, окатив парня с ног до головы. Под весёлый гогот казаков юноша присел на вьюки с добычей.

А город всё удалялся и удалялся. Скоро только огромные столбы чёрного дыма указывали его месторасположение. Свежий ветер открытого моря колыхал на волнах казацкие чайки, уходившие в даль.

Часть вторая

Глава 23

Сечь гуляла. Весь Кош представлял собой повальную попойку. Согласно старой традиции, вернувшиеся с добычей запорожцы, веселились сами и щедро угощали своих не участвовавших в набеге товарищей.

Согласно той же традиции всё захваченное у басурман добро делилось поровну между всеми казаками – теми, кто охранял Сечь, кто ловили для товариства рыбу или занимались охотой в окружающих степях. Четверть всей добычи обязательно шла на пожертвование церквям и монастырям на Украине. Часть – в войсковую скарбницу, на закупку пороха, свинца и других воинских запасов для войска. И только добытое в бою оружие являлось личной собственностью казака.

После принародного дележа добычи на обширной площади между куренями начиналась гульба. С полудня сечевики собирались в корчмы и шинки на Запорожском базаре. Наступало золотое время для их содержателей – в основном польских евреев, армян, греков. Торговцы снимали сейчас жирный куш! Простодушные казаки до полуночи, а часто и всю ночь гуляли во всю, спуская завоёванную своей кровью добычу.

Вообще возвращение запорожцев с удачного похода всегда было раем для людей торговых. С весны и до осенних холодов на Базавлуке кишмя кишели купцы из разных стран: Польши, Литвы, Московского государства. Они поставляли необходимые казакам товары – оружие, порох, соль, хлеб, одежду. И взамен на рынке Москвы, Львова, Кракова и дальше на запад уходили ювелирные изделия персидских мастеров, индийские ткани, афганские ковры, турецкое и арабское оружие. Османская империя перекрыла древние торговые потоки из Азии в Европу. И Сечь была своего рода перевалочной базой из Востока на Запад.

Но жизнь торговцев на Сечи тоже была не из лёгких. Поскольку большинство из них были евреи, им и больше доставалось. Запорожцы, скованные в боевом походе железной дисциплиной, в мирных условиях у себя дома, за днепровскими порогами, жили вольно. Атаманов слушали не особо и гуляли от души. И часто крушили лавки «проклятых жидив и хриstopродавцев». Не одно иссечённое саблями тело еврейского торговца унесли дальше в море воды седого Днепра... Но полностью искоренять «жидов» на Сечи было никому не выгодно, и самим казакам прежде всего.

Кош постоянно нуждался в подпитке разнообразными товарами, выпивкой. А доставить всё это в такую даль могли в основном ушлые еврейские торговцы. И они, невзирая на большой риск и частую угрозу смерти, постоянно наезжали на Сечь. Слишком сильным было притяжение золота, доход, который можно было получить здесь...

Иван проснулся около полудня с тяжёлой головой си страшной тошнотой. Вчера, поддавшись уговорам своих новых товарищей-пластунов, он тоже гулял с ними в шинке Юзика Лифаря. И сейчас клял себя на чём свет стоит! Мутило жутко, буквально выворачивая наизнанку, руки и ноги дрожали и не слушались...

С трудом, выйдя из куреня, Иван стоял некоторое время, держась за стены и ничего не соображая. Внутри куреня ещё спали сечевики, тошнотворный запах сивухи и перегара наполнял воздух. С десяток молодцов, у коих не хватило мочи добраться под утро до постелей, лежали в живописных позах перед куренем. Далеко по окрестностям разносился их дружный храп. Такие же картины наблюдались и у других куреней. Вид был такой, словно по кошу пронесли татары с турками...

Ивана скрутила тошнота. Не в силах более терпеть такую муку, он бросился к ближайшим кустам и вырвал всё содержимое желудка. Потом, хотя уже не было нечем, рвал ещё, захлёбываясь слюной и желчью. Стало легче. Но голова и общее самочувствие соответствовало самым страшным турецким пыткам... В совершенно полумёртвом состоянии юноша вернулся в курень и брякнулся на грудь бараньих шкур, служивших ему и прочим казакам постелью. Отрубился мгновенно.

– Чего тебя, Митька... – простонал Иван, не в силах больше пошевелить и пальцем. – Я болен весьма, пошёл вон...

– Куренной зовёт, вставай, зараза! – заорал Митька и с размаху двинул Ивана по щеке.

Дружное ржанье запорожцев вокруг заставило того подняться. С помощью Митьки, выйдя на улицу, он умылся из бочки со свежей днепровской водой, служившей казакам умывальником. Стало несколько полегче. Приведя себя в порядок, Иван вернулся в курень и направился в угол, выделенный для куренного атамана.

«Угол» представлял собой небольшую комнату, отделённую от остальной части куреня большой медвежьей шкурой. Бревенчатые стены сплошь покрывала разнообразное дорогое оружие. Главным украшением горницы служило круглое венецианское зеркало в красивой бронзовой раме.

Войдя, Иван снял шапку, перекрестился на образа в правом углу и поклонился. Джура атаманов, тоже сдёрнул шапку, замер за его спиной.

– Митька, стоняй к жиду и притащи ещё баклагу. Живо! – Славко взмахнул рукой и тяжело откинулся на резную спинку высокого итальянского кресла.

Джура мигом исчез. За обширным столом, покрытым заляпанной жирными и винными пятнами атласной скатертью, сидели ещё несколько старых запорожцев. Бородатый бунчужный пушкарей Охрим Панкратов, прозываемый сечевиками Москалём, не спеша смаковал вино из серебряного бокала. Бунчужный Остап Кулага внимательно разглядывал одну из сабель из коллекции куренного атамана. Внушительная бутылка из зелёного стекла, уже пустая, возвышалась в центре стола.

– У-у, прочуналось наше солнышко ясное! Какого себя чувствуешь, джура? – прищурясь протянул Славко, меряя взглядом парня с ног до головы.

Перед глазами атаманов Иван мигом забыл о своём паршивом самочувствии. Опустив голову, он стоял посреди горницы, неловко теребя свою суконную шапку.

– Я полагал, что ты есть более разумен, хлопче. – Свирговский, по-прежнему откинувшись в кресле, крутил в пальцах высокий хрустальный кубок. – Вроде как грамотен ты, книжки читаешь... А ты, похоже, пьянствовать любишь, как и вся другая голота! С полудня тебя добудиться не можем! Каково, а?

Рыжебородый Москаль, ухмыляясь, поглядывал на юношу, медленно потягивая вино из бокала. Кулага отложил саблю и тоже угрюмо уставился на парня.

Под устремлёнными на него взглядами старых сечевиков Иван стушевался ещё более. Нервно жмакая шапку, он облизал пересохшие губы. Но всё же решился объясниться с атаманом:

– Но сейчас все казаки пьют, батько...

– Пьют все. Но не все напиваются до скотского состояния. Сие разумеешь?

Не найдясь, что ответить, Иван опустил голову. Похоже, куренной прав. Он вот тоже с товарищами такую бутылку выхлестал – и ничего...

– Не можешь пить – лучше не трогай кухоль! – Славко с грохотом опустил свой кубок на стол.

– И в кости не сидай играть с казачками, ежели не соображаешь. Ибо без штанов останешься! – подмигнул юноше рыжебородый бунчужный и одним глотком опустошил бокал.

– Ты слушай, Ваня, чего глаголят тебе братчики. И не обижайся – дельные советы тебе даём! Хлопец ты молодой, не опытен ещё. Будешь разумен, там, глядишь, и в старшину со временем выйдешь. А так голотой, сиромахой и останешься... – Кулага хмуро усмехнулся.

Иван, ещё более понурился, застыл на месте. Что сейчас хотел он более всего – так это провалиться сквозь землю. Чтобы только не ощущать на себе иронические взгляды запорожцев! Какой позор! А кости те клятые? Неделю назад, увлечшись игрой, чуть было не проиграл десятнику Семёну Рваному свой кинжал вместе с базалаем. Слава Богу, обозный Ефим Задрыга появился вовремя, наорал на десятника и велел вернуть вещи. Семён был казак добрый, но и шулер первый в курене, за что не раз был бит товарищами.

Закусив губу, Иван не сводил глаз от кончиков своих сапог. Стыд перед атаманами прожигал юношу насквозь. И ещё их тон. Уж лучше бы кричали, матюками крыли! А то тихонько, вежливо тыкают его лицом в грязь, воспитывают...

В горнице наступило молчание.

– Ладно, хорош покудова! – Славко положил локти на стол, подперев ладонями лицо.

– Как твоя голова? Соображает?

– Соображает, пан куренной.

– Тогда, поди туда и разберись с бумагами Хомы. Сей засранец тоже в запое, канчуков давно не отведывал!

Иван подошёл к концу стола, где грудой лежали несколько свитков. Все письменные дела на Сечи делал кошевой писарь Хома Лысый. Он же – до появления Ивана и единственный грамотный человек среди запорожцев. Хотя бумажной работы на Сечи велось не так уж много, всё же на все тридцать восемь куреней старого бурсака и горького пьяницы Хомы не хватало.

Устроившись за столом, Иван взял большое гусиное перо и почесал за ухом. Всё здорово начинало напоминать ему прошлую жизнь в доме Али-Мустафы. С тем же джурой атамана Митькой он уже несколько раз чистил большой закопчённый котёл, где варилась саламаха казаков. С другими молодыми казаками убирал в курене, выгребая от туда горы мусора. И вот теперь в довершение всего – письменные работы. Это когда другие гуляют вовсю! Ну что за судьба такая...

Откинув шкуру, влетел Митька с полной бутылью. Сбив сургуч с горлышка, джура ловко выбил пробку и наполнил до краёв пустые кухоли атаманов.

Быстро работая пером, Иван бросил на него презрительный взгляд. Вот чего-чего, а такой холуйской работы он бы вовек не хотел! А хлопец сей прямо светится, прислуживая сечевикам из старшины. Хотя, с другой стороны, и такие люди тоже нужны. Не будут же старые казаки сами в шинки за сивухой бегать.

Порученная работа, заключающаяся в составлении единой описи всего воинского имущества куреня и внесении в его список новоприбывших казаков, была выполнена скоро. Бунчужный Москаль ещё попросил записать количество пороха, необходимое для пополнения запасов Сычевой пушкарни. Иван с удовольствием выполнил просьбу – у Али-Мустафы приходилось работать над гораздо более сложными документами, да ещё на чужом языке...

Посыпав свежие чернила специальным мелким песком, юноша поднялся из-за стола:

– Готово, пан атаман!

Славко, беседовавший тихо с бунчужным Кулагой, взял свиток, повертел его в руках и велел прочитать в слух. Внимательно выслушав, одобрительно кивнул и поднял на парня тёмные глаза:

– Добре, Иван! Всё правильно записал. И слог у тебя красив, лучше, чем у Хомки. Наверное, сделаю я тебя коренным писарем, а? Затем в паланку к кошевому пойдёшь вместо пьянчуги Хомы!

Слегка побледнев, Иван вытянулся в струнку и, запинаясь, произнёс:

– Я есть, пан атаман, казак по роду своему! Батько мой был казак и я казаком буду! Не писарем!

Сечевики переглянулись между собой. В рыжей бороде Охрима мелькнула усмешка. Остап Кулага мотнул крупной бритой головой.

– Ты по роду городового казак есть, а не запорожский! Вы за подолы бабины держались, и в земле ковырялись, аки смерды поганые! Истинные братчики низовые токмо те, кто тут, за порогами свою долю мают!

Славко знаком велел начальнику сердюков замолчать. Поднявшись, он обошёл стол и стал перед юношей, тяжело уставившись на него:

– Так ты что, сопляк, обсуждаешь указ своего атамана? Забыл что ли, что слово моё есть закон для тебя, джура? Сказано – будешь писарем!

Желваки заиграли на скулах Ивана. С трудом выдерживая взгляд куренного, не опуская глаза, он тихо сказал:

– Я может и молод годами, пан атаман, но не сопляк! Прошу меня более не прозывать так! И писарем я не буду! Помогать вести дела бумажные Хоме не отказываюсь, но не более. Я казак и буду ходить в походы воинские, как всё товариство!

– Так. – Свирговский смерил юношу с ног до головы быстрым насмешливым взглядом. – А верно говаривал Резун, что ты есть хлоп с гонором!

Охрим Москаль наблюдал за этой сценой с явным удовольствием, поглаживая густую бородищу. Остап Кулага вновь принялся разглядывать дорогую арабскую саблю, не обращая, казалось, никакого внимания на происходящее. Джура Митька замерев у входа уставился на Ивана с раскрытым ртом.

Словно, посверлив ещё некоторое время парня взглядом, неожиданно отпрыгнул назад. Сверкающий клинок молнией заплясал у него в правой руке.

– Саблю, джура! Глянем, на что ты годеи! Казак не словом силён, а делом! – свирепый оскал исказил смуглое лицо атамана.

Иван выхватил из ножен базалай и сабли скрестились в воздухе. Юноша смог отбить только второй удар Свирговского – с третьего Славко вышиб клинок из его руки, и остриё роскошной сабли атамана упёрлась в горло парня.

Иван весь мокрый, тяжело дыша, не отрываясь, зло смотрел в глаза куренного.

– Вот когда научишься оружие в руках держать, тогда будешь в походах участвовать, джура! – Славко легко вонзил свою саблю обратно в ножны. – А то башку твою грамотейскую в первой же сече какой-нибудь басурман вмиг снесёт. Жаль сие будет, ибо на всём Коше токмо ты и Хомка грамоту разумеют...

Опустив голову и стараясь не обращать внимания на насмешливо ухмыляющегося Митьку, Иван подобрал валяющуюся в углу шашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.